

Вятский государственный гуманитарный университет

В Е С Т Н И К
ВЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Н а у ч н ы й ж у р н а л

№ 3

Киров
2016

Главный редактор

В. Т. Юнгблюд, доктор исторических наук, профессор, ректор ВятГГУ

Заместитель главного редактора

Е. М. Вечтомов, доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой, ВятГГУ

Заместитель главного редактора

Л. В. Калинина, доктор филологических наук, доцент, ВятГГУ

Ответственный секретарь

О. В. Байкова, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой, ВятГГУ

Состав редакционного совета:

В. В. Блажеев, кандидат юридических наук, профессор, председатель Совета УМО по юридическому образованию, ректор Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Москва);

И. Р. Гафуров, доктор экономических наук, профессор, ректор Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань);

Н. И. Егорова, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра по изучению холодной войны, Институт всеобщей истории РАН (г. Москва);

В. В. Лаптев, доктор педагогических наук, профессор, действительный член (академик) РАО, проректор по научной работе, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург);

А. А. Махнев, доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заведующий отделом, Институт математики и механики УрО РАН (г. Екатеринбург);

Ю. А. Петров, доктор исторических наук, директор Института российской истории РАН (г. Москва);

Е. И. Пивовар, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, ректор Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва);

Н. Д. Светозарова, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург);

Е. Protassova, доктор педагогических наук, профессор-адъюнкт, отделение современных языков, Хельсинкский университет (г. Хельсинки, Финляндия);

H. W. Retterath, доктор филологии, Институт этнографии немцев в Восточной Европе (г. Фрайбург, Германия);

D. Stellmacher, доктор филологии, профессор, Университет имени Георга-Августа (г. Геттинген, Германия)

Состав редакционной коллегии:

Н. М. Валеев, доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан (г. Казань);

П. И. Кононов, доктор юридических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

В. М. Лавров, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт российской истории РАН (г. Москва);

М. И. Ненашев, доктор философских наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

Н. О. Осипова, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

О. А. Останина, доктор философских наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

В. Я. Перминов, доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва);

В. А. Поздеев, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

О. Ю. Поляков, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

Ю. А. Сауров, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО, ВятГГУ (г. Киров);

Г. И. Симонова, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой, ВятГГУ (г. Киров);

М. С. Судовиков, доктор исторических наук, доцент (г. Киров)

С. В. Чернова, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

Т. Н. Чугаева, доктор филологических наук, заведующая кафедрой, Пермский научный центр УрО РАН (г. Пермь)

Адрес редакции: 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26,
тел. (8332) 208-964 (Издательство ВятГГУ)

Редактор **О. И. Коробкова**

Компьютерная верстка: **Л. А. Кислицына**

Дизайн обложки: **А. Ю. Чепурных**

Ответственный за выпуск **А. А. Харунжев** (кандидат педагогических наук, доцент)

Редактор выпускающий **М. А. Харунжева** (кандидат философских наук)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

(Министерство по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций)

ПИ № 77-14376 от 17 января 2003 г.

Цена свободная

*Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук*

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

<i>Пилипенко Е. А.</i> Историческое время: нетривиальная онтология	5
<i>Лебедев А. В.</i> История формирования картины мира в теории культуры.....	9
<i>Шашин З. С., Шакин С. А.</i> Феномен красоты как смысловой ориентир развития общества	13
<i>Рахинский Д. В.</i> Особенности информационных войн в глобальном мире.....	18
<i>Соколова А. С.</i> Основные подходы к типологизации личности в обществе.....	21

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

<i>Бородина Е. В.</i> От Московского царства к Российской империи: изменение традиций управления в России первой четверти XVIII столетия.....	26
<i>Киселев М. А.</i> Государственная деятельность В. Н. Татищева на Урале в 1721 г. (на примере управления Алапаевского завода)	31
<i>Иванов К. С.</i> Борьба с эпидемиями в г. Ишиме в годы Великой Отечественной войны.....	39
<i>Слободянюк Г. Е.</i> Общественно-политическая деятельность ОСТК и процесс создания институтов государственности Приднестровья	43
<i>Трушкова И. Ю.</i> Экономика восточно-поморского города Лальска: вопросы этноархеологического изучения	51
<i>Мозгина К. А.</i> Проблема «восточного исключения» в иммиграционной политике США во второй половине XIX – начале XX в.	59

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Калинина Л. В.</i> Изучение семантики неуловимого как лингвистическая и когнитивная проблема.....	63
<i>Тун Хуэй</i> К вопросу о выявлении в художественном тексте лексики чувственного восприятия.....	67
<i>Чанчина А. В., Кочнова К. А.</i> К вопросу о словообразовательной мотивации в современной лингвистике.....	72
<i>Бекимбетова Н. М., Исмаилова А. Р., Кочемасова Д. Р.</i> Индивидуальная оценка имен собственных личных и нарицательных в англоязычной и русскоязычной художественной литературе.....	75
<i>Евтушевская А. Е.</i> Модель учебного словаря цветоименований английского языка	78
<i>Рахматуллина Д. Э., Замалютдинова Э. Р.</i> Референциальный статус постпозитивов английских фразовых глаголов в темпоральном контексте.....	85
<i>Фасхутдинова Г. Р.</i> Экспрессивность разговорных лексем немецкого языка.....	89
<i>Чжан Хун</i> В. Г. Белинский о творчестве писателей третьего ряда	95
<i>Клековкин Д. А.</i> Традиции Ф. Достоевского в изображении героя А. Грина (рассказ «Маленький заговор»).....	100
<i>Жэнь Фэй</i> Об одном невербальном способе выражения эмоций в произведениях А. П. Чехова.....	105
Сведения об авторах	111
Information about authors	113

CONTENTS

- Pilipenko E. A.* The historical time: a nontrivial ontology
- Lebedev A. V.* The history of worldview formation in the theory of culture
- Shashin Z. S., Shakin S. A.* The phenomenon of beauty as the aim of social development sense
- Rakhinskiy D. V.* Features of information warfare in the global world
- Sokolova A. S.* The main approaches to the typology of personality in society
- Borodina E. V.* From Moscow Kingdom to Russian Empire: changes of administrative traditions in Russia of the 1st quarter of the 18th century
- Kiselev M. A.* State activity of V. N. Tatishhev in the Urals in 1721 (on the materials of management of Alapaevskii plant)
- Ivanov K. S.* The fight against epidemics in the Ishim in the great Patriotic war
- Slobodyanyuk G. E.* Political activity UCWC and the process of creating the institutions of statehood of Transnistria
- Trushkova I. Yu.* Economics of Easten-Pomor town Lalsk: problems of ethnoarcheological studies.
- Mozgina K. A.* The problem of "oriental exclusion" in the immigration policy of the USA in the second half of the 19th – early 20th centuries
- Kalinina L. V.* Studying of semantics of imperceptible as linguistic and cognitive problem
- Tong Hui* To a question of identification in the art text lexicon of sensory perception
- Chanchina A. V., Kochnova K. A.* To the question of word-formation motivation in modern linguistics
- Bekimbetova N. M., Ismagilova A. R., Kochemasova D. R.* Individual assessment of proper names personal and naritsatselny in english-speaking and russian-speaking fiction
- Evtushevskaya A. E.* Learner's dictionary model of English colour names
- Rakmatullina D. E., Zamalutdinova E. R.* The referential status of english adverbial postpositions with phrasal verbs in temporal contest
- Fashutdinova G. R.* Expressivity of colloquial lexical units of German language
- Zhang Hong* Belinsky about the work of the writers of the third row
- Klekovkin D. A. F.* Dostoyevsky tradition in depicting a. Grin's hero (short story "A Small Plot")
- Ren Fei* About one nonverbal way of expression of emotions in works of A. P. Chekhov

Историческое время: нетривиальная онтология

Исследуются основные формы исторического времени, имеющие объективные основания, укорененные в содержании и характере формирующих эти формы исторических эпох. Анализируется сложная дискретно-континуальная природа исторического времени. Показано, что историческое время может пониматься как познавательный концепт, и при таком понимании оно коренным образом отличается от физического и биологического времени, которые представляются вполне реальными (даже материальными) формами бытия. Историческое время представляется как интерсубъективное и амбивалентное, выступает, как минимум, в двух разных онтологических формах: историческое «время-эпистема» и историческое «время-переживание». Утверждается, что историческое время как эпистема является необходимым условием познания, конституирования и даже проектирования истории. Как способ переживания историческое время позволяет историческим субъектам быть сопричастными истории, творить ее.

The purpose of this work is the ontological analysis of the historical time. The main forms of the historical time which have objective and rooted in contents and character of historical era's which are forming them grounds are explored. A complex discrete-continuum nature of the historical time is analyzed. It is shown, that the historical time can be considered as educational concept and something speculative. From this point of view it is significantly different from physical and biological times, which are considered as quite real (material) forms of time. It is shown, that the historical time is intersubjective and ambivalent, and it takes part at least in two different ontological forms: a historical 'time-episteme' and a historical 'time-experience'. As a result, it is shown, that the historical time as episteme is a necessary condition for cognition, constitution and projecting a history. The historical time as a method of experience allows historical subjects to be involved in their history, to make it. It is determined, that the historical time has nontrivial ontology.

Ключевые слова: историческое время, онтологический анализ, познавательный концепт, интерсубъективность, амбивалентность, эпистема, переживание.

Keywords: historical time, ontological analysis, educational concept, intersubjective, ambivalence, episteme, experience.

Современная философия уделяет серьезное внимание проблеме времени, и дело не только в том, что время пронизывает собой все уровни существующего и определяет границы человеческой жизни, но и в особенностях восприятия времени, разделяющего бытие и небытие. Всякий раз, сталкиваясь с необходимостью выяснения смысла времени, мы задаемся предельно общим вопрошанием и о смысле бытия, именно поэтому проблема времени является одной из центральных тем в философии. Надо признать, что философские аспекты феномена времени в силу его сложности остаются не до конца проясненными. Одним из таких моментов является проблема исторического времени, актуальность ее состоит в том, что историческое время всегда политически и идеологически «ангажировано», оно является «водоразделом» различных прочтений истории и даже фактором, определяющим существование принципиально различных историй. Вот почему особо остро встают вопросы об онтологическом статусе исторического времени, его реальности, его объективности, ответы на которые могут помочь разобраться и с характером описания исторических процессов.

Историческое время является важной компонентой любой исторической теории, лежащей не в их контексте, а в их основании. Без него невозможно осознать прошлое, понять настоящее и прогнозировать историческое будущее. Время является той структурой, которая позволяет конструировать историю как теоретический объект, как целое, рассуждать об историческом процессе, о смысле и назначении истории, об особенностях исторического развития. Трудности, которые возникают в понимании истории, во многом связаны с проблемой онтологизации историче-

ского времени. Дело в том, что мы познаем историю лишь настолько, насколько ее конструируем и «переживаем» временным образом; время при таком рассмотрении выступает способом понимания исторической действительности. Тогда-то и возникает важнейший онтологический вопрос: является ли историческое время объективным или оно «всего-навсего» лишь способ описания исторических процессов, т. е. субъективно? На этот вопрос первым опосредованно ответил И. Кант, определивший всякое время как имманентный человеческому сознанию способ осмысления и переживания любой действительности, в том числе и исторической [1], и обозначивший его как субъективный феномен.

Историческое время как объект научного анализа предстает в самых разных своих определениях, зависящих от исторической эпохи, в которую они формулируются. Античность и Средневековье, Новое и Новейшее время отмечены собственным пониманием исторического времени, выражаемом в различных концептуальных моделях. Само содержание исторического времени раскрывается во множестве исторических моделей и форм, которые можно классифицировать в соответствии с произошедшими историческими событиями и (или) существующими историческими и философскими концепциями. Это значит, что единого универсального определения исторического времени до сих пор нет, хотя и могут существовать более или менее общие представления о нем, синтезирующие знания, полученные в разные эпохи и обозначенные различными смысловыми его моделями.

Принято говорить о формах исторического времени, имеющих объективные основания, укорененные в содержании и характере формирующих эти формы исторических эпох. Во-первых, историческое время может отражать главную качественную особенность той или иной эпохи – неизменность жизненных устоев, постоянное повторение одних и тех же установленных способов жизнедеятельности и социальных практик, сохранение традиций. Такая форма исторического времени обозначает собой социальную укорененность в прошлом; которое придает последнему значение образца жизнеустройства и поведения; утверждает основополагающую роль традиции в общественном и индивидуальном бытии как механизма, с помощью которого прошлое можно воспроизвести, реконструировать, оживить в настоящем, сделать его практически реальным. Мы будем называть эту форму исторического времени *константной, или традиционной*. Она обращена в прошлое, позволяет обнаруживать историческое прошлое в настоящем, выделять неизменные свойства вещей и событий, находить истоки, корни происходящего. Именно константное историческое время позволяет ввести представления о конкретных исторических эпохах, определенных видах общественного устройства (например, общественно-экономических формациях), фиксированных типах общественных отношений и т. д.

Другая форма исторического времени позволяет наблюдать историю как процесс, как развитие общественных отношений и представлений, и является темпоральной характеристикой всех социальных изменений, преобразований, инноваций. Эта форма времени выражается в строгой последовательности прошлого, настоящего и будущего, представленной в смене исторических периодов, стадий, фаз. Она устремлена в будущее и позволяет ввести представления об историческом движении вперед, об историческом процессе, о закономерности исторического развития, об историческом и социальном прогрессе. Мы будем называть эту форму исторического времени *процессуальной*.

Введение представлений о еще одной, третьей, форме исторического времени связано с необходимостью описать всю сложность современного социума. Речь идет о нынешнем периоде тотальных и очень быстрых социальных изменений, о сложной и непредсказуемой общественной динамике, о нелинейном социальном развитии [2], сопровождающемся социальными кризисами и катастрофами, многочисленными возвратами к прошлому и прорывами в будущее, нестабильностью социальной и духовной жизни, перманентными рисками и угрозами всеобщего конца и уничтожения. Описание всей этой социальной сложности невозможно без представлений о свободной, непредсказуемой (а иногда и хаотической!) связи исторического прошлого, настоящего и будущего и позволяет осмыслить современное историческое время как время чрезвычайно быстрых, непредсказуемых, динамических изменений; как обратимое, нелинейное, хаотическое время, постоянное меняющее ход, направление, темпы, ритмы; как время, не только постоянно созидающее, но и разрушающее, творящее и реконструирующее. Мы будем называть такую форму исторического времени *нелинейной, или динамической*.

Если говорить об установлении, фиксации, запечатлении, измерении исторического времени, то они, как правило, являются событийными и производятся на основе использования двух основных составляющих: календаря и события. Установление исторического времени становится возможным благодаря принятию некоторой конвенциональной временной шкалы и фиксации на ней того или иного исторического события, индивидуального или коллективного, происшед-

шего в рамках какого-либо исторического сообщества. Время при этом простейшим образом сводится к определению дат происходящих событий и их рядоположению, установлению их темпоральных взаимоотношений. Такое «действительное» время оказывается дискретным и изображается с помощью точек на временной линии, отмечающих даты отдельных событий. Сама же временная линия представляется непрерывной, недоступной внешнему восприятию; это бесконечное дление, нечто трансцендентное, метафизический фон всего происходящего. Дискретное «действительное» время, представленное календарем и событиями, имеет начало, в качестве которого могут приниматься какие-либо мифические, природные или социальные события, и конец, под которым понимается конкретное настоящее, фиксированный момент жизни человека, описывающего то, что было до этого. Таким образом, установление исторического времени представляется комплексной процедурой, включающей в себя разбиение, дробление, дискретизацию истории на отдельные «реальные» события и «нанесения» их на непрерывную ось идеального исторического времени. Подобная процедура заставляет задуматься о сложной *дискретно-континуальной* природе исторического времени, о возможности понимать его как нечто *амбивалентное, существующее в единстве прерывного и непрерывного*. Подобные прерывно-непрерывные объекты были введены в научное рассмотрение в конце двадцатого века и были названы фракталами [3]. Мы полагаем, что идея фрактальности может оказаться эвристичной и весьма полезной для перспективных исследований исторического времени.

Чаще всего историческое время определяется на основе использования темпоральных определений категории «исторический процесс», позволяющих рассматривать общество в его изменении, преобразовании и развитии. Важнейшим моментом такого осмысления становится обозначение времени через определенную последовательность социальных событий, через смену качественно-различных общественных состояний, через движение от социального прошлого к настоящему и к будущему, через переходы от одной исторической эпохи, от одной формы социальной организации к другой. Поэтому историческое время может рассматриваться как *форма социального времени*. При таком рассмотрении содержанием исторического времени становятся временные характеристики самого исторического процесса. Во-первых, это направленность от прошлого к настоящему и к будущему, которая может принимать разные формы: линейную или циклическую (в зависимости от повторяемости и неповторяемости старого и нового), прогрессивную и регрессивную (в зависимости от характера развития). Во-вторых, это временная периодизация (структурированность). В-третьих, это темпоральность, выражающая темпы и скорости социальных преобразований. В-четвертых, ритмичность, обозначающая характер чередования социальных состояний, частоту складывающихся исторический процесс событий. Подобное описание исторического времени есть описание «через», это опосредованное описание через социальные, вещные, изменения, явные через «следы времени» в исторической или социальной реальности.

Мы уже отмечали выше, что постижение различных смыслов исторического времени было напрямую связано с содержанием категории «время» в философских, конкретно-научных и междисциплинарных исследованиях и менялось от эпохи к эпохе. Современные интерпретации исторического времени отличаются тем, что последнее чаще всего определяется не как результат анализа конкретных свойств каких-либо исторических процессов, не как определенное темпоральное свойство той или иной эпохи, а как некий эпистемологический концепт, позволяющий обнаруживать и описывать характеристики всего исторического процесса, любого исторического периода, всякой эпохи. Основанием концепта «историческое время» являются философские представления о существовании онтологически разных времен с общими существенными свойствами, в нем аккумулируются и определенные онтологические представления о времени как таковом, и гносеологические представления о способах его познания и переживания [4]. Итак, историческое время может пониматься как познавательный концепт, как нечто умозраительное, и при таком понимании оно коренным образом отличается от физического и биологического времени, которые представляются вполне реальными (даже материальными) формами времени. Историческое время как время концептуальное, как теоретический конструкт позволяет «укладывать» историю в определенные рамки, усматривать в ней некоторые последовательности и порядки, наделять те или иные эпохи специфическими свойствами. Это умозраительное время, являющееся коллективным интеллектуальным продуктом, результатом договоренности исследователей истории; это теоретическая модель, концентрирующая в себе определенные темпоральные характеристики, приписываемые историческим эпохам и историческим процессам. Такое историческое время никак не может быть сведено к физическому или биологическому, не может быть описано на основании объективных законов. Эта ситуация достаточно хорошо известна и неоднократно отмечена: «материя истории» специфична, а категория времени не может «совершенно равнозначно применяться к природе и обществу» [5]. Как концепт, как интеллектуальный конструкт, как способ познания исторической

реальности историческое время оказывается интерсубъективным феноменом, возникающим как результат той или иной конвенции. А это значит, что историческому времени могут приписываться разные свойства, что может «существовать» множество историческим времен, а вместе с ними – и множество различных историй. Примеры существования разных «историй» (и человеческих, и вселенских) многочисленны, ими изобилует постнеклассическая рациональность, множащая любые представления о действительности [6].

Историческое время как концепт имеет, как минимум, два основных смысла. В широком смысле оно выступает как способ познания, как эпистема, позволяющая наблюдать этапы эволюции всей Вселенной, любые процессы происхождения и развития физического, биологического, социального миров, каждый из которых характеризуется своими началом, продолжительностью существования, качественными метаморфозами и концом; в каждом из которых можно выделить прошлое, настоящее и будущее; каждому из которых можно приписать собственные временные свойства. В узком смысле концепт исторического времени является средством описания исторической (социальной) реальности, развития цивилизации и культуры. Но, в любом случае, время является необходимым условием понимания любой истории, только оно позволяет конституировать последнюю как теоретический объект, осмыслять ее.

Сказанное позволяет нам продвинуться в понимании онтологического статуса исторического времени. Мы уже определились с тем, что историческое время как концепт, как интеллектуальный конструкт является интерсубъективным феноменом. Но этим не исчерпывается онтологическая сложность исторического времени. Было бы неверным утверждать, что историческое время лишь умозрительно. В самом деле, существует и «реальное» историческое время: это время, в котором не только разворачиваются исторические процессы и совершаются исторические события, но которое ощущается и переживается историческими субъектами как историческая реальность, настоящая, прошлая или грядущая. Это то время, которое позволяет индивиду или социальному сообществу «чувствовать» историю, жить в ней, быть ей сопричастными, творить ее, идентифицировать себя в ней. Но тогда помимо исторического «времени-эпистемы» существует и историческое «время-переживание». И снова мы сталкиваемся с амбивалентностью, двойственностью, неоднозначностью, двумя различными формами исторического времени. В своих предыдущих исследованиях мы уже определили «времена-эпистемы» и «времена-переживания» как «человекомерные» времена и показали, что они интерсубъективны [7]. Все это позволяет нам говорить об историческом времени как об интерсубъективном и амбивалентном феномене, как о способе познания и способе переживания исторической реальности одновременно. Корни этих представлений уходят в экзистенциальную философию М. Хайдеггера, в его понимание времени как единственно возможного способа постижения бытия человеком [8].

Мы, наконец, можем попытаться ответить на онтологические вопросы, поставленные в начале этой работы. Объективно ли историческое время? Нет, не объективно, особенно если иметь в виду историческое время в узком смысле, человеческую историю. Как способ познания истории и как способ ее переживания историческое время интерсубъективно. И хотя в отношении исторических процессов можно ввести «физическую» временную шкалу, измерять историческое время в отношении вселенского, в тех же единицах и масштабах, все же историческое время всегда не совпадает с физическим, это нечто иное, определяющее собственную, отличную от физической, историческую реальность. Последнее, впрочем, никак не исключает влияния на исторические процессы физического времени, которое задает определенные ритмы и темпы человеческой истории, связанные с природной цикличностью и периодизацией.

Реально ли историческое время? Да, реально, но в собственной, исторической, отличной от физической реальности, основанием которой оно и является. Представления о сосуществовании множества реальностей составляют квинтэссенцию постнеклассической онтологии и виртуалистики [9] и сегодня достаточно интегрированы в философию. Они приводят к представлениям о полионтичности бытия и полионтичности времени, о различных онтологических формах времени с общими существенными свойствами. Сосуществование разных реальностей, в том числе и разных исторических реальностей, может быть описано в рамках виртуалистики с помощью концепта «виртуальная реальность» [10]. Различные способы познания истории и различные способы ее переживания и составляют онтологическое основание разных «историй» человечества, которые в русле постнеклассических представлений оказываются не только возможными, но и необходимыми.

Итак, историческое время имеет нетривиальную онтологию. Оно интерсубъективно и амбивалентно, выступает, как минимум, в двух разных онтологических формах: историческое «время-эпистема» и историческое «время-переживание». Как эпистема, как концепт историческое время является необходимым условием познания, конституирования и даже проектирования

истории. Как способ переживания историческое время позволяет историческим субъектам быть сопричастными истории, творить ее. Мы полагаем, что подобное рассмотрение исторического времени может иметь значительную и весьма эвристичную перспективу.

Примечания

1. Кант И. Критика чистого разума М.: Наука, 1998.
2. Афанасьева В. В., Анисимов Н. С. Нелинейное развитие социума: постнеклассический анализ // Власть. 2013. № 1. С. 68–71.
3. Мандельброт Б. Фракталы и хаос. Множество Мандельброта и другие чудеса // Бенуа Мандельброт. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2009.
4. Афанасьева В. В., Пилипенко Е. А. Онтология времени // Вестник ВолГУ. 2014. № 4. С. 41–48.
5. Гуревич А. Л. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1984.
6. Афанасьева В. В., Анисимов Н. С. Постнеклассическая онтология // Вопросы философии. 2015. № 8. С. 28–42.
7. Афанасьева В. В., Пилипенко Е. А. Онтология времени // Вестник ВолГУ. 2014. № 4. С. 41–48.
8. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997.
9. Афанасьева В. В., Анисимов Н. С. Постнеклассическая онтология...; Носов Н. А. Образование и виртуальная реальность // Новый коллегийум. 2000. № 3. С. 40–43.
10. Носов Н. А. Там же; Афанасьева В. В. Тотальность виртуального. Саратов: Изд-во «Науч. кн.», 2005.

Notes

1. Kant I. Kritika chistogo razuma [Critique of pure mind] M. Nauka. 1998.
2. Afanasieva V. V., Anisimov N. S. Nelinejnoe razvitie sociuma: postneklassicheskij analiz [Nonlinear development of society: post-non-classical analysis] // Vlast' - The Power. 2013, No. 1, pp. 68–71.
3. Mandelbrot B. Fraktaly i haos. Mnozhestvo Mandel'brot'a i drugie chudesa [Fractals and chaos. The Mandelbrot set and other miracles] // Benua Mandel'brot - Benoit Mandelbrot. Izhevsk. SRC "Regular and chaotic dynamics". 2009.
4. Afanasieva V. V., Pilipenko E. A. Ontologiya vremeni [Ontology of time] // Vestnik VolGU – Herald of the Volga State University. 2014, No. 4, pp. 41–48.
5. L. A. Gurevich Kategorii srednevekovoj kul'tury [Categories of medieval culture]. M. Iskusstvo. 1984.
6. Afanasieva V. V., Anisimov N. S. Postneklassicheskaya ontologiya [Post-non-classical ontology] // Voprosy filosofii - Questions of philosophy. 2015, No. 8, pp. 28–42.
7. Afanasieva V. V., Pilipenko E. A. Ontologiya vremeni [Ontology of time] // Vestnik VolGU – Herald of the Volga State University. 2014, No. 4, pp. 41–48.
8. Heidegger M. Bytie i vremya [Being and time]. M. Ad Marginem. 1997.
9. Afanasieva V. V., Anisimov N. S. Postneklassicheskaya ontologiya... [Post-non-classical ontology...]; Nosov N. A. Obrazovanie i virtual'naya real'nost' [Education and virtual reality] // Novyj kollegium – New Collegium. 2000, No. 3, pp. 40–43.
10. Nosov N. A. ibid.; Afanasieva V. V. Total'nost' virtual'nogo [Totality of the virtual]. Saratov. Publishing house "Scientific book". 2005.

УДК 130.2:27-235:81`25

А. В. Лебедев

История формирования картины мира в теории культуры

В статье рассматриваются вопросы формирования целостной картины мира в теории культуры. Картины мира рассматриваются в историческом, социокультурном, этнопсихологическом, психологическом аспектах и имеют мировоззренческую, аксиологическую, объяснительно-описательную, нормативно-регулятивную, прагматическую, профетическую, коммуникативную функции. Термин «картина мира» применяется для обозначения мировоззрения людей определенной исторической эпохи, характеризуется эволюцией и развитием духовно-практического освоения природы. На протяжении истории человечества пространство культуры и знания формировало различные типы картин мира (мифологический, религиозный, естественнонаучный, философский), в совокупности представляющие общую картину мироустройства. Осмысление мироздания с точки зрения взаимоотношений человека и мира в онтологическом, познавательном, ценностном и деятельностном ракурсах приводят к пониманию объединения философского, лингвистического, религиозно-мифологического и других направлений в развитии концепта «картина мира» в единый системный конструкт.

The article deals with the issues of formation of the united worldview in the theory of culture. Various types of worldviews are considered in historical, sociological, psychological, ethnic aspects and has different functions including ideological, axiological, descriptive, normative, pragmatic, prophetic, communicative. Worldview is described as the people's outlook of a specific historic epoch. The culture has formed various types of worldviews (mythological, religious, scientific, philosophic) presenting the overall world picture. World-person interrelation in value and action aspects leads to the understanding of uniting various approaches and worldviews into one system.

Ключевые слова: картина мира, религия, философия, христианство, миф, образ мира, модель восприятия мира.

Keywords: worldview, religion, philosophy, Christianity, myth, world image, world perception model.

Имея давнюю историю, явление, называемое «картина мира», лишь в XIX столетии становится объектом научно-философского рассмотрения. При этом трактовка понятия «картина мира» различается в зависимости от угла зрения той или иной научной дисциплины. К примеру, А. Я. Флиер выделяет социокультурную картину мира как «комплексное и системное представление об основных структурных, динамических и функциональных параметрах наблюдаемой социальной реальности и культурных формах, в которых она воплощается» [1]. По мысли А. Я. Гуревича, «образ мира» и «модель мира» являются близкими по значению понятиями, раскрывающими «модель универсума», «схему реальности», «схему сознания», «внутренний мир человека», «структуру субъективного опыта», «субъективную картину мира» и другие понятия, «характеризующие субъективную системность мировосприятия и мироощущения человека: целостную, многоуровневую систему представлений о мире и его взаимосвязях, о других людях, о себе и своей деятельности, о пространственной и временной последовательности событий, их причинах, значении и целях» [2]. Образ мира, выраженный религиозными представлениями, языком, традицией, воспитанием, общественной практикой людей, является устойчивым образованием. В связи с этим опыт восприятия системы мироустройства, взаимосвязь отдельных элементов и компонентов целой системы, включающей в себя и человека, «сам должен был представлять собой некую систему представлений и ощущений, иначе оставались бы неясными “правила игры” в этом мире, а следовательно, и “методы” выживания в нем» [3]. Немецкий философ О. Шпенглер одним из первых обратился к понятию «картина мира» в 20-х гг. XX в. и попытался построить типологию мировых культур. В качестве основного критерия он принял различия в картине мира (культурная типология), сделав фундаментальный вывод: «...хотя каждый думает, что существует единственный, самостоятельный и вечный мир», на самом деле «существует столько же миров, сколько людей и культур» [4]. Немецкий социолог, философ, психоаналитик Э. Фромм называл картиной мира определенным образом организованную и внутренне связанную «карту нашего природного и социального мира и нашего места в нем» [5]. Феномен «картина мира» трактовали и исследователи, работающие в сфере культурной антропологии и выработавшие понятие этнической картины мира как «единой когнитивной ориентации, являющейся невербализованным, имплицитным выражением понимания членами каждого общества “правил жизни”, диктуемых социальными, природными и сверхъестественными силами» [6].

Резюмируя эти определения, картину мира можно определить в качестве образа Вселенной, в которой человек занимает определенное место в качестве субъекта духовно-практической деятельности.

Мифологические, религиозные, научные и философские концепции дают свое объяснение начала мира, в зависимости от того, что является смысловым центром той или иной картины мира: мифологическое миропостроение описывает происхождение Вселенной, человека, явлений природы посредством представлений древних этносов, выраженных в мифологии и обрядах; ядром научной картины мира является общечеловеческая реальность; религиозная картина в центре всего ставит сферу божественного и человеческого, соотношение небесного и земного; главной темой философской картины мира становится соотношение мира и человека в онтологическом, познавательном, ценностном, деятельностном аспектах.

Очевидно, что вокруг смыслового центра (образа Вселенной) в разнообразных представлениях о картине мира (мифологическом, религиозном, философском) располагаются основные компоненты – человек как субъект действия, его социальное поведение, повседневный мир. Поскольку научная картина мира не зависит от человеческой субъективности, ее ядром выступает реальность без человека. В работе Е. Е. Дьяченко «Картина мира: социально-психологический аспект» утверждается: «Осмысление человеком картины мира формирует, в свою очередь, модель восприятия мира, которая представляет собой ступени освоения определенным этносом природы и общества, что определяет духовный мир человека (конкретно-чувственные воспри-

ятия)» [7]. По мысли Дьяченко, человек формирует «модель восприятия мира», представляющую собой «ступени освоения определенным этносом природы и общества, что определяет духовный мир человека (конкретно-чувственные восприятия)» [8].

Картину мира необходимо рассматривать с двух позиций: позиции объективного существования (онтология мира) и с субъективных позиций, то есть мировоззрения субъекта, характеризующегося социальным и личностным своеобразием. Социальный аспект картины мира выражается в совокупности коллективных знаний о мире; личностный аспект является отражением индивидуальных ценностных установок и познавательных способностей человека. В своей работе «Картина мира» Т. Ф. Кузнецова приводит цитату из работы исследователей этой проблемы В. Н. Михайловского и Г. Н. Хона, которые утверждают: «Отмеченная Планком возможность иллюзии связана со сменой первоначального подхода к пониманию картины мира как совокупного знания, однозначно сопоставимого с объективной реальностью путем прямой онтологизации теоретических конструкций... Тем самым был поставлен вопрос о вписываемости многоуровневого теоретического знания в образ существующей картины мира, вместе с тем вопрос о формировании современной картины мира в соответствии с развитием теоретического естествознания» [9]. По мысли Кузнецовой, понятие «картина мира» в XIX в. интерпретировалось преимущественно как философско-мировоззренческий конструкт, в то время как для XX в., особенно для его второй половины, характерно представление об этом концепте как системе научно-философских знаний «об общих свойствах и закономерностях мира (природы, социальной среды)» [10]. В настоящее время картина мира воспринимается как целостное мировоззрение, где естественнонаучный и философский аспекты и данные соединены в единое целое, преломляясь в сознании личности.

В свою очередь, феномен человеческого восприятия – «образ мира» – был изучен и впервые предложен известным психологом А. Н. Леонтьевым, который отмечает, что «психология образа (восприятия) есть конкретно-научное знание о том, как в процессе своей деятельности индивиды строят образ мира – мира, в котором они живут, действуют, который они сами переделывают и частично создают...». По мысли ученого, картина мира включает в себя невидимые свойства предметов: амодальные – открытые в результате развития человеческого знания и «сверхчувственные» – функциональные свойства [11]. А. Н. Леонтьев характеризовал «образ мира» как интегрирующую концепцию для описания всей феноменологии восприятия мира. Само понятие было введено ученым для решения проблем обобщения эмпирического материала, накопленного в процессе исследования восприятия человека. Субъективное значение событий, предметов и действий структурирует образ мира, подчас искажая, «стягивая и растягивая» пространство и время [12]. Безусловно, образ мира возможен только через человеческое восприятие, и поэтому можно говорить о практической тождественности этого понятия с концептом «образ восприятия мира».

Понятие «образ мира» определяет возможность познания человеком действительности, управления его поведением в этом процессе. Модель мира строится благодаря представлениям человека об «образе мира», основана на его восприятии, связанном с наглядными образами, возникающими в сознании. Модель восприятия мира руководит познавательной деятельностью человека на определенной ступени социального развития, регулирует нормы и правила поведения людей. Исследуя мифоязыческую картину мира этноса, Г. М. Матвеев выяснил, что содержание модели восприятия мира определяется разными факторами (природными, социокультурными, историческими, психологическими, этнопсихологическими и идеологическими), влияющими на многомерную структуру модели восприятия мира и способными адекватно отразить «многослойность объективной реальности» [13]. Добавим, что уровень общей культуры отдельной личности является мировоззренческой доминантой, которая не только формирует внутренние убеждения, но и проецирует определенную картину мира на общество в целом.

Кроме того, *картине мира присущи определенные функции*: мировоззренческая, гносеологическая, прогностическая, аксиологическая, коммуникативная, объяснительно-описательная, нормативно-регулятивная, прагматическая. Мировоззренческая функция картины мира является духовной основой жизнедеятельности человека, позволяет человеку ориентироваться в мире природных и социальных явлений. Гносеологическая функция является средством для получения новой информации; ей присуща целостность и системность. Прогностическая функция связана с извечной заинтересованностью людей своей историей, возможностью предвидения будущего. Аксиологическая функция выступает в качестве функционирующей системы ценностей и выражает отношение человека ко всему происходящему, способствует выработке целей и смысла жизни, дает оценку явлениям и внутреннему миру человека. Коммуникативная функция способствует организации человеческого общения, взаимопониманию между людьми. Объяснительно-описательная функция раскрывает связи и отношения, существующие в системе представлений

о явлениях природы и общества. Нормативно-регулятивная функция картины мира характеризуется системой установок и выражается культурным эталоном человеческой деятельности. Прагматическая функция выражает стратегию и тактику деятельности субъекта (человека, коллектива). Полагаем, что с развитием человеческого знания каждая из этих функций в той или иной мере становится свойственной любой картине мира.

Таким образом, разные картины мира рассматриваются в историческом, социокультурном, этнопсихологическом, психологическом, аспектах и имеют мировоззренческую, аксиологическую, объяснительно-описательную, нормативно-регулятивную, прагматическую, профетическую, коммуникативную функции. Термин «картина мира» применяется для обозначения мировоззрения людей определенной исторической эпохи, характеризуется эволюцией и развитием духовно-практического освоения природы. На протяжении истории человечества пространство культуры и знания формировало различные типы картин мира (мифологический, религиозный, естественнонаучный, философский), в совокупности представляющие общую картину мироустройства.

Подводя итог вышесказанному, можно считать, что в процессе анализа и постижения действительности выявляется множественность разных картин мироздания, в процессе диалога которых в идеале должна сложиться целостная картина мира. Осмысление мироздания с точки зрения взаимоотношений человека и мира в онтологическом, познавательном, ценностном и деятельностном ракурсах приводят к пониманию объединения философского, лингвистического, религиозно-мифологического и других направлений в развитии концепта «картина мира» в единый системный конструкт.

Примечания

1. См.: Порус В. Н. «Радикальный конвенционализм» К. Айдукевича и его место в дискуссиях о научной рациональности // Рациональность. Наука. Культура. М., 2002. С. 204–216: URL: <http://lib.meta.ua/book/2895/>
2. Гуревич А. Я. История в человеческом измерении (размышления медиевиста) // НЛО. 2005. № 75. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/75/gu4.html> (дата обращения: 31.01.2014)
3. Там же.
4. Шпенглер О. Закат Европы. Т. 1: Образ и действительность. Новосибирск, 1993. С. 164.
5. Фромм Э. Иметь или быть. М., 1990. С. 142–143.
6. Вейсгербер Й. Л. Язык и философия // Вопросы языкознания. 1993. № 2. С. 121.
7. Дьяченко Е. В. Картина мира: социально-психологический аспект // Самиздат: журнал. URL: http://samlib.ru/d/dxjachenko_e_e/nauchno-issledowatelxskajarabota.shtml
8. Там же.
9. Кузнецова Т. Ф. Картина мира // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2008. № 4. Культурология. URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/4/Kuzne-tsova/>
10. Там же.
11. Леонтьев А. Н. Образ мира // Мир психологии. 2003. № 4. С. 11–18.
12. Там же.
13. Матвеев Г. М. Мифоязыческая картина мира этноса: на примере чувашской мифологии и языка: автореф. ... дис. д-ра филос. наук. Чебоксары, 2007. С. 211.

Notes

1. See: Porus V. N. "Radikal'nyj konvencionalizm" K. Ajdukevicha i ego mesto v diskussiyah o nauchnoj racional'nosti ["Radical conventionalism" of K. Aidukevich and its place in the discussions of scientific rationality] / Racional'nost'. Nauka. Kul'tura – Rationality. Science. Culture. M. 2002. Pp. 204–216: Available at: <http://lib.meta.ua/book/2895/>
2. Gurevich A. Y. Istoriya v chelovecheskom izmerenii (razmyshleniya medievista) [History in the human dimension (reflections of a Medievalist)] // NLO – UFO. 2005, No. 75. Available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/75/gu4.html> (date of access: 31.01.2014)
3. Ibid.
4. Spengler O. Zakat Evropy. T. 1: Obraz i dejstvitel'nost' [Fall of Europe. Vol. 1: Image and reality]. Novosibirsk. 1993. P. 164.
5. Fromm E. Imet' ili byt' [To have or to be]. M. 1990. Pp. 142–143.
6. Weisgerber Th. L. YAzyk i filosofiya [Language and philosophy] // Voprosy yazykoznanija – Questions of linguistics. 1993, No. 2, p. 121.
7. Dyachenko E. V. Kartina mira: social'no-psihologicheskij aspekt [Picture of the world: socio-psychological aspect] // Samizdat: zhurnal – Self-Publishing: magazine. Available at: http://samlib.ru/d/dxjachenko_e_e/nauchno-issledowatelxskajarabota.shtml
8. Ibid.
9. Kuznetsova T. F. Kartina mira [Picture of the world] // Informacionnyj humanitarnyj portal «Znanie. Ponimanie. Umenie»- Informational humanitarian portal "Knowledge. Understanding. The ability". 2008, No. 4. Cultural studies. Available at: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/4/Kuznetsova/>
10. Ibid.

11. Leont'ev A. N. *Obraz mira [The image of the world] // Mir psihologii – World of psychology.* 2003, No. 4, pp. 11–18.
12. Ibid.
13. Matveev G. M. *Mifoyazycheskaya kartina mira ehtnosa: na primere chuvashskoj mifologii i yazychestva: avtoref. ... dis. d-ra filos. nauk [Mythopagan picture of the world of ethnosa: on an example of the Chuvash mythology and paganism: abstract ... dis. Dr Philosophy].* Cheboksary. 2007. P. 211.

УДК 140.8

З. С. Шашин, С. А. Шакин

Феномен красоты как смысловой ориентир развития общества

Темой нашего рассуждения является феномен красоты и его место в идейном и смысловом поле коллективного мышления. За основу взяты философское наследие Ф. М. Достоевского, Н. А. Бердяева, К. Н. Леонтьева и о. П. А. Флоренского, а также идеи Б. Б. Виноградского, известного китаевода и философа. Целью философского размышления является попытка найти возможные смысловые и ценностные ориентиры развития современного российского общества. Б. Б. Виноградский, размышляющий в смежной плоскости, прямо формулирует свою задачу – оздоровление общества через прояснение системы базовых понятий. Российская философская традиция содержит широкий спектр разработанных подходов к решению проблемы красоты и её взаимосвязи с общественным сознанием. На наш взгляд, в современной ситуации именно межкультурный диалог способствует нахождению путей выхода из кризиса.

The theme of our discussion is the phenomenon of beauty and its place in the ideological and semantic field of collective thinking. It is based on: the philosophical heritage of F. Dostoevsky, N. Berdyaev, K. Leontiev and P. Florenskiy, as well as ideas of B. Vinogradsky, a famous sinologist and a philosopher. The aim of philosophical reflection is the attempt to find the possible aims and values of developing of modern Russian society. B. Vinogradsky, reflecting in the same sphere, directly formulates its goal – the improvement of society through the clearing of basic concepts system. The Russian philosophical tradition contains a wide range of developed approaches to solving the problem of beauty and its relationship with social consciousness. In our opinion, in the present situation, namely intercultural dialogue contributes to finding solutions to the crisis.

Ключевые слова: феномен красоты, смысловой ориентир, искусство, contemporary art, аскеза, идеал, общественное сознание, творческий процесс, общество.

Keywords: phenomenon of beauty, sense aim, art, contemporary art, asceticism, the ideal, the public consciousness, the creative process, society.

В здоровом и правильно организованном обществе должны функционировать понятийные модели, адекватные реальности. Данные модели описывают как внутреннюю структуру общества, его функционирование, так и всю реальность, с которой данное общество взаимодействует. Понятийные модели находят своё отражение в языке. А язык воплощается через коммуникацию, в ходе которой сознание индивидуальности раскрывается другому через процесс общения, обмена идеями, смыслами и т. д. Исследования в области системной психологии, лингвистики, кибернетики показывают, что функционирование любой системы зависит от правильности течения информационных процессов внутри этой системы. Таким образом, здоровье общества напрямую зависит от коммуникации в данном обществе на всех его уровнях: начиная от отдельно взятого человека, его общения с родными на кухне до высокозащищенных каналов связи «президент – министерство обороны».

Модель имеет иерархичную структуру. Базовый уровень строится на закономерностях работы сознания индивидуального человека. Индивидуальный человек вписан в семейную, родовую структуру – законы функционирования сознания проецируются на род. Роды формируют общество – это третий уровень. Отдельные общественные структуры формируют общечеловеческий уровень и т. д. Таким образом, одни и те же закономерности воплощаются каждый раз на более высоко организационном уровне. Хорошей метафорой подобной организации может служить образ матрёшки – самоподобной структуры, содержащей в себе низкоуровневые структуры и включенной в высокоуровневые структуры.

Безусловно, феномен сознания человека, его мышление есть комплексная и крайне сложная система. При любой формализации, рационализации и систематизации процесса мышления

всегда будет сохраняться элемент иррациональности. Если говорить о структуре сознания, то, вероятно, придётся признать, что львиная его доля принципиально нерационализируема. В структуре сознания человека всегда присутствует бессознательная, «теневая» сторона. Её наличие необходимо учитывать при построении понятийных моделей.

В Древнем Китае функцию построения подобных моделей брали на себя мудрецы, выступавшие в качестве советников правителей. В современном российском обществе эту функцию могут выполнять профессиональные философы и мыслители.

Базовой структурой модели являются понятия, выраженные через слова. Понятия можно сравнить с рыболовной сетью, «наброшенной» на реальность для её репрезентации в сознании человека. Они связаны друг с другом через ассоциативные ряды: некоторые понятия семантически близки друг другу, а некоторые далеки. Соединения понятий образуют смыслы. Например, понятие физической красоты связано с понятием социальной успешности, что придает смысл занятиям физическими упражнениями. В условиях рыночной экономики и капитализма данный смысл транслируют модные журналы, кино- и телеэкран, тематические ресурсы в Интернете, задающие образцы и цели поведения: посещение фитнес-центров, тренажерных залов, употребление специальных препаратов, использование методов пластической хирургии как способа «сре-зать углы» и т. д. Однако тот же самый смысл физических упражнений может складываться и из иных понятий: здоровье и долголетие, которые сами по себе являются целью. Соответственно, данный смысл и вытекающие из него цели и методы их достижения имеют совершенно иную траекторию реализации.

Осмысленное поведение состоит в соотношении действий с их целью, а цели – со смысловыми структурами понятийной модели. Осмысленное поведение формируется в результате социализации и усвоения культурных моделей. Б. Б. Виноградский заключает, что методы функционирования смыслов внутри общества есть результат жизни самого общества. «Государство является спроецированной вовне структурой организации внутренней коммуникации личности с иерархией познания, приходящей к нему в процессе коммуникации с другими личностями. Другими словами, каждый народ достоин своих правителей, и наоборот» [1].

Размышляя о современном мире, большинство авторов констатируют его тотальную кризисность. Мы не будем исключением. В интересующей нас сфере функционирования общественного сознания, в движении смыслов внутри него, можно также констатировать кризис. В сознании современного общества отсутствуют общие смыслоценностные ориентиры, процессы коммуникации нарушены или даже полностью извращены. Б. Б. Виноградский предлагает понимать экономику (науку об управлении материальными благами) в первую очередь как подвид коммуникационной технологии, управляемой и управляющей смысловыми структурами в общественном сознании. Можно согласиться с тем, что сознание и функционирующие в нём смыслы имеют определяющую позицию по отношению к материальному взаимодействию.

Поставим кардинальный вопрос: что может являться высшим смыслоценностным ориентиром в сознании человека и общества? Полагаем, вариантов ответа на этот вопрос множество. Полифония возможных смыслоценностных ориентиров, на наш взгляд, есть большое достояние общечеловеческого культурного наследия. Хорошо, когда есть возможность выбора. Но важно совершить данный выбор и сделать это сознательно. Мы попробуем сформулировать и обосновать нашу точку зрения.

Высшим смыслоценностным ориентиром является красота, точнее, *феномен красоты*. На первый взгляд, это совершенно банальное утверждение, в то же время абсолютно дискуссионное. Почему именно красота? Тем более что данное понятие весьма неопределенно и многозначно. Но рассмотрим феномен красоты в контексте искусства, шире – творчества.

Если в идеалах классического искусства воплощением красоты являлась чёткая ясность, например платоновский эйдос прекрасного в греческих статуях или математический идеал пропорциональности человеческого тела в «Витрувианском человеке» Леонардо да Винчи, то со статусом красоты в современном искусстве (англ. contemporary art – современное по содержанию и форме, а не по времени создания) всё намного сложнее. Более того, современное искусство озабочено в большей мере не содержанием, а контекстом своего существования. Постмодернистская деконструкция академичности и системности смыслов, коллажность и клиповость сознания художников и соответствующее содержание произведений contemporary art, безусловно, имеют право на существование. Подрыв системности, создание и последующее осмысление хаоса и хаотичности даёт широкое поле для творческого воплощения идей и смыслов или их отсутствия. Однако если такой безудержный эксперимент замыкается на самом себе – он становится бессмысленным. Ж. Бодрийяр использует понятие симулякра для описания современной действительности. Искусство без соотношения со смыслоценностными структурами превращается в пус-

тышку. Более того, современное искусство, даже если оно противопоставлено общественному мнению и не понято конечным реципиентом, является лишь проекцией самого общества и процессов, происходящих в нём. В этом плане, безусловно, contemporary art занимает своё место в репрезентации реальности и сущности современного человека. Однако если реальность лишена смысла, – она шизофреногенна.

На наш взгляд, человеческая природа для своего физического и психического здоровья требует осмысленности и системности в разумной мере. Проще говоря, необходима как физическая, так и эмоциональная, и идейная, и коммуникационная культура.

Как мы уже говорили, красота есть понятие, соотнесённое с феноменом творчества. Для воплощения красоты необходим творческий процесс, хотя красота является результатом далеко не всякого творческого процесса. В результате индивидуального творчества или со-творчества (восприятия произведения искусства) человек способен интегрировать рациональную и иррациональную части своей природы и сознания – в том числе через катарсис – разрешить рационально не решаемые психологические проблемы. Благодаря экстатическим переживаниям, к которым может привести восприятие или создание произведения искусства, – интегрировать расщеплённые части своей души в единую целостность. Чем, например, пользуется арт-терапия.

Нам кажется интересным понимание творческого процесса высочайшим мастером боевых искусств Брюсом Ли. Приведём несколько цитат из книги «Путь опережающего кулака». «Творчество в искусстве есть психическое раскрытие личности, которое коренится в ничто. Эффект творчества – это расширение и углубление измерений души» [2]. Брюс Ли (Чжэньфань Ли), являясь носителем восточного мировоззрения, принимает в качестве базовой онтологической установки примат пустоты, «ничто». Но «ничто» не в значении нигилизма, отсутствия, а в значении тотальной возможности творчества. Изначальная природа человека и мира – пустота, но из этой пустоты возникает всё. Поэтому еще одной характерной чертой восточной философии является идея об иллюзорности существования, отсутствия реальности. Но если мы рассматриваем данный вопрос с позиции творчества, то Чжэньфань Ли пишет: «...именно творческий процесс есть реальность, а реальность есть истина» [3]. Мастерское владение своим делом, умноженное на творческий поиск, порождает искусство. «Искусство – это выражение жизни, оно переступает границы пространства и времени. Через искусство мы должны заставить работать свои души, чтобы придать новую совершенную форму и новый смысл и содержание окружающему миру» [4]. Мы видим, насколько большое значение отдаёт Брюс Ли творческому процессу.

Творчество – процесс, который невозможно до конца рационализировать. Классическое искусство требует овладения техникой и ремеслом. Как говорят художники, «попа настоящего художника плоская» из-за сотен часов сидения перед мольбертом. Эта часть творчества – ремесло, – на наш взгляд, крайне рациональна, но вот вторая часть... Вторая часть требует вдохновения, ощущения потока, «чуда». Когда каждый элемент произведения находится на своём и только на своём месте. Это состояние, сходное с инсайтом, маленьким «просветлением». Такое искусство апеллирует к феномену красоты в его столкновении с безобразным, возвышенного с низким и т. д., вызывает и в художнике и в зрителе то самое непередаваемое, может быть, немного детское ощущение удивления и замороженности. Такое искусство ощущается всем телом: по спине бегут мурашки, слёзы наполняют глаза, или, наоборот, «сердце» расширяется настолько, что может охватить всех живых существ.

Существует иной тип искусства, который воспринимается исключительно разумом, без вовлеченности всего остального организма. Он тоже имеет право на существование.

Итак, на наш взгляд, творчество – это один из важнейших модусов бытия человека и практически единственный путь для его самореализации и поддержания духовного и, возможно, физического здоровья. Ключом к творчеству является понятие красоты, осознание данного феномена. Осознание его противоречивости, сложности, диалектической связанности с безобразным и другими категориями эстетики.

Попробуем дать определение красоты и её места в универсуме через обращение к русской философско-эстетической мысли. Один из крупнейших современных специалистов в области эстетики В. В. Бычков отмечает близость переживаний на высших ступенях эстетического переживания и религиозно-мистического опыта [5]. Автор отмечает, что православная религиозная традиция теснейшим образом переплетена с художественно-эстетическим пространством, полем эстетической энергии. В. В. Бычков даже приравнивает некоторые формы религиозно-мистического опыта к эстетическому (в то же время указывая на их различие).

Об этом писал отец П. Флоренский, называя религиозную аскезу, или искусство аскетике, «искусством из искусств» [6]. Аскет преодолевает границу между этим миром и миром небесным. С помощью творчества он приближается, соприкасается с божественным. Святой аскет – это не

просто человек добрый, это человек поистине прекрасный. Святость преображает его. Святой подвижник способен увидеть первозданную красоту во всём. Основной способ преображения – это творчество. «Аскет не только стремится к видению прекрасного мира Царства Божия, но и к реальному всестороннему совершенствованию, преобразованию себя, в том числе и в материальном плане, к реальному приобщению к горнему миру. Поэтому он был убеждён, что и Philokalia точнее по-русски звучала бы как “Красотолюбие” – наука о полном и всеобщем приобщении к красоте» [7]. Монашеский подвиг преобразует человека, делает его способным воспринимать первозданную красоту Универсума. Согласно идеям о. П. Флоренского, преодоление границы между двумя мирами Универсума – дольным и горним – возможно именно на уровне эстетического, на путях любви к красоте. Как видим, для П. Флоренского творчество и красота позволяют совершить сложнейшее онтологическое преобразование природы отдельного человека. Однако кому в наше время доступен подобный аскетический подвиг? Возможно, что такие люди есть, но намного более доступным является высокий эстетический опыт.

В творческом процессе Флоренский выделяет художественное «восхождение» и «нисхождение». Под «восхождением» автор понимает искусство натурализма, т. е. воссоздание того или иного образа реальности в пространстве художественного произведения – «перенесение на холст», «пустое подобие повседневной жизни». Под «нисхождением» святой отец понимает символизм. Символизм заключается в том, что образ из Высшего мира переносится в мир обыденный. Наиболее явным примером этого является иконопись. Таким образом, мы видим две стратегии, два способа творчества: или художник руководствуется высшим, «транслирует» его через себя, или он использует лишь образы мира материи.

Здесь можно усмотреть некоторое сходство с идеями Н. А. Бердяева, который также выделяет два вида искусства – реализм и символизм. Подобно Флоренскому, он считает реализм (натурализм) в искусстве пустым. В отношении к символизму мнения философов несколько расходятся.

Бердяев полагал, что в искусстве символизма заключена трагедия художника, связанная с попыткой преодолеть реальность с помощью символов, которые являются частью этой самой реальности. И такая попытка обречена на провал. Христианское искусство – «это искусство трансцендентной тоски». Единственный способ воплощения высших смыслов в творчестве – это творчество, совместное с Богом, – теургия. Теургия создаёт не обычную человеческую культуру, а сверхкультуру, иной мир, иную жизнь [8].

Нельзя не отметить, что пересечение идей Флоренского и Бердяева на этом не заканчивается. Как и отец Павел Александрович, Николай Александрович видел в творческом процессе возможность человека приблизиться к божественному, стать подобным Богу. Творчество, по мнению философа, есть смысл человеческой жизни. Творчество обращено к вечному. Настоящая жизнь – это и есть творчество.

Как видим, оба религиозных мыслителя отдают пальму первенства творчеству, ориентированному на красоту в её сверхмировом, трансцендентном значении. Такое творчество есть высший смысл жизни, оно способно вознести человека к божественному.

Другого мнения ранее придерживался Ф. М. Достоевский. Если Бердяев и Флоренский считали реализм в искусстве деградацией, то Достоевский, наоборот, видел целью искусства отражение действительности такой, какая она есть без всяческого приукрашивания, так как никакая фантазия не способна сравниться с разнообразием окружающей нас реальности [9].

Тема добра и красоты проходит красной нитью через всё творчество Фёдора Михайловича. «Прекрасное» автор понимает как абсолютную гармонию. Гармония же, в свою очередь, – это идеальное устройство общества. Гармония – это не только идеал, к которому надо стремиться, она уже есть в окружающем нас мире. Просто человек разучился её видеть, видеть красоту. Человек нуждается в красоте тем более, чем менее гармоничен мир, который его окружает. Сейчас большие ресурсы всего человечества направлены на развитие материальной культуры. Но такой однобокий подход приведет цивилизацию в тупик. Поэтому необходимо не забывать о высшем идеале духовной красоты.

Как видим, великий русский писатель проецирует идеал гармонии и красоты в сферу этического и морального регулятора общественного сознания. От идеалов, руководящих общественным сознанием, зависит развитие цивилизации и человечества в целом.

Несмотря на трагичность сюжетов произведений Достоевского, они пропитаны оптимистичной верой в будущее человечества, в возможность достижения идеала и построения утопии. Для автора искусство является двигателем прогресса. Красота искусства – это идеал, избавляющий человека от гнетущего чувства безысходности, он дарует мысль о достижимости гармонии в мире материального. Без главенствующей идеи добра красота теряет свою животворящую силу, ибо в этом случае она утрачивает связь с божественным началом. Красота – это сумма нравственных качеств, оно и есть добро.

Согласно мысли писателя, красота «просвечивает» сквозь все противоречия, сквозь весь хаос и дисгармонию. Она выступает как идеал, как перспектива, возможность и необходимость. Красота являет собой высшую цель, а цель предстаёт смыслом всемирного исторического процесса. И именно художнику даны в руки инструменты преобразования мира, привнесения в него красоты. Необходимо подчеркнуть и высокую ответственность художника не только перед собой, но и перед всем человечеством. «Искусство <... > всегда помогало ему [человеку] в отыскании идеала, – рождалось с человеком, развивалось рядом с его исторической жизнью и умирало с его исторической жизнью» [10].

Идеи Фёдора Михайловича приобретают особое значение в современную эпоху, следующую за безграничным экспериментом и симулятивностью постмодернизма.

Особую позицию в вопросе о красоте и творчестве занимал современник Ф. М. Достоевского – К. Н. Леонтьев. Красоту Константин Николаевич ставит превыше всего, в том числе и человека. Как добро не существует без зла, так и красота встречается отнюдь не только в любви и радости, но и в страдании и смерти. Красота тесно связана с контрастом и возникающим из-за него драматическим содержанием. Как водопад возможен при резкой разнице высот, а буря в зоне перепада давлений, столкновение различий всегда порождает конфликт и развитие. Поэтому даже человеческая жизнь не так важна по сравнению с сохранением этого контраста.

Леонтьев не проповедует любви к человечеству. Он отрицает равноправие в обществе как цель, ибо если она будет достигнута – общество перестанет развиваться и умрёт. Несмотря на это будет большой ошибкой называть эстетику Константина Николаевича эстетикой зла. Да, он не питает яркой любви к отвлеченному человечеству и абстрактному человеку, но он любит конкретных людей. Об этом Леонтьев упоминал в своей переписке с близкими [11].

Леонтьев критикует идею «среднего человека», являющуюся конечной целью стремления к социальному равенству. «Средний человек» – человек, подведённый под единую гребёнку, уравнивающий человек. Такой человек не понимает истинного значения красоты, он стремится стать «как все». Такое стремление – есть стремление к смерти индивидуальности.

Проблема, поднятая философом в конце XIX в., не теряет своей актуальности и в наш век, для которого характерно торжество массовой культуры и глобализации, стирающей различия между людьми и нациями, рождая серое тоскливое однообразие. Автор подчёркивает необходимость культурного и национального разнообразия.

Леонтьев отрицает возможность создания идеального мира. По его мнению, у человечества нет никакого светлого будущего, а мыслить иное просто наивно. То, что принято именовать прогрессом, в действительности, по Леонтьеву, является затуханием и смертью. Здесь следует вспомнить, что культура, по мнению автора, проходит в своем развитии через три этапа:

- 1) первоначальной простоты;
- 2) цветущей сложности;
- 3) вторичного смесительного упрощения.

Лучшим этапом для культуры, конечно же, является второй этап. Именно на этом этапе культура достигает своего пика: возрастает сложность и разнообразие. Именно в это время в развитии культуры человек должен стремиться продлить как можно больше. На этом этапе и реализуется феномен красоты в процессе постоянного и многообразного творчества.

Прогресс направлен на построение «идеального» общества, в котором нет ни неравенства, ни нужды, ни страданий. Человечество в таком мире обладает лишь добродетелями и лишено всех своих недостатков и пороков. Такое общество, по сути, являет собой третий этап в развитии культуры. Оно идёт к упрощению и, в конечном счете, к смерти красоты.

Однако сама красота бессмертна, когда она умирает в одном месте, она перерождается где-то еще. На смену одной культуры всегда придёт другая.

На наш взгляд, идеи К. Н. Леонтьева достаточно радикальны. Человек в общественном взаимодействии стремится к сглаживанию конфликтов. Попытка построения и поддержания гуманистического общества, созданного на основе свободы и равного уважения всех его членов, является достоянием XX в., а его улучшение – задачей XXI в. Однако стоит заметить, что часто это представляет собой лишь популистский лозунг, красивую «обёртку» личных корыстных интересов сил, обладающих властью и ресурсами. Современная наука дала возможность «просчитать» человека в его поведении, превратить в статистическую единицу маркетинговых ходов. В этом плане К. Н. Леонтьев прав в своём радикальном подходе. Превращение «человека творческого» в «человека успокоенного мерцанием телеэкрана» ведёт к обнищанию культуры и вырождению.

Именно творчество даёт возможность в социально приемлемых рамках почувствовать безграничную энергию конфликта противоположностей. Конфликта, в умелых руках художника (в широком смысле) способного привести к духовному очищению и обновлению – катарсису, так

необходимому современному человеку. В творчестве возможна реализация свободы (Бердяев), через стремление к красоте происходит гармонизация общества (Достоевский), а через союз красоты и творчества при личном полном самоотречении (аскезе) – восхождение к божественному (Флоренский).

Исходя из этого мы полагаем, что феномен красоты является одним из важнейших смысловых ориентиров в общественном сознании, необходимых для полноценного и гармоничного развития общества и отдельных индивидов. Содержание феномена красоты должны формулировать современные художники, писатели, режиссеры и все творческие люди, в постоянном диалоге и дискуссии с профессиональными философами и мыслителями. Для этого необходимо создание общего культурного и смыслового пространства.

Примечания

1. Виноградский Б. Б. (б. д.). – основа эффективности управленческих сообществ в контексте «Книги Перемен». URL: <http://bronislav.ru/stat/165>
2. Ли Б. Путь опережающего кулака. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. С. 13.
3. Там же. С. 14.
4. Там же. С. 12.
5. Бычков В. В., Маньковская Н. Б., Иванов В. В. Триалог. Живая эстетика и современная философия искусства. М.: Прогресс-Традиция, 2012. С. 248.
6. Бычков В. В. Русская теургическая эстетика. М.: Ладомир, 2007. С. 218.
7. Бычков В. В., Маньковская Н. Б., Иванов В. В. Указ. соч. С. 253.
8. Бердяев Н. А. Философия творчества, культуры и искусства: в 2 т. М.: Искусство, 1994.
9. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 22. Ленинград: Наука, 1981.
10. Достоевский Ф. М. Записки о русской литературе: Статьи, очерки, письма. М.: Эксмо, 2006. С. 33.
11. Леонтьев К. Н. Избранные письма. СПб.: Пушкинский фонд, 1993.

Notes

1. Vinogradskiy B. B. (b. d.). Osnova ehffektivnosti upravlencheskih soobshchestv v kontekste «Knigi Pere-men» [Foundation of management communities efficiency in the context of the "Book of Changes"]. Available at: <http://bronislav.ru/stat/165>
2. Li B. Put' operezhayushchego kulaka [Way of leading fist]. M. Mann, Ivanov and Ferber. 2014. P. 13.
3. Ibid. P. 14.
4. Ibid. P.12.
5. Bychkov V. V., Mankovskaya N. B., Ivanov V. V. ZHivaya ehstetika i sovremennaya filosofiya iskusstva [The Trialogue. Living aesthetics and contemporary philosophy of art]. M. Progress-Traditsiya. 2012. P. 248.
6. Bychkov V. V. Russkaya teurgicheskaya ehstetika [Russian theurgic aesthetics]. M. Ladomir. 2007. P. 218.
7. Bychkov V. V., Mankovskaya N. B., Ivanov V. V. Op. cit. P. 253.
8. Berdyaev N. A. Filosofiya tvorchestva, kul'tury i iskusstva: v 2 t. [Philosophy of creativity, culture and art]: in 2 vol. M. Iskusstvo. 1994.
9. Dostoevsky F. M. Polnoe sobranie sochinenij: v 30 t. [Complete works in 30 vol.] Vol. 22. Leningrad. Nauka. 1981.
10. Dostoevsky F. M. Zapiski o russkoj literature: Stat'i, ocherki, pis'ma [Notes on Russian literature: Articles, essays, letters]. M. Eksmo. 2006. P. 33.
11. Leontiev K. N. Izbrannye pis'ma [Selected letters]. SPb. Pushkin Foundation. 1993.

УДК 141.201

Д. В. Рахинский

Особенности информационных войн в глобальном мире

В статье раскрываются особенности информационных войн, связанные с разрушением базисных установок этноса. Анализируется характеристика духовного разоружения российского общества. Доказывается, что важным противодействием информационным войнам может выступать объективный подход к отечественным традициям и адекватная оценка современности. Рассматриваются возможности раскрытия содержания, форм и динамики развития общественных структур на различных уровнях и исторических этапах. В ходе анализа используются культурологический и цивилизационный подходы. Доказывается, что

процесс ведения информационных войн осуществляется в культурном и цивилизационном контексте и оказывает на эти явления общественной жизни самое непосредственное влияние. Рассмотрение глобального человечества в качестве фрактала открывает принципиально новые возможности для понимания целостности фрагментарно устроенного мира.

The article describes the characteristics of information warfare, associated with the destruction of the underlying attitudes of the ethnic group. Analyzes the characteristics of spiritual disarmament of the Russian society. It is proved that an important counter-information war can be an objective approach to the domestic traditions and adequate assessment of the present. This article discusses the possibility of disclosure content, forms and dynamics of social structures at various levels and stages of history. The analysis uses a cultural and civilizational approaches. It is proved that the process of information warfare is carried out in cultural and civilizational context and has on these phenomena of social life, the most immediate impact. Consideration of global humanity as a fractal opens new possibilities for understanding the integrity of fragments established world.

Ключевые слова: цивилизация, глобализация, консенсус, информационная война, информация, глобальный мир, социальные ценности, исторический факт, социальная память, техника, технологии, массовые коммуникации.

Keywords: civilization, globalization, consensus, information warfare, information, global peace, social values, historical fact, social memory, technique, technology, mass communication.

Актуальность исследования информационных войн как борьбы с использованием информационного оружия, под которым понимаются информационные технологии и технические средства, поставленные на конвейер, позволяют генерировать необходимые зрелища, идеи, распространять и внедрять их. По нашему мнению, имеет смысл различать войны информационные и войны смысловые. В первом случае ведутся манипуляции исключительно с информацией, а во втором происходит интерпретация информации таким образом, чтобы она превращалась в нужное врагу знание, а это требует особых, длительных усилий. Это связано, в частности, с тем, что по инструментарию смысловые войны подвигают свои идеи не напрямую, а в фоновом режиме, поэтому смысловые действия могут продолжаться в отсутствие информационных схваток. Например, сегодня все чаще наблюдается переход от тактических информационных операций к проектам влияния.

Информационные войны – ровесники обычных войн, ведь средства массовой коммуникации, к которым относятся информация и особенно дезинформация, извечно способствовали борьбе за власть – местную, региональную, континентальную, мировую. Многие исследователи выделяют характерную особенность человеческого восприятия, которая заключается в том, что индивид лучше всего усваивает такую информацию, которая сформирована по аналогии с уже имеющимися у него представлениями. Главные средства информационной войны направлены как раз именно на этот феномен. И с этой точки зрения можно согласиться с мнением А. М. Соколовой в том, что «любые пропагандистские компании и манипуляции основаны на «эффекте резонанса», когда «имплантируемая» информация, направленная на изменение поведения общности, маскируется под стереотипы и знания, уже существующие в конкретной социальной общности, на которую направлена эта пропагандистская компания. Целью манипуляции является асинхронизация представлений группы-адресата с помощью «эффекта резонанса» и перевод ее на другие модели поведения, ориентированные на совершенно иную систему ценностей. «Эффект резонанса» достигается, когда тому или иному факту, проблеме или психологической установке придается искусственно преувеличенное значение, которое по мере продвижения в культурное ядро диссонирует и разрушает существующую в обществе систему ценностей» [1].

Все это происходит в рамках войны, которая в словарях большинства стран мира определена как вооруженная борьба государств. Информационная война, как правило, является составной частью войны вообще, хотя иногда бывает и так называемая чистая информационная война, когда никакое другое вооружение, кроме информационного, не применяется.

Не все исследователи согласны с термином «смысловая война», поскольку смыслы – это не оружие. Смыслы – это основа мировоззрения, включающая множество целевых установок с выработанной системой отношений к миру и к себе. Устойчивое навязывание той или иной информации носителям смыслов как раз и приводит к модификации их смыслов, порой лишая их жизнь смысла.

И здесь можно согласиться с мнением В. В. Васильковой: «Уже в античный период были отмечены значительные эвристические возможности мышления по аналогии, содержащегося в стратах символического сознания. Символическое сознание, в котором абсолютно все процессы и вещи взаимосвязаны и соединены в гармоничную, универсальную и единую систему, порождает новый способ познания мира, когда значительным образом расширяется область значений, но и как проявление, “представительство” более высоких уровней современной действительности.

Символ и его распознавание по законам аналогии придают дополнительную важную ценность действию или объекту, превращают их в активное и открытое событие, когда реальность начинают понимать в контексте многополярного и многозначного мира» [2].

Элиты общества, государственные социальные институты являются первоочередными субъектами, распространяющими представления и ценности социума в любой конкретно-исторический период. То же происходит и с другими, в том числе инокультурными, стереотипами. В этом случае активные действия в формировании внешних образов проявляются только тогда, когда они стали рычагом мобилизации всего населения против своих внешних или внутренних врагов. В этом случае государство либо его институты создают и актуализируют резкий и негативный образ другого государства – потенциального или реального противника, а в единичных случаях, когда внутри социума совершается «дикая» радикальная трансформация, – активно формируют и прославляют позитивный и светлый образ страны-культуры «образца», которому пришедшая или идущая к власти группа собирается следовать и присягать. Поэтому, когда проводится мобилизация, направленная на столкновение с политическим, а иногда и военным агрессором, оформляется «образ врага государства», который в том числе включает негативный и отчужденный образ народа, в отношении которого проводятся противоборствующие действия.

Механизмы для распространения вражды между государствами и народами включают религию, политическую пропаганду, сферу образования, СМИ, кинематограф и др. «При этом субъект восприятия – народ, этнические группы, превращающиеся в объект воздействия, нередко прямой манипуляции. И легкость формирования позитивных и негативных стереотипов, и их устойчивость оказываются зависимы как от эффективности технологий и инструментов воздействия, так и от психологических качеств массового субъекта-объекта – народа, этноса (структуры ценностей и ее устойчивости, уровня образования и уровня критичности, наличия модели-образа этноса, о котором “вбрасывается” внушаемая информация, авторитетности воздействующих структур, правдивости информации и т. д.)» [3].

Несмотря на особенности информационных войн в глобальном мире, многие их черты веками проявлялись в истории и, в частности, в СССР. Цель почти всегда оправдывает средства ее достижения, а основной целью руководства нашей страны было физическое и территориальное выживание СССР, достичь которого можно было только путем сверхконцентрации усилий всех народных масс и при наличии веры в многочисленные мифологемы о противопоставлении «своего» и «чужого». Подтверждением подобных мифологем занимались специально созданные органы агитации и пропаганды, эти мифологемы невозможно было опровергнуть ссылкой на факты, так как непосредственные контакты с иностранными гражданами были практически исключены. «...Человек фиксирует окружающий мир в своем сознании в виде различных образов, которые могут не точно либо вовсе неверно отражать действительность, окружающую его. При этом создаваемые в человеческом сознании образы в значительной степени определяют его поведение. Отсюда следует, что поведением человека можно управлять, формируя в его сознании нужные образы-представления, поддерживая одни, затеняя другие» [4].

Например, сказки, возникшие в советское время, отличаются прямой целенаправленной обращенностью к традиционным образам и сюжетам, но переосмысленным в рамках, определяемых цензурой и идеологией. Часто новые исторические реалии весьма органично входят в традиционный и культурный контекст или просто пересказываются с видоизменением имен главных действующих персонажей. Следует отметить, что основные мифологемы сохраняются, но наполняются в основном только формально инновационным содержанием, принципиально не имеющим ничего нового с точки зрения развития жанра и сюжета сказки. Кроме того, связи сказки и мифа прослеживаются не менее отчетливо, чем в «классической» русской народной сказке, а в некоторых отдельных случаях реанимируются древние мифы и сюжеты.

Автор работы по современному PR Э. Бернейс пишет о том, что важной составляющей демократического общества является сознательное и умелое манипулирование упорядоченными привычками и вкусами масс; нами правят, наше сознание программируют, наши взгляды определяют люди, о которых мы никогда не слыхивали. В современных условиях всеобщая грамотность нужна для того, чтобы научить обывателя контролировать окружающую среду. Овладев чтением и письмом, он овладеет возможностью управлять – так гласила демократическая доктрина. Но всеобщая грамотность приводит к заполнению сознания набором из рекламных слоганов, передовиц, опубликованных научных данных, жвачки желтых листков и избитых исторических сведений, чем угодно, только не к оригинальности мышления. У миллионов людей этот набор штампов одинаков, и если на эти миллионы воздействовать одним и тем же стимулом, отклик тоже получится одинаковым. Пропаганда будет жить вечно. И разумный человек должен понимать, что пропаганда, по сути, – современный инструмент, с помощью которого можно бороться за плодотворный труд и привносить порядок в хаос [5].

В контексте информационных войн сегодня много говорят о неких сетевых сообществах, отдавая им решающую роль в мировых процессах. Подобные негосударственные союзы на протяжении всего исторического процесса возникали, развивались и умирали, но никогда ранее не выделялись в специфический класс социальных явлений. Проблема заключалась в том, чтобы свобода слова не могла превратиться в истерию, формирующую в социуме негативное и однобокое представление о своем образе жизни, традициях, истории и т. д.

Если говорить о сценарии информационной войны, то он является классическим.

1. Внушается, что в стране, которую определили в качестве врага, руководитель является диктатором и злодеем.

2. Показывается, как в этой стране гибнут люди, их бесчеловечно травят химическим оружием.

3. Делается вывод: только злодеи на это способны.

Таким образом, особую практическую значимость приобретает глубокий анализ особенностей информационных войн в глобальном мире, которые во многом являются следствием информационной революции, превратившей планету в «глобальное село». Существующая на базе современных коммуникационных и информационных технологий, виртуальная реальность, создаваемая и поддерживаемая СМИ, почти всегда становится более правдоподобной, чем подлинная и истинная реальность. При этом одним из важных свойств информационного пространства является его открытость, отсутствие определенных национальных и религиозных границ, характерных для таких территорий. Именно это обстоятельство делает общества весьма уязвимыми для манипуляций и деструктивного влияния со стороны определенных сил, заинтересованных в экономической, культурной и политической гегемонии.

Примечания

1. Соколова А. М. Информационные войны в условиях глобализации: социально-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук. Красноярск, 2007.

2. Василькова В. В. Синергетика и теория социальной самоорганизации: дис. ... д-ра филос. наук. СПб., 2009.

3. Сенявский А. С. Взаимовосприятие государств и народов в новейшей истории в контексте конфликтного взаимодействия (методология исследования) / А. С. Сенявский, Е. С. Сенявская // Проблемы российской истории. Вып. VII. М.; Магнитогорск: ИРИ РАН; МаГУ, 2006. С. 118–119.

4. Василькова В. В. Указ. соч.

5. Бернейс Э. Пропаганда. М.: HippoPublishing, 2010.

Notes

1. Sokolova A. M. Informacionnye vojny v usloviyah globalizacii: social'no-filosofskij analiz: dis. ... kand. filoz. nauk [Informational war in the context of globalization: a socio-philosophical analysis: dis. ...Cand. Philosophy]. Krasnoyarsk. 2007.

2. Vasilkova V. V. Sinergetika i teoriya social'noj samoorganizacii: dis. ... d-ra filoz. nauk [Synergetics and theory of social self-organization: dis. ... Dr Philosophy]. SPb. 2009.

3. Senyavskiy A. S. Vzaimovospriyatie gosudarstv i narodov v novejshej istorii v kontekste konfliktного vzaimodejstviya (metodologiya issledovaniya) [Mutual acceptance of states and peoples in recent history in the context of conflict interaction (research methodology)] / Senyavskiy A. S., E. S. Senyavsky // Problemy rossijskoj istorii – Problems of Russian history. Is. VII. M.; Magnitogorsk. Institute of Russian History of Academy of Sciences; MaSU. 2006. Pp. 118–119.

4. Vasilkova V. V. Op. cit.

5. Bernays E. Propaganda [Propaganda]. M. HippoPublishing. 2010.

УДК 101;140.8

А. С. Соколова

Основные подходы к типологизации личности в обществе

Модернизация технологического уклада общества, условий деятельности людей, их принадлежность к той или иной социальной группе приводит к изменениям не только в социальной структуре в целом, но и в типах личности. Автор статьи ставит перед собой цель: опираясь на идеи социальных мыслителей, во-первых, рассмотреть основные подходы к выделению типов личности, во-вторых, выявить индикаторы, оказывающие существенное влияние на эволюцию этих типов в разные общественно-исторические эпохи. В статье рассмотрены основные элементы структуры личности. В процессе социально-философского осмысления типов личности, их свойств и характеристик применяется методология деятельностного подхода.

The modernization of society, changing its technological structure and conditions of activity of people transform not only class structure, but also formed the first of personality types. The author aims to consider the main approaches to identifying personality types. The author also seeks to reflect different views of social thinkers on indicators that influence the formation and evolution of these types in different socio-historical periods. In the article shows the conditional structure of personality and its constituents. In socio-philosophical understanding of the personality types, their properties and characteristics, used as functional and activity approach. Based on that spiritual level of the person is its invisible core, the author identifies new properties of the personality, having a polar (dual) color that can act as a support for further research of personality types in the information age.

Ключевые слова: модернизация общества, общественное производство, разделение труда, деятельностный подход, личность, структура личности, типологизация личности.

Keywords: society, social production, division of labor, activity approach, personality, structure of personality.

В современном обществе под воздействием информационно-коммуникационных технологий усложняется жизнедеятельность людей. Модернизация вызывает изменения не только на макро- (общество в целом) и мезо- (социальные группы) уровнях, но и на микроуровне (уровень индивида), – трансформируются не только общественные отношения, но и типы личности.

Понятие «личность» взаимосвязано с такими понятиями, как «индивид» и «индивидуальность». Индивид – это отдельно взятый человек как биологическое существо, представитель рода Homo Sapiens. Уникальную неповторимость каждого человека, а также присущие ему качества и свойства фиксирует понятие «индивидуальность». «Индивидуальность – неповторимое своеобразие какого-либо отдельного существа, человека в противоположность общему, коллективно-групповому, присущему всем элементам данного сообщества» [1].

Наконец, личность – это совокупность социально значимых черт, характеризующих индивида как члена того или иного сообщества или общности. Феномен личности является многогранным и многомерным.

Личность изучается разными науками – философией, социологией, психологией, культурологией и др.

Основу психологического подхода к изучению личности заложил З. Фрейд, начавший рассматривать психические процессы, происходящие у конкретной личности. Фрейд предложил модель структуры личности (Оно, Я, Сверх-Я), ориентируясь преимущественно на бессознательные аспекты ее функционирования [2].

Другой сторонник данного подхода Г. Оллпорт [3] выделил такое свойство личности, как динамичность. Он полагал, что благодаря таким свойствам, как подвижность и динамичность, через деятельность, личность способствует преобразованию окружающей среды и, следовательно, того общества, в котором она существует.

Сторонники социологического подхода изучают личность как субъект социальных отношений, которые формируются под влиянием правил и норм, предписанных социальными институтами. Так, Э. Фромм обозначил личность как продукт динамического взаимодействия между врожденными потребностями и давлением социальных норм и предписаний [4].

Большинство исследователей-философов разделяют точку зрения, что личность имеет сложную структуру, состоящую из физического, социального и духовного элементов, которые могут рассматриваться как уровни ее существования. Так, Н. Бердяев отмечал: «В человеке пересекаются все круги бытия» [5].

Несомненно, что разделение на уровни условное, но для нашего анализа это важно, хотя мы придерживаемся взгляда, что человек является биосоциальным существом, а духовное в нем выделяют не все авторы.

Физический уровень личности называют также физическим «Я». Физический уровень отражает внешние параметры человека, это – самый устойчивый и обязательный компонент личности, который основывается на телесных свойствах человека. На данном уровне формируются базовые потребности человека – в безопасности, пище, продолжении рода и т. д.

Социальный уровень личности формируется в процессе общения и взаимодействия людей. Данный уровень представляет собой систему социальных ролей человека в разных группах, ценности которых он разделяет в той или иной мере либо не разделяет.

Духовный уровень выступает ядром («Я») личности и образует как бы незримый стержень, состоящий из ценностей и идеалов. Это – внутреннее состояние человека, которое отражает его устремленность к определенным целям и потребностям. Определяя специфику духовного уровня личности, обратимся к Бердяеву, который указывал, что «...к обществу, к социальному коллективу личность принадлежит лишь частью своего существа. Остальным же своим составом она при-

надлежит к миру духовному» [6]. Забота о «душе» является основой личностного развития, которое продолжается в течение всей его жизни.

В философии существуют разные методологические подходы к личности. Одним из них является *деятельностный*. В деятельностной парадигме (К. Маркс, Э. Дюркгейм и др.) личность рассматривается как продукт общественных отношений и деятельности.

А. Н. Леонтьев, создатель *теории деятельности*, утверждал, что личность формируется благодаря жизни в обществе и при достижении определенного возраста. Согласно Леонтьеву, личность – это целостное образование, продукт общественно-исторического и онтогенетического развития человека; личность человека создается общественными отношениями, в которые индивид вступает в своей деятельности [7].

Деятельностный подход к изучению личности, на наш взгляд, является обоснованным, так как предусматривает не только рассмотрение объективных условий, но и раскрытие субъективных факторов, способствующих формированию личности (духовные возможности и сила, самосознание, характер и воля и т. п.). Таким образом, в деятельности осуществляется саморазвитие, самоактуализация и самоутверждение человека, раскрывается его внутренний потенциал, проявляются, формируются и «отшлифовываются» черты его личности.

Если обратиться к формационной теории К. Маркса, то можно сказать, что процесс формирования и развития личности в разные эпохи происходит благодаря изменению форм деятельности. Приведем аргументы.

В первобытном обществе люди испытывали необходимость в удовлетворении своих базовых потребностей, что было связано с отсутствием благоприятных условий для жизни. Следовательно, их деятельность была направлена на выживание и адаптацию. Общество культивировало такой тип личности, которая была способна преодолеть природные катаклизмы и тяготы перемены места дислокации.

В эпоху Античности люди в определенной мере уже научились противостоять природным стихиям, а в результате отделения умственного труда от физического возникли два класса – производители и потребители, рабы и рабовладельцы. Деление общества на классы изменило процесс формирования личности. Рабовладельцы могли удовлетворять любые свои потребности, практически ничем не занимаясь, а рабы выполняли все виды тяжелых работ, хотя это позволяло им поддерживать минимальный жизненный уровень. Можно сказать, что именно в античном обществе зародились «потребительский» и «трудящийся» тип личности.

В феодальном обществе, базировавшемся на теологии, преобладала уже иная классовая структура: феодалы, которые удовлетворяли весь спектр своих потребностей за счет порабощения крестьян. В этот период образцовой личностью стал верующий человек, трудом которого создавала свои богатства западная католическая церковь.

Эпоха Возрождения, а затем и Нового времени, воспевая человека как активную творческую силу и его продуктивные преобразовательные возможности, способствовали зарождению индустриального общества. Предприимчивый человек – путешественник, исследователь, ученый – выходит на арену как новый тип личности.

В индустриальном обществе, которое чаще называют капиталистическим (К. Маркс), оформились два антагонистических класса – капиталисты (буржуа) и рабочие (пролетариат), угнетатели и угнетенные.

Номо экономический («человек экономический») – такой новый тип личности предложил А. Смит, анализируя капиталистическую экономику. Он исследовал движущие силы (мотивы) человека к обогащению и рыночные отношения, основывающиеся на личных и корыстных интересах, которые в сумме образуют интересы всего общества. Опираясь на западную модель общества, Смит утверждал, что экономический тип личности стремится только к своей собственной выгоде [8]. Другими словами, перед нами потребительский тип личности, который встречался на более ранних этапах социального развития.

К. Марксу принадлежит идея о том, что в рамках капиталистического общества зарождаются черты иного общественного устройства. В основе идеи коммунистического общества, предложенного еще Т. Мором и Т. Кампанеллой в эпоху Возрождения, лежит отсутствие враждебных классов, социальная и нравственная гармония, всеобщее благосостояние. Марксом был предложен новый тип личности, для которого характерна деятельность на благо общества, которое соблюдает главный принцип в отношении любого человека: «от каждого – по способностям, каждому – по потребностям» [9].

В процессе социального развития изменялись не только орудия труда, появлялись новые технологии, накладывающие отпечаток на разделение труда, но и усложнялся характер деятельности человека. Переход от индустриального к постиндустриальному обществу (Д. Белл, И. Масуда и др.), назы-

ваемому иначе информационным обществом (М. Кастельс, Дж. Мартин и др.), произошел благодаря разработке информационно-коммуникационных технологий и созданию компьютерной техники.

В новом обществе сформированы принципиально иные условия для осуществления деятельности человека, следовательно, должны появиться и новые типы личности. Если рабовладельцы, феодалы, капиталисты обладали материальными, вещными богатствами, то в информационную эпоху таким богатством стали информационные ресурсы. П. Друкер для обозначения нового производителя и нового типа личности использовал термин «информационный работник» [10]. Д. Белл использовал термин «интеллектуальный работник» [11], а Э. Тоффлер – «когнитариат» [12].

Как видим, каждая эпоха порождает свои типы личности. Если на ранних этапах развития они базировались, в основном, на классовом делении, то в постиндустриальном (информационном) обществе главную роль стало играть не социальное происхождение, а талант, образование и деловые качества человека.

Изменение технологической основы общественного производства привело к радикальным переменам в содержании деятельности человека, характера его труда, который становится творческим и способствует самореализации человека. Это подвигло Р. Дарендорфа разработать следующую типологию личностей: 1) *homo faber* – «человек трудящийся», 2) *homo consumer* – «потребительский», 3) *homo universalis* – «универсальный», 4) *homo soveticus* – «зависящий от государства» [13].

Согласно Дарендорфу, *трудящийся тип личности* изначально сформировался в рабовладельческом обществе и отражает личность, несущую бремя труда. Дарендорф отметил, что *потребительский тип личности* характерен современному обществу и сформирован массовым потреблением.

Как нами было отмечено выше, *потребительский тип личности* сформировался одновременно с «трудящимся» типом еще в эпоху Античности, и с тех пор, безусловно, значительно эволюционировал в иную ипостась. Как отмечает З. Бауман, аналитик «общества потребления», *потребительский тип личности* не отрицает своего ведущего мотива – «потреблять ради потребления» [14].

Универсальный тип личности, согласно Дарендорфу, присущ таким личностям, которые способны заниматься разными видами деятельности.

Тип личности зависящего от государства наиболее характерен для людей, работающих в государственных организациях, а также тех, кто зависит от государственных дотаций (например, бюджетники и т. д.).

Э. Даунс, используя термин Аристотеля «*Homo politicus*», предложил *политический тип личности*. Согласно Даунсу, характерными особенностями этого типа личности выступают ориентация своих политических решений (особенно относительно политических выборов) на их исчислимую выгоду, «рациональность» действий. Даунс на основе выделенного типа личности построил теорию политического поведения [15].

Д. Рисмен одним из первых социальных мыслителей обратил внимание на культурные изменения западного информационного общества, в котором в центре внимания оказались лидеры потребления, профессионалы сферы досуга и т. д. Рисмен выделил четыре типа личности [16]:

1) «*традиционно-ориентированный*» – консервативен, привержен обычаям и традициям, устоявшимся образцам поведения, конформен по отношению к своему классу, сословию или клану;

2) «*изнутри-ориентированный*» – этот тип личности характерен для индустриального капиталистического общества, характерными чертами этого типа выступают целеустремленность, предприимчивость, открытость инновациям и переменам, а также поддержание традиционных норм и ценностей;

3) «*извне-ориентированный*» – или «одинокий в толпе», такой тип личности является продуктом современного общества потребления. Извне-ориентированный тип личности подвержен сильному влиянию средств массовой информации, моды, не поддерживает устоявшиеся традиции, зависит от взглядов той социальной группы, которая выступает для него в качестве образца, эталона, на которую он стремится быть похожим, и поэтому изменяет свои ценностные ориентации так, как это делают представители «образцовой» группы. Извне-ориентированный тип личности Рисмена и потребительский тип личности современного общества в определенной степени могут дублировать друг друга;

4) «*автономный*» тип личности является позитивным типом, характерными чертами выступают неконформизм (стремление придерживаться и отстаивать идеи, ценности и цели, прямо противоречащие тем, которые господствуют в данном обществе или группе), четкие собственные цели, независимость.

В результате обзора различных взглядов на формирование типов личности и их эволюционную трансформацию, в зависимости от эпохи, сделаем следующие выводы.

1. Необходимо дополнить определение личности, под которой следует понимать не только продукт общественно-исторического и онтогенетического развития, но и целостное образова-

ние, имеющее свою структуру, образованную физическим, социальным и духовным элементами, которые могут рассматриваться как уровни ее формирования, где духовный уровень выступает ядром «Я» личности, незримым стержнем, состоящим из ее ценностей и идеалов.

2. Каждая общественно-историческая эпоха способствовала трансформациям типов личности, внося порой значительные коррективы (например, отличия потребительского типа личности в античную и информационную эпоху). Поэтому, мы полагаем, что было бы рационально объединять типы личности с их эволюционными изменениями и градациями в массу – совокупности типов личности, собранных в группу по общим функциональным и деятельностным признакам.

3. Вслед за Дарендорфом мы опираемся на следующую типологию личностей: 1) homo faber – «человек трудящийся», 2) homo consumer – «потребительский», 3) homo universalis – «универсальный», 4) homo soveticus – «зависящий от государства».

4. Предложенная типология Дарендорфа не отражает характера устремлений личности. Поэтому мы предлагаем, опираясь на структурные элементы, дополнительные типы личности: *акропетальный* (от греч. акрон – вершина и лат. peto – устремляюсь, стараюсь достать; последовательное движение в формировании личности от физического – базового к духовному – высшему, т. е. устремленность к развитию, усилению позитивных качеств) и *базипетальный* (от греч. basis – основание и лат. pe to – стремлюсь, направляюсь; дуальный тип личности, различающийся в разных типах общества, например потребительский тип в информационном обществе приобрел отрицательные черты).

Полученные результаты станут фундаментом для дальнейшего исследования типов личности в современном обществе.

Примечания

1. Поздеева С. М. Человек и его мир. Уфа: Изд-во БашГУ, 1996. С. 98.
2. Фрейд З. Психология Я и защитные механизмы. М.: Педагогика-Пресс, 1993. С. 58.
3. Олпорт Г. Становление личности: Избранные труды / [пер. с англ. Л. В. Трубицыной, Д. А. Леонтьева]; под общ. ред. Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2002. С. 53.
4. Фромм Э. Человек для себя. Минск: Харвест, 2003. С. 106.
5. Бердяев Н. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. М.: АСТ, 2010. С. 115.
6. Там же. С. 116.
7. Леонтьев А. Н. Деятельность, сознание, личность. М., 1976. С. 57.
8. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Смысл, 2002. С. 456.
9. Немировский В. Г. Социология. М.: Проспект, 2010. С. 112.
10. Друкер П. Управление, нацеленное на результаты. М., 1992. С. 49.
11. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М., 1999. С. 86.
12. Тоффлер Э. Третья волна. М., 1999. С. 69.
13. Волков Ю. Г., Мостовая И. В. Социология. М., 1998. С. 335.
14. Davis J. E. (ed.). Identity and social change. Transaction Publishers, 2011. P. 15.
15. Downs A. An Economic Theory of Democracy, 1957. P. 41.
16. Riesman D. The lonely crowd: a study of the changing American character. N. Y., 1950. P. 204.

Notes

1. Pozdjaeva S.M. Chelovek i ego mir. Ufa: Izd-vo BashGU, 1996. P. 98.
2. Frejd Z. Psihologija Ja i zashhitnye mehanizmy. Pedagogika-Press, M., 1993. P. 58.
3. Olport G. Stanovlenie lichnosti [Becoming: Basic Considerations for a Psychology of Personality]. Smysl, M., 2002. P. 53.
4. Fromm J. Man for Himself: An Inquiry into the Psychology of Ethics [Chelovek dlja sebja]. Harvest, Minsk, 2003. P. 106.
5. Berdjaev N. O naznachenii cheloveka. Opyt paradoksal'noj jetiki. AST, M., 2010. P. 115.
6. Ibid. P. 116.
7. Leont'ev A.N. Dejatel'nost'. Soznanie. Lichnost'. M. 1976. P. 57.
8. Smit A. Inquiry into the nature and causes of the wealth of nations [Issledovanie o prirode i prichinah bogatstva narodov]. Smysl, M., 2002. P. 456.
9. Nemirovskij V.G. Sociologija. Prospekt, M., 2010. P. 112.
10. Druker P. Managing for Results: Economic Tasks and Risk-Taking Decisions [Upravlenie, nacelelnoe na rezul'taty]. M., 1992. P. 49.
11. Bell D. The coming of post-industrial society. [Grijadushhee postindustrial'noe obshhestvo], Moscow, 1999. P. 86.
12. Toffler J. The Third Wave [Tret'ja volna]. M., 1999. P. 69.
13. Volkov Ju. G., Mostovaja I.V. Sociologija. M., 1998. P. 335.
14. Davis J. E. Identity and social change. [Transaction Publishers]. 2011. P. 15.
15. Downs A. An Economic Theory of Democracy. 1957. P. 41.
16. Riesman D. The lonely crowd: a study of the changing American character. N.Y., 1950. P. 204.

От Московского царства к Российской империи: изменение традиций управления в России первой четверти XVIII столетия*

Статья посвящена вопросам становления судебной системы в России периода активных административно-судебных преобразований Петра Великого. Автор концентрирует основное внимание на сопоставлении обстоятельств организации новых центральных и региональных органов правосудия, а также условиях подбора кандидатов на замещение должностей судей и делопроизводителей канцелярий. Особенностью подхода является сопоставление условий становления органов власти, находившихся на разных уровнях управленческой иерархии. В ходе анализа имеющихся данных были сделаны выводы о наличии сходных черт при становлении судов в центре и на местах. Среди них – противоречия между необходимостью внедрения новых европейских принципов управления, базирующихся на идеях камерализма и рационализации администрирования, и стремлением придерживаться традиционных взглядов на публично-правовую сферу.

The article deals with the problem of creation of judicial system in Russia when intensive administrative and judicial transformations of Peter the Great took place. The author pays main attention to the circumstances influenced on the organization of new central and regional judicial structures. Moreover, it was focused on the reconstruction of the processes of staff formation. The main peculiarity of the approach is comparison of conditions which affected the first years of governmental structures on different levels of administration. The data analysis proved that there were several similarities in the activity of central and regional judicial establishments. Among them was confrontation between new governmental principles based on European ideas of cameralism and rational administration and the tendency to keep traditional view on the public sphere.

Ключевые слова: Российская империя, реформы Петра Великого, судебная система, Юстиц-коллегия, Сибирская губерния, Тобольский надворный суд, городской судья.

Keywords: Russian Empire, reforms of Peter the Great, judicial system, Justice collegium, Siberain province, Tobolsk court, town judge.

Время правления Петра Великого довольно прочно ассоциируется в мировой историографии с переломным этапом в истории России. Реформы Петра были направлены на серьезные изменения всех сфер жизни общества, стали прологом к тому, что Россия к концу XVIII – началу XIX в. превратилась в великую державу, закрепила за собой статус империи.

В свое время преобразования первой четверти XVIII в. вызывали жаркие дискуссии в среде мыслящих людей России. В середине – второй половине XIX в. эти споры, например, вылились в полемику между западниками и славянофилами о роли и месте Петровского времени в истории страны. Славянофилы, например, были убеждены в том, что преобразования первого российского императора привели к отступлению от самобытного, эволюционного пути развития России, коренным образом изменили направление становления государственности. Некоторые исследователи до сих пор настаивают на том, что последствия реформ первой четверти XVIII в. должны рассматриваться как коренные трансформации жизни российского общества.

По обилию реформ, их многозначности и всеохватности конец XVII – первая треть XVIII в. заслужили пристальный и неослабевающий интерес исследователей. В связи с этим обращает на себя внимание большое количество исторических трудов, которые посвящены отдельным сторонам/сферам/областям Петровских реформ. Данная тенденция представляется ценной, так как овладение новой, более подробной и полной информацией о реформах, задуманных первым российским императором, в дальнейшем позволит провести сравнительно-исторические исследова-

ния как на базе материалов по российской истории, так и в сопоставлении с данными других стран и регионов Европы.

Если попытки компаративных исследований государственных механизмов России и Швеции в первой четверти XVIII в. уже имели место [1], то последовательное сопоставление условий проведения административных реформ, которые сопровождали становление новых государственных органов власти в столице и в регионах, практически не производилось. Ученые концентрировали внимание либо на реконструкции процессов создания и деятельности отдельных центральных учреждений управления, либо на проведении той или иной реформы, используя материалы регионального делопроизводства. Таким образом, выявление общих принципов в организации центральных и региональных органов власти, а также сравнение обстоятельств их функционирования на первых этапах существования представляется важным, так как позволяет выявить основные траектории развития государственного аппарата управления.

В годы правления первого российского императора продолжается формирование бюрократического аппарата управления, который базировался на строгом документировании всех управленческих процедур, формировании такой системы администрирования, которая могла бы периодически проверяться и перепроверяться. Принцип внимательного отношения к документу и соблюдения строгих правил его оформления был заложен еще нормами Соборного Уложения 1649 г. Впоследствии он развивался в указах Петра I (указ о форме суда 1723 г.) [2] и утвердился в управленческой практике органов власти всех уровней.

Нововведением для страны становится и попытка внедрения такого европейского принципа организации управления, как камерализм [3]. Именно на его основе (функциональном разделении различных областей управления) и происходит создание центральных органов власти – коллегий, а также ряда подчиненных им региональных структур.

Это хорошо можно увидеть на примере судебной реформы 1717–1727 гг., которая, по мнению ряда историков, стала первой судебной реформой в истории нашей страны [4]. Среди создающихся органов власти можно назвать «нижние» и надворные суды в уездах, провинциях и губерниях. Данная статья посвящена характеристике условий организации судебной системы России в первой трети XVIII столетия. Её цель – показать, насколько оказались соотнесены уже существовавшие и «новые» принципы управления на примере работы судебных структур и деятельности представителей судейского корпуса в столице и на окраинах страны (на Урале и в Западной Сибири).

На сегодняшний день в историографии сложилось несколько точек зрения по вопросу о начале проведения судебной реформы Петра Великого. Такие исследователи, как М. М. Богословский, например, начинали судебные преобразования на местах 1719 г. В то же время Д. О. Серов и некоторые другие историки, занимавшиеся этим вопросом, относят начало реформы к декабрю 1717 г. – дате основания коллегий [5]. Среди последних можно встретить упоминание и о Юстиц-коллегии, ставшей центральным судебным учреждением в России и возглавившей деятельность по разработке проекта системы региональных судов в России.

По наблюдениям Л. М. Балакиревой, сам процесс организации работы коллегии Юстиции происходил в экстремальных условиях, которые имели как экзогенную, так и эндогенную природу.

По замыслу Петра I, стремившегося порвать с традиционными московскими структурами и методами управления, всем коллегиям следовало начать функционировать уже в новой столице государства – Санкт-Петербурге. Строящийся по европейским стандартам и образцам город на тот момент был еще невелик. Процессы переселения государственных служащих разных чинов, представителей торгово-предпринимательских сословий, крестьянства и посадских были далеко не завершены, количество жилых площадей ничтожно мало, а сам город представлял собой одну большую стройку, на которой постоянно наблюдался дефицит не только строительных материалов, но и дров и продовольствия для проживавшего здесь населения.

Подобно другим центральным органам власти, Юстиц-коллегия оказалась расквартирована в небольшом мазанковом здании Сената на Троицкой площади Городового острова, строительство и перестройка которого велись с 1714 г. Только в 1722 г. недостаток помещений для расположения канцелярии и судебного присутствия учреждения Юстиции был преодолен за счет его перевода в здание двенадцати коллегий на Васильевском острове.

Жизнь канцелярии и присутствия в условиях постоянного ремонта и переезда осложнялась также проблемой набора штатов коллежских служащих. В 1717 г. в коллегии было произведено лишь назначение президента (А. А. Матвеева) и вице-президента (Г. Бреверна). Именно они долгое время представляли все присутствие коллегии Юстиции. Набор в канцелярию и присутственные структуры длился более года и в целом был завершён лишь весной 1719 г. Количество иностранных служащих среди советников и ассессоров коллегии составляло восемь человек, трое из которых

(38%) имели иноземное происхождение и, по предположениям Л. М. Балакиревой, обладали юридическим образованием. В канцелярии к началу 1719 г. числилось три переводчика [6].

Формирование большей части штатов присутствия и канцелярии коллегии велось в первую очередь за счет кадровых ресурсов бывших судебных приказов, базировавшихся в Москве. Таким образом, среди членов коллегии преобладали люди, владевшие опытом ведения судебного процесса на основе приказных традиций XVII столетия и норм Соборного Уложения 1649 г. Коллектив коллежских служащих являл собой сплав из представителей традиционных судебных-управленческих структур и знатоков «новых» принципов управления и судопроизводства.

Правда, как можно предположить, старая модель организации и осуществления правосудия продолжала господствовать. Большинство назначенных чиновников не имело собственных квартир в новостроящемся Санкт-Петербурге. Сами столичные условия проживания вынуждали тратить деньги не только на съём жилья, продовольствие и дрова, но и на соответствующий костюм, сшитый по европейскому образцу [7].

Значительные расходы из бюджета коллежских бюрократов не восполнялись, так как жизненная ситуация практически каждого чиновника из «русской части» присутствия осложнялись почти полным отсутствием жалования, которое не было назначено даже президенту Юстиц-коллегии А. А. Матвееву. Несмотря на утверждение Петром Великим штатов с четко установленным жалованием для канцеляристов, указы начала 1720-х гг. неоднократно предписывали им «кормиться от дел», так как государственная казна не могла изыскать средства для выплат по должностным окладам [8]. Какова была ситуация с организацией органов суда на уровне губерний, провинций и дистриктов?

Окончательный план создания судебной системы сложился к концу 1718 г. На региональном уровне она была представлена надворными судами в губерниях (в некоторых случаях – один гофгерихт на две губернии) и «нижними» судами в провинциях и городах. Реформаторы предполагали, что к концу 1719 г. система будет работать повсеместно. Уже в 1719 г. надворные суды начали действовать в Москве, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде, Курске и Риге. Были назначены городовые судьи в Новгород и ряд других городов Северо-Западной России. Тем не менее во многих губернских, провинциальных и уездных центрах новая судебная организация не была налажена и к 1720 г.

В частности, Тобольский надворный суд Сибирской губернии был формально открыт только в последние дни декабря 1720 г., когда в Тобольск прибыли назначенные судьи – князь Семен Михайлович Козловский и Михаил Иванович Вадбольский. Первый состав Тобольского надворного суда – главного судебного ведомства в огромной Сибирской губернии – был очень скромным. Лишь весной 1721 г. туда был определен еще один судья – Иван Яковлев. Несмотря на то что первые судебные назначения в западные уезды и провинции Сибирской губернии были произведены указами Сената, на плечи первых сибирских судей была возложена задача формирования сети подчиненных им городских и провинциальных судов [9].

Несмотря на то что, по подсчетам М. О. Акишина, в первые два десятилетия XVIII в. на должности воевод назначались преимущественно царедворцы и представители знатных родов, на эти посты попадали и люди из числа местных служилых кадров [10]. Традиционная схема назначений на должности Сенатом через дворянские смотры оказалась практически невозможной для Урало-Сибирского региона в годы проведения второй областной реформы. Разнообразные посты регионального значения занимались драгунскими офицерами, казаками и представителями сибирских служилых людей [11]. Большинство дворян Центральной России стремились найти себе должность поближе к своим поместьям и не имели желания «вписываться» в новую для них сеть служилых связей, которая когда-то была сформирована из ссыльных, опальных и не слишком родовитых представителей служилого сословия – казаков и сибирских детей боярских. Еще одним отпугивающим фактором была удаленность региона от столичного центра. В связи с этим центральные власти приняли решение о сохранении бытовавшей с XVII в. схемы назначений на административные должности в Сибири местных служилых людей.

Кроме того, определения на должности городских судей Сибири отличались от назначений в Центральной России, где судьи направлялись строго по городам. Урало-Сибирский регион представил вариант определения «надворного судьи» не в города – редкие для этого региона административные центры, а в горнозаводские поселения и слободы.

Так, например, по инициативе В. Н. Татищева, возглавлявшего Уральское горное правление, в марте 1721 г. был назначен на должность судьи сын боярский Венедикт Томилов, который осуществлял правосудие на территории двух горнозаводских дистриктов – Уктусского и Алапаевского, в состав которых входили как казенные, так и частные заводы. Судьей Каменского дистрикта – еще одного горнозаводского центра, долгое время находившегося в ведении губернских властей, – стал сибирский сын боярский Гаврила Черкасов [12].

Назначения судей и формирование штата подчиненных им делопроизводителей проходили в течение всего 1721 г. Примечательно, что в условиях увеличения числа канцелярий и ведомств на региональном уровне наблюдается отсутствие возможности расширить штат канцелярских служащих и количество присутственных мест для них. Формирование штатов судебных канцелярий и определение их местоположения полностью зависело от воли воеводы, который был ответственен за предоставление вновь создаваемым структурам подъячих и место для размещения органа суда. Как можно увидеть на примере образования судебной канцелярии в Тюмени, этот процесс происходил за счет выделения судебного повытья воеводской канцелярии в самостоятельное учреждение и определения ему отдельного помещения в приказной избе, в которой исполнял свои обязанности сам воевода [13].

Как можно заметить, проведение реформы суда происходило с отступлениями от задуманной схемы. В ее основу был положен принцип выделения судебной функции из канцелярии губернатора/воеводы. Данная тенденция определила процесс создания правоохранительных органов, но не являлась определяющей. В ряде местностей продолжал господствовать взгляд на суд как неотъемлемую сферу управления главы местной администрации. Назначенные судьи были вынуждены вступать с другими чиновниками в конфликты, вызванные борьбой за распределение полномочий. В ряде случаев, напротив, они чувствовали себя фактическими владельцами подсудных им территорий.

Данную ситуацию хорошо иллюстрируют примеры деятельности судей Вятки и Соликамска. По доносам вятского провинциального фискала Ф. Кикина, судья Вятской провинции Иван Данилович Телепнев пользовался сенными покосами местных крестьян, считая их своей собственностью. Городовой судья Соликамска Петр Быков никак не мог получить дела от земского камериера Соликамской провинции П. Н. Захарова, который фактически руководил административно-территориальной единицей в отсутствие провинциального воеводы. Оба судьи не смогли справиться с поставленной перед ними задачей по организации судебных учреждений, которые бы рассматривались ими как способ заполучить в собственность подчиненную им территорию [14].

Пример проведения судебных преобразований является показательным, так как он демонстрирует основные тенденции развития петровских административно-судебных преобразований. Приведенные выше данные указывают на схожесть процессов, протекавших в судебно-административных органах на всех «этажах» власти. Как центральные, так и местные учреждения суда сталкивались с трудностями одного порядка, которые, в конечном итоге, вели к отступлениям от первоначального замысла преобразований и вылились в корректировку реформы суда 1722–1723 гг.

Уже первые годы судебной реформы продемонстрировали невозможность ее осуществления в полном объеме. Во-первых, в некоторых регионах Российской империи оказалось очень сложно полностью реализовать задуманный проект судоустройства ввиду отсутствия достаточного количества материальных и людских ресурсов. Во-вторых, было трудно изжить представление о суде как неотъемлемой части функционала любого администратора. Последний до начала проведения судебных преобразований время от времени использовал свои судебные полномочия для обогащения, воспринимал их как привилегию, которой можно было воспользоваться в любой момент с целью решения личных проблем.

Причиной такой ситуации, безусловно, являлось назначение на судебские должности людей, которые уже имели опыт управления, занимая «традиционные» для XVII в. административные посты. Процент государственных служащих, имевших иноземное происхождение, в регионах являлся незначительным [15]. В основном это были пленные шведской армии, которые, не находя альтернатив для выживания в Сибири, шли на русскую службу с тем, чтобы хоть как-то поправить свое материальное положение. Сомнительно, что бывшие рядовые и низшие офицерские чины шведских вооруженных сил обладали хотя бы каким-то опытом осуществления гражданского правосудия в родном королевстве. Кроме того, положение усугублялось регулярными указами Петра Великого о невозможности выплат государственным чинам жалования с указанием «кормиться от дел».

Таким образом, причины сложностей реализации преобразований имели двойственный характер. С одной стороны, трудности были связаны с проблемами организационного характера, с другой – перед новыми учреждениями встали куда более сложные вопросы, вызванные необходимостью слома управленческих структур предыдущего столетия при создании органов власти, основанных на иных, заимствованных из Европы, принципах администрирования.

Несмотря на это нововведения проникали в жизнь и быт судебно-управленческих структур. Новые требования к ведению правосудия и оформлению документов постоянно давали о себе знать. Повеление первого российского императора о необходимости внедрения в административную практику принципа приоритета общественного блага, красной нитью проходившее

через все указы, постепенно утверждалось в головах подданных и закреплялось показательными процессами по делам о злоупотреблениях чиновников и казнями взяточников и казнокрадов. Кроме того, большую роль играло создание специальных контрольно-розыскных институтов в лице прокуроров и фискалов.

Как уже отмечено выше, время правления Петра Великого стало одним из переломных периодов в истории России, представляя один из этапов трансформации Российского государства от Московской Руси к имперской державе. Эпоха Петровских преобразований была насыщена внедрением европейских институтов в разных сферах жизни общества. Несмотря на большую работу Петра, направленную на создание нового типа государства и качественно иного типа отношений между властью и обществом, Россия, тем не менее, с большим трудом проходила процесс перестройки социально-управленческих структур, что можно хорошо увидеть на примере деятельности органов суда в 1720-е гг.

Примечания

1. Peterson C. Peter the Great's Administrative and Judicial Reforms. Stokchholm, 1979.
2. Соборное Уложение 1649 г. М., 1961. С. 90–102; Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. (ПСЗРИ). СПб., 1830. Т. 7. С. 147–151.
3. Peterson C. Cit. op. P. 320–323; Серов Д. О. Судебная реформа Петра I: Историко-правовое исследование. М., 2009. С. 145; Анисимов Е. В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб., 1997. С. 99–107.
4. Серов Д. О. Указ. соч. С. 11–20.
5. Богословский М. М. Областная реформа Петра Великого: Провинция 1719–1727 гг. М., 1902; Серов Д. О. Указ. соч. С. 178–180.
6. Балакирева Л. М. Судебная реформа Петра I: Юстиц-коллегия: учеб. пособие. Новосибирск, 2003. С. 123–128, 132–192.
7. Кошелева О. Е. Люди Санкт-Петербургского острова Петровского времени. М., 2004. С. 123–142.
8. ПСЗРИ. С. 656, 805.
9. Бородина Е. В. Первые судьи Сибири: состав Тобольского надворного суда в 1721–1722 гг. // Уральский исторический вестник. 2009. № 4(25). С. 116–117; ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 9. Л. 111–111об.; ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 3396. Л. 1.
10. Акишин М. О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века: структура и состав государственного аппарата. М.; Новосибирск, 2003. С. 73, 86.
11. Акишин М. О. Указ. соч. С. 109; Государственные и общественные структуры в Сибири: взаимодействие и конфликты (XVII – начало XX в.). Новосибирск, 2014. С. 47.
12. Бородина Е. В. Екатеринбургская канцелярия судебных дел // Проблемы истории России. Вып. 7. Екатеринбург, 2008. С. 154.
13. Бородина Е. В. Проведение судебной реформы 1717–1727 гг. в Западной Сибири (на примере Тюменского уезда) // Актуальные вопросы истории Сибири XVIII–XXI вв.: тематический сб. науч. тр. Вып. 3. Новосибирск, 2008. С. 84–85.
14. РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Ч. 6. Кн. 21596. Л. 572об.-573; РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Ч. 6. Кн. 21622. Л. 100; РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Ч. 6. Кн. 21600. Л. 52об.
15. Бородина Е. В. Судебная реформа Петра I на Урале и в Западной Сибири. Екатеринбург, 2012. С. 220–223.

Notes

1. Peterson, Claes. Peter the Great's Administrative and Judicial Reforms. Stokchholm. 1979.
2. Sobornoye Ulozheniye 1649 goda. Moscow. 1961. Pp. 90–102, Polnoye sobraniye zakonov Rossiiskoi imperii s 1649 goda (PSZRI). [Complete collection of laws of Russian Empire since 1649]. Saint Petersburg. 1830. Vol. 7. Pp. 147–151.
3. Peterson, Claes. Cit. op. Pp. 320–323; Serov D. O. Sudebnaya reforma Petra I. Istoriko-pravovoye issledovanie. [Judicial reform of Peter I. Historical and legal research]. Moscow. 2009. P. 145; Anisimov E. V. Gosudarstvennye preobrazovaniya i samodержavie Petra Velikogo v pervoi chetverti XVIII veka. [State reforms and autocracy of Peter the Great in the 1st quarter of the 18th century]. Saint Petersburg. 1997. Pp. 99–107.
4. Serov D. O. Cit op. Pp. 11–20.
5. Bogoslovskii M. M. Oblastnaya reforma Petra Velikogo. Provincia 1719-1727 [Regional reform of Peter the Great. Province in 1719-1727]. Moscow. 1902, Serov D.O. Cit. op. Pp. 178–180.
6. Balakiryeva L. M. Sudebnaya reforma Petra I: Justic-kollegiya [Judicial reform of Peter I: Justice-collegium]. Novosibirsk. 2003. Pp. 123–128, 132–192.
7. Kosheleva O. E. Lyudi Sanct-Peterburgskogo ostrova Petrovskogo vremeni. [People of Saint-Petersburg island in the Petrine times]. Moscow. 2004. Pp. 123-142.
8. PSZRI. Pp. 656, 805.
9. Borodina E. V. Pervyye sudyi Sibiri: sostav Tobolskogo nadvornogo suda v 1721–1722 [First judges of Siberia: the staff of Tobolsk court in 1721-1722] // Ural historical bulletin. 2009. № 4 (25). Pp. 116–117; GASO. F. 24. Sh. 1. File. 9. Sh. 111-111v.; GATO. F. I-47. Sh. 1. File. 3396. Sh. 1.

10. Akishin M. O. Rossiiskii absolutizm i upravlenie Sibiri XVIII veka: struktura i sostav gosudarstvennogo apparata. [Russian absolutism and government of Siberia of the 18th century: structure and staff of state apparatus]. Moscow, Novosibirsk. 2003. Pp. 73, 86.

11. Akishin M.O. Cit. op. P. 109; Gosudarstvennye i obschestvennye strukturi v Sibiri: vzaimodeistvie i konflikty (XVIII – early XX vv.) [State and social structures in Siberia: interaction and conflicts (18th – early 20th centuries)]. Novosibirsk. 2014. P. 47.

12. Borodina E. V. Yekaterinburgskaya kantselyariya sudnikch del [Yekaterinburg judicial office] // Problems of Russian history. Issue. 7. Yekaterinburg. 2008. P. 154.

13. Borodina E.V. Provedenie sudebnoi reformi 1717–1727 v Zapadnoi Sibiri (na primere Tumenskogo uezda) [Realization of judicial reform 1717–1727 in Western Siberia (on the example of Tumen district) // Current questions of Siberian history of 18th – 21st centuries. Vol. 3. Novosibirsk. 2008. Pp. 84–85.

14. RGADA. F. 282. Sh. 1. Part. 6. File. 21596. Sh. 572v.-573; RGADA. F. 282. Sh. 1. Part. 6. File. 21622. Sh. 100; RGADA. F. 282. Sh. 1. Part. 6. File. 21600. Sh. 52v.

15. Borodina E.V. Sudebnaya reforma Petra I na Urале i v Zapadnoy Sibiri [Judicial reform of Peter I in the Urals and Western Siberia]. Yekaterinburg. 2012. Pp. 220–223.

УДК 94(4705):352

М. А. Киселев

Государственная деятельность В. Н. Татищева на Урале в 1721 г. (на примере управления Алапаевского завода)

Статья посвящена государственной деятельности В. Н. Татищева на примере организации управления Алапаевского завода в 1721 г. К прибытию Татищева на Урал завод находился в кризисном состоянии, которое в значительной степени было связано с отсутствием необходимых трудовых ресурсов и низким качеством управляющего персонала. В ходе своей деятельности Татищев, несмотря на нехватку властных полномочий и квалифицированных управленческих кадров, смог вывести завод из кризисного положения. Он смог добиться такого результата за счет собственной инициативы, а также с помощью налаживания сотрудничества с губернской властью. На его деятельность влияние оказывали как личный характер, так и новые идеи и представления о должном государственном управлении, которые он стремился воплотить в реальность.

The article is devoted to state activity of V. N. Tatishchev on the materials of management of Alapaevskii plant in 1721. By the arrival Tatishchev to the Urals the plant was in a state of crisis, which was largely due to the lack of the necessary labor force and the low quality of management personnel. In the result of Tatishchev's activity, the crisis was overcome. He achieved such a result with use of own initiative and through collaboration with gubernia administration. His activity was influenced both by personal character, as well as new ideas about state management, which he wanted to make a reality.

Ключевые слова: В. Н. Татищев, реформы Петра I, история уральской металлургии.

Keywords: V. N. Tatishchev, reforms of Peter I, history of Ural metallurgy.

Одна из главных догм исторической науки гласит: «История пишется по документам» [1]. При этом историки нередко предпочитают писать о том, о чем осталось как можно больше документов. Если брать начальную историю становления горной администрации на Урале в 1720-е гг., тесно связанную с деятельностью В. Н. Татищева, то можно отметить, что в фокусе внимания исследователей оказывались центральные органы управления. В то же время история организации управления конкретными заводами, факты о которой разбросаны в пестрой россыпи документов, находится фактически на периферии исследовательских интересов. Однако именно при организации управления конкретным заводом ярко и выпукло проявлялись те проблемы, с которыми сталкивались представители горной администрации на Урале и которые в итоге формировали траекторию становления самостоятельной горной власти. В связи с этим в рамках настоящей работы мы не планируем обращения к деятельности В. Н. Татищева, связанной с организацией в 1721 г. на Уктусском заводе Горной канцелярии и затем Сибирского Горного начальства, так как историки рассматривали этот сюжет неоднократно [2]. Данная работа посвящена другой, практически не исследованной теме из государственной деятельности В. Н. Татищева, – организации управления Алапаевским заводом в 1721 г. [3]

Вечером 25 декабря 1720 г. из Кунгура выехал обоз примерно из 36 подвод, прибывший 29 декабря «в ночи» на Уктусский завод [4]. Начался новый этап деятельности экспедиции Татищева-Блиера, отправленной на Урал Берг-Мануфактур-коллегией. Следует отметить, что данной коллегией в 1720 г. было принято два важных решения, которые положили начало строительству ведомственной горной администрации на Урале. Во-первых, коллежским указом от 9 марта 1720 г. в Сибирскую губернию «на Кунгур и в протчие места» была отправлена экспедиция во главе с В. Н. Татищевым и И. Ф. Блиером. Во-вторых, коллежским указом от 24 мая того же года было определено «Уктуским медным и железным заводам и приписным к тем заводам крестьяном быть в ведении Берг-коллегии». Этим же указом устанавливалось, что на Уктусском заводе «у присмотру» должен был остаться «прежний камисар Бурцов», а «приписным крестьяном в работе и в зборе с них денег быть по прежнему указу». Налоги, которые платили или отработывали приписные, должны были оставаться в руках горной власти. Так как Уктусский завод, как виделось из столицы, был «от Кунгура не в далном ростоянии», Татищеву предписывалось контролировать Бурцева в «делех ево», а Блиеру – «над мастеровыми людьми в плавке и в пробе руд» [5].

Этот указ Татищев получил 1 июля 1721 г., находясь еще в Нижнем Новгороде. Комиссар Уктусского завода Тимофей Матвеевич Бурцев получил указ от Берг-Мануфактур-коллегии о переходе Уктусского «заводского» округа в коллежское ведомство 17 июля 1720 г. 31 июля Татищев и Блиер прибыли в Кунгур, откуда уже 3 августа на Уктусский завод было отправлено распоряжение, полученное там 9 августа [6]. В результате начавшегося делового общения между Бурцевым и Татищевым последнего ждало важное административное открытие. В письме от 27 августа Бурцев сообщил ему следующее: «С 1713 году... велено мне во управлении быт на Алапаевском заводе, а с [1]718 году велено мне ведат Уктуские и Алапаевские заводы, а сего [1]720 году в присланном... указе из Берг-коллегии написано: велено ведат одны Уктусские заводы, а Алапаевские заводы не упоянулись. А с Алапаевского заводу мастеровые люди об жалованье докучают. А на Алапаевских заводах никаких зборов и доходво нет, а сего [1]720 году отпускались деньги на тот завод с Уктусу по указом, а ныне бес приказа вашего благородия с Уктусу на Алапаевской завод деньги отпускат опасен». Татищев разрешил сомнения Бурцева, предписав ему отпускать деньги на Алапаевский завод, как и прежде, «понеже они к Уктуским заводам приобшены и того ради заедино почитаютца» [7]. В то же время Татищев и Блиер сочли необходимым сообщить об этом открытии в Берг-коллегию: «Мы (розсудя, что высокоповелительная коллегия оные прияли заедино, и того ради об них не упомянули) писали к нему [Бурцеву. – М. К.], дабы он содержал их в прежнем порятке, и на расход денги давал, доколе мы ваш о том указ получим». Берг-Мануфактур-коллегия согласилась с таким истолкованием собственного решения. 29 ноября 1720 г. в коллежском указе Татищеву и Блиеру предписывалось, что Алапаевскому заводу следовало «под призреением быть по прежнему до указу у него Бурцова». Этим же указом коллегия велела Татищеву и Блиеру «ехать немедленно» на Уктусский завод, «а на Кунгуре о строении заводов и о копании руд вместо себя приказат им на время кому пристойно». В отношении Алапаевского завода им указывалось «те заводы велет описат таким же рядом, как и Уктусские описаны, и ту опись прислат в Берг-коллегию немедленно. А что на тех заводах есть железа и протчего, и то железо велеть отпускат в Москву вместе, кое с Уктуских заводов отпускат велено. И для лутчаго в тех заводах способу и в худых делех поправления на те Лапаевские заводы ему капитану и берг-мейстеру велеть ехать немедленно, а будет за каким случаем из них хотя кому одному для присмотру на те заводы ехать неможно, и им от себя послать туда кого пристойно» [8].

Однако ко времени написания этого указа Татищев, не дожидаясь решения коллегии, уже принял прозорливое решение о необходимости поездки на Уктус. При этом следует отметить, что Берг-Мануфактур-коллегия крайне медленно реагировала на доношения Татищева. Так, будучи в Кунгуре, он получил только одно послание из Берг-коллегии от 29 июля 1720 г., в котором его информировали об отправке на Урал саксонского штейгера Иогана Годфрида Георги и еще трех человек. И получил лишь благодаря тому, что его доставил сам Георги 29 ноября 1720 г. [9] В то же время уже 4 декабря 1720 г. Татищев и Блиер писали в коллегию, что «на Уктус ехать мы совсем готовы, но томко удержаны, что на многия наши преждепосланныя доношения вашего... решения не получили... ибо мы опасны, дабы нам... суда паки не возвращатся, ис чего делам, которые тамо нам принадлежат, начат может за отлучением случится остановка». Подождав до 21 декабря, они были вынуждены в очередном послании в коллегию констатировать: «Мы по прибытии нашем суда на посланные наши доношения из Нижняго июля 1, ис Казани того ж июля 15, ис Кунгура сентября 13, октября 19, декабря 3 чисел указов не получили». Татищев и Блиер в итоге поняли, что следует сделать ставку на собственную инициативу. В доношении от 4 декабря они сообщали, что текущие дела в Кунгурском уезде в целом упорядочены и не требуют их личного присутствия. Как они объясняли в доношении от 21 декабря, их присутствие требовалось на

Уктусе: «Получили мы от камисара Бурцова отписку в которой пишет, что присланные ис Тоболска с указами чинят ему в рудном деле остановку... И для оных дел отъезжаем заутра на Уктус для осмотра тамошних дел, а здесь оставляя капитана Берлина, берг-шрейбера Патрушева да школьника Калачева» [10]. Принимая во внимание тот факт, что указом 24 мая 1720 г. им было предписано контролировать Бурцева, это было вполне обоснованным решением.

Вечером 25 декабря 1720 г. из Кунгура выехал обоз примерно из 36 подвод, прибывший 29 декабря «в ночи» на Уктусский завод. Пробыв на Уктусском заводе около недели, Татищев и Блиер 5 января 1721 г. приняли решение «ехать на Алапаевские заводы для осмотру их». 8 января обоз из 14–16 подвод в сопровождении нескольких драгун выдвинулся из Уктуса по направлению к Ирбитской слободе. Посетив 10 января Ирбитскую ярмарку, 11 января, преодолев за один день расстояние в 90 верст, Татищев и Блиер прибыли на Алапаевский завод [11].

Картина, представшая перед Татищевым и Блиером на Алапаевском заводе, оказалась удручающей: «От непризнания весма в худом состоянии, что лари все текут и домны без руды и без угля стоят, и строение все погнило» [12]. Конечно, немаловажную роль в плачевном состоянии Алапаевского завода сыграла ситуация с обеспечением рабочей силой. На самом заводе по переписи 1721 г. жило 875 человек обоего пола, из которых к мастеровым (занятым непосредственно на заводском производстве) мужского пола в возрасте от 15 до 60 лет относилось 103 человека, а к «бобыльским и работничьим» – 48 человек [13]. Таким образом, непосредственное производство чугуна и железа было обеспечено рабочей силой. Однако для добычи необходимого сырья (руды, угля, флюса) требовалось гораздо больше рабочих рук. На Уктусском заводе обеспечение сырьем решалось за счет приписных: к началу 1721 г. к заводу в приписке значились три слободы (Арамилская, Белоярская, Новопышминская) и один острог (Катайский). Однако к Алапаевскому заводу не было приписано ни одного населенного пункта. Работы, связанные с заготовкой сырья, выполнялись крестьянами соседних слобод, подчиненных верхотурскому воеводе (Невьянской, Арамашевской, Ницынской, Ирбитской, Белослудской, Камышловской, Пышминской и Красноярской), и шведскими военнопленными [14], а руководство Алапаевского завода не могло напрямую воздействовать на крестьян и принуждать их к заводским работам. В итоге оно оказывалось в этом вопросе полностью зависимой от «канцелярии Верхотурского уезда» и подчиненных ей слободских приказчиков. В 1720 г. возникли проблемы с высылкой крестьян слободскими приказчиками на необходимые для заводского производства работы. Это привело к «остановке во всякой завоцкой работе», так что пришлось обращаться с жалобой в Сибирскую губернскую канцелярию «о невысылке крестьян» [15]. Единственным реально доступным для прямого воздействия ресурсом рабочей силы оказывались шведские пленные, жившие при заводе с 1711 г. По переписи начала 1721 г. при заводе числилось 193 военнопленных (с женами и детьми – 227) [16]. Однако обеспечивать провиантом пленных должны были жители слобод Верхотурского уезда, с чем в 1720 г. также были некоторые затруднения. Из-за этого пришлось писать как в Верхотурье «о требовании провианта швецким пленником», так и в Сибирскую губернскую канцелярию «о недовозе провианта пятидесят четвертей из Мурзинской слободы». В дополнение к проблемам с рабочей силой 5 июля 1720 г. остановилась доменная печь [17].

Свой вклад в доведение завода до упадка внесла и администрация Алапаевского завода. Завод начал строиться с марта 1703 г. Михаилом Бибиковым Старым. Первоначально на нем работала одна домна и два молота. С 10 марта 1713 г. приказчиком завода был назначен посадский человек из Соли Камской Т. М. Бурцев, которому было к этому времени около 33 лет. Несмотря на некоторые проблемы, он довольно успешно стал управлять предприятием. К двум действовавшим молотам был добавлен еще один, а в 1716 г. в пяти верстах от Алапаевского был построен Толмачевский завод, где делали в том числе припасы для солеваренной промышленности [18]. В 1720 г. Т. М. Бурцев, описывая свою деятельность по сбыту казенной продукции, отмечал, что «ставил он на соляные заводы и промышленникам досчатое железо и другим продавал немалою ценою, и в том был прибыльок» [19]. Скорее всего, во власти Сибирской губернии были довольны деятельностью Бурцева, и 10 августа 1718 г. его назначили комиссаром на Уктусский завод, при этом оставив в его власти и управление Алапаевским. Как результат, Бурцев основное время стал проводить на Уктусе, оставив на Алапаевском заводе в качестве управляющего своего старшего брата – ларечного Луку Бурцева, который еще с 1713 г. числился его заместителем («товарищем»). Помогали Луке в управлении подьячие Петр Бугрышев и Федор Попов. Не считая мастеров, эти три человека были единственными управленцами на заводе. Бугрышев происходил из крестьян Тагильской слободы. Однако, будучи взят «на Верхотурье к свойственным людям в малых летех», он получил какое-то образование и смог начать подьяческую карьеру. Являясь писчим дьячком Белослудской слободы Верхотурского уезда, в 1706 г. в возрасте примерно 30 лет он был определен подьячим на Алапаевский завод. Попов, сын священника из Тагильской слободы,

со своим братом – «заводским дьячком» – в 1707 г. возрасте примерно 22 лет прибыл на завод, «заводским дьячком», где в 1710 г. был принят подьячим [20].

В отсутствие Т. М. Бурцева отмеченные персоны управляли заводом не самым лучшим образом. В декабре 1718 г. сгорела приказная изба с документацией [21], а в 1720 г. добавились вышеописанные проблемы, которые управляющие Алапаевским явно не могли решить. Как свидетельствовали Татищев и Блиер, Лука Бурцев был «дурак и пьяница», в связи с чем 13 января 1721 г. он был «отставлен». К моменту отставки Луке Бурцеву было 48 лет. Пьянство, а также служебные неприятности не самым лучшим образом сказались на его здоровье: 1 апреля 1721 г. он ушел из жизни [22]. Испытывая проблему с управленческими кадрами, на которые можно было бы положиться, Татищев и Блиер решили поручить управление Алапаевского завода «обременяющемуся здесь швецкому пленнику» квартирмейстеру Густаву Беркману (Биоркману), «понеже он живет при том заводе в наряде над пленниками, и человек он умной, и обстоятельства заводом знает, и по руски говорить и писать умеет». При Беркмане должны были продолжить работать Бугрышев и Попов. Им предписывалось «всякое правление и дела управлять... вообще». Таким образом, они должны были составить своеобразную коллегия. Однако Беркман не дал окончательного согласия на занятие должности управляющего заводом и «упросил времени видется с тестем своим полковником Гаствертом» [23]. В итоге Беркман так и не принял на себя управление, хотя на уровне неформальных договоренностей он все же оказывал влияние управления заводом. Заводом продолжили управлять подьячие Бугрышев и Попов. На это указывает тот факт, что документы, отправляемые на Алапаевский завод, адресовались только Бугрышеву и Попову [24].

14 января Татищев покинул Алапаевский завод и направился на Ирбитскую ярмарку, где произвел ряд административных покупок: два медных шандала, три аршина зеленого сукна на судейский стол и стопу писчей бумаги. Он задумался о своем постоянном обустройстве на Уктусском заводе, куда прибыл 18 января. Взвешивая полученные впечатления и информацию, Татищев и Блиер пришли к выводу об удобном положении Уктусского завода: «Здесьнее место стало посредине всех заводов, и размножить строением вновь места удобные, и дел довольно». В связи с этим в доношении от 6 февраля они просили Берг-коллегия перенести их постоянное местопребывание из Кунгура на Уктус [25], что ими и было сделано до коллежского разрешения.

В доношении от 27 февраля Татищев следующими словами обобщил состояние управления Уктусским и Алапаевским заводами: «Здесьния дела от необыкновения и доброго учреждения весьма были беспорядочны» [26]. Можно с полным основанием предположить, что такая татищевская оценка заводского управления была связана с тем, что он, «птенец гнезда Петрова», успел усвоить представления о новом – коллежском – устройстве государственного управления, предполагавшим строгую письменную регламентацию, функциональное разделение властных полномочий и коллегиальность при принятии решений. Соответственно, положение, когда одно должностное лицо на заводе отвечало за финансы, суд и заводское производство, не имея строгих письменных предписаний, не могла устроить Татищева, который в начале 1721 г. попытался изменить ситуацию к лучшему.

В феврале 1721 г. Татищев принял ряд важных мер для создания новых нормативных документов, упорядочивавших и регламентирующих заводское управление. Прежде всего, он обратился к Алапаевскому заводу. Предполагая положительный ответ Беркмана, 6 февраля Татищевым был подготовлен наказ, адресованный Бугрышеву и Попову. В начале наказа отмечалось, что «для надзирания над вами в порядках определили мы из шведских арестантов квартирмейстера Биоркмана, с которым вам поступать по ниже объявленному», после чего шли пункты, посвященные заводскому управлению. Они предписывали порядок принятия решений по вопросам заводского управления, ведения делопроизводства, осуществления контроля за приходом и расходом денег и заводских припасов. Также наказ затрагивал проблему рабочей силы. Согласно п. 12, к необходимой работе следовало привлекать шведских пленных, а в случае отказа следовало «не токмо наказывать, но принуждать скованных в железах работать». По п. 13 заводскому руководству следовало «с ближайших слобод немедленно требовать работников во все работы, колико пристойно, и оным по их работе платить денги против волных заводских наемщиков. Бude же волных довольно будет, то слободских в работу неволею не принуждать». Несмотря на такую грозную формулировку, этими пунктами констатировалось, что реально Алапаевский завод в начале 1721 г. мог рассчитывать только на труд шведских пленных. Завершали наказ пункты, посвященные поддержанию общественного порядка на заводе, в т. ч. ограничивавшие продажу спиртных напитков [27]. 27 февраля Татищев подписал обширный наказ комиссару Уктусского завода Т. Бурцеву из десяти глав. В третьей главе «О росходе денег и строениях» комиссару с казначеем (заместителем по финансовым вопросам) указывалось осуществлять контроль за фи-

нансами Алапаевского завода. Именно с Уктусского завода на Алапаевский казначей должен был отпускать деньги «по требованию», а также «в росходе оных считать по вся годы». При этом Бурцеву или казначею следовало раз в четыре месяца ездить на данный завод и «осматривать их работ, росходов денежных и припасов, чтоб все шло порядочно». После поездки должно было происходить совещание, на котором проверявший «должен своим товарищем объявить и советовать, ежели какого исправления что требует, и оное записав в протокол, объявить нам и требовать решения» [28]. Таким образом, за руководством Уктусского завода были также закреплены функции контроля за деятельностью Алапаевского завода. Данное решение можно объяснить как тем, что завод не имел собственного источника финансирования в виде приписанных к нему слобод, так и низким качеством крайне немногочисленных управленческих кадров.

Помимо написания необходимых инструкций Татищев принимал меры для улучшения ситуации на Алапаевском заводе как с управленческими кадрами, так и с рабочей силой. 17 февраля на завод был принят новый подьячий – 18-летний И. И. Мелентьев, сын плотинного мастера, который еще в 1720 г. числился в качестве неокладного подьячего, т. е., скорее всего, завершал обучение [29]. Впрочем, он был еще молод и неопытен. 27 марта Татищев указал наказывать его батогами «за непокорность в деле Государеве и леность». Кроме того, в марте Беркман сообщил Татищеву, что «Бугрышев пьет и о деле не радит». В связи с этим Татищев предписал «велеть более Попову управлять, а ежели оной Бугрышев от пианства не уймется, то выслат суда» [30]. Татищев не отстранил его от управления, так как его нечем было заменить.

Понимая скудость наличных человеческих ресурсов, которые особенно требовались как для улучшения работы Алапаевского завода, так и для начала строительства нового завода на р. Исеть, Татищев решил обратиться за помощью к губернской власти. 22 января он написал в Тобольск сибирскому губернатору кн. А. М. Черкасскому, прося в т. ч. приписать к Алапаевскому заводу Невьянскую, Арамашевскую и Мурзинскую слободы. Чтобы ускорить решение накопившихся проблем между заводской и губернской властью, он решил лично отправиться в Тобольск. Свой отъезд с Уктуса 1 марта он связывал с необходимостью решения многих дел, «особливо для Алапаевских заводов и здешних новых, також и о беглых салдатех и других сумнительных делех» [31]. В определенной степени на обращение за помощью к губернской власти способствовала удаленность Берг-Мануфактур-коллегии, а также ее медлительность в принятии необходимых решений. Накануне отбытия в Тобольск он не без обиды писал в коллегию: «Понеже видимо, что Государственная коллегия о моем достоинстве или другом чем имеет сомнения, что я на мои доношения в полгода указа получить не могу, того ради просит, дабы повелели прислать суда кого иного с полною мочью» [32]. Будучи в Тобольске с 9 по 21 марта, он так и не смог улучшить кадровый состав заводской администрации. В связи с этим в доношении от 27 марта Татищев просил Берг-Мануфактур-коллегию, чтобы его «пожаловали, для помощи мне в здешних делах велели суды прислать из дворян или по самой нужде, чтоб из здешних принять, понеже на Алапаевских заводах никого нет, а самим с 300 верст часто ездит невозможно, також и к новые на Исеть и Чюсовую добрые надзиратели надобно, но определить некого» [33]. Он даже был готов сделать довольно рискованное предложение. Находясь в Тобольске, он увидел там Федора Борисовича Эверлакова (Еварлакова), артиллерийского офицера, служившего при дворе царевича Алексея и сосланного в Сибирь по делу последнего [34]. Татищев сообщал, что Эверлаков был «человек умной и в Саксонии чрез немалое время был и, нарочно по заводам ездя, присмотрется мог, к тому умение языков латинского и немецкого немалую ему помощь подать может», в связи с чем «дерзал» написать о нем Берг-Мануфактур-коллегии. Вполне возможно, он видел в Эверлакове потенциального кандидата в управляющие Алапаевским заводом [35]. Так или иначе, в Тобольске Татищев не смог получить хорошего управляющего для этого завода.

В то же время в другом деле Татищеву сопутствовал успех. В доношении сибирскому губернатору кн. А. М. Черкасскому от 9 марта он снова обращал внимание, что у Алапаевского завода была нехватка рабочей силы [36]. Черкасский согласился помочь Татищеву в решении этой проблемы. 23 марта указом Сибирской губернской канцелярии к заводу были приписаны Невьянская, Арамашевская и Мурзинская слободы [37], т. е. те слободы, о которых Татищев просил еще в январе. По проведенной в том же году переписи выяснилось, что в слободах проживало 7583 человека обоего пола, из которых к категории «работники», т. е. мужчины от 15 до 60 лет, относилось 1669 человек [38]. В отличие от 193 шведов, которые вдобавок «зимою... за скудостью не работают» [39], такое количество рабочих рук могло обеспечить сырьем Алапаевский завод.

Помимо обеспечения заводов рабочей силой данное решение явно усиливало и административные позиции представителей Берг-Мануфактур-коллегии в регионе. Горная власть на Урале получала дополнительные людские и материальные ресурсы, с опорой на которые могла бы упрочить свое положение. Показательно, что Берг-Мануфактур-коллегия, получив доношение

Татищева от 6 февраля о плачевном состоянии Алапаевского завода, 21 марта приняла решение отдать их, «соглася с губернатором... по прежнему к губернскому правлению» [40]. Однако было уже поздно. После получения у губернской администрации приписных слобод было бы нелогично и проблемно начинать переговоры об их передаче «к губернскому правлению». В итоге Татищев и Блиер 2 июня сочли возможным отправить в Берг-Мануфактур-коллегию следующий ответ: «По указу вшему весма готовы [отдать завод – М. К.], но понеже по обстоятельствам сумнительно, того ради представляем... наше мнение, дабы не токмо оные отдат, но и Каменские под оное правление принят» [41]. В итоге Берг-Мануфактур-коллегия хотя и не решилась взять в свое ведение Каменский завод, указом от 20 июля предписала «Алапаевским заводам и с приписными крестьяны велеть быть при Берг-коллегии» [42].

В то же время Татищев, находясь далеко от столицы, продолжал искать решения для проблем Алапаевского завода, которые должны были обостриться с появлением новых приписных слобод. Для администрации завода это привело к возникновению дополнительных обязанностей, связанных с контролем над новыми работниками, которые явно не горели желанием приступить к работе. Как был вынужден отметить Татищев 13 мая, слободские приказчики, старосты и сотские «на Алапаевские заводы работников... из слобод не высылали, а которые и были на малое время, но, не исправя работы, остановились, а особливо угля почитай ничего нет» [43].

Решить эту проблему Татищеву помог случай. Приписанная Невьянская слобода оказалась местом проживания сына боярского Якова Юрьевича (Егорьевича) Вистицкого с семьей [44]. Он был внуком Самуила Абрамовича Вистицкого, перешедшего в православие еврея из Дорогобужского уезда, служившего в Смоленске со шляхтою московскому государю и сосланному в Сибирь в дети боярские [45]. В 1721 г. Я. Ю. Вистицкому было около 60 лет. К этому времени он успел послужить приказчиком в Аятской слободе, а в начале XVIII в. – принять участие в управлении казенными металлургическими заводами Урала. Согласно свидетельству Михаила Бибикова Старого, который в марте 1703 г. начал строительство Алапаевского завода, Вистицкий был после него управителем завода [46]. Также в 1705 г. его посылали на Каменский завод, а в 1708 г. он производил розыск на Алапаевском заводе [47]. Татищев, находясь в состоянии «крайней нужды» и принимая во внимание тот факт, что Вистицкий «наперед сего у тех дел бывал» [48], назначил его 13 мая 1721 г. новым управителем Алапаевского завода. Этим же распоряжением Татищев отстранил подьячего Бугрышева от управления Алапаевским заводом по причине того, что «беспрестанно пьет, а дела Государевы не отправляет» [49]. Следует отметить, что формально Вистицкий находился под ведением Сибирской губернской канцелярии, так что Татищев 6 июня написал в Тобольск о своем распоряжении, запросив одобрения [50]. В конце 1721 г. в Тобольске решили, что Вистицкий нужен для другой службы. 11 декабря состоялся указ Сибирской губернской канцелярии, по которому предписывалось «прочия дороги, кроме Верхотурья, которыя проложены вновь в Сибирь, неуказными местами... запретить, и теми дорогами... никому не ездить». Для исполнения такого указа было создано на неуказных дорогах несколько застав, в т. ч. под Невьянским заводом, руководить которым и был определен Вистицкий [51]. На Алапаевском заводе его по указу от 28 декабря 1721 г. сменил тобольский сын боярский Иван Васильевич Аврамов, прибывший на завод только 22 февраля 1722 г. [52] Тем не менее с мая по декабрь 1721 г. управление заводом и формировавшимся вокруг него округом находилось в руках опытного администратора.

О положительном эффекте произведенных Татищевым изменений состава администрации Алапаевского завода, регламентации ее деятельности, а также обеспечения завода трудовыми ресурсами свидетельствует динамика заводского производства. Так, в 1719 г. доменные печи Алапаевского завода дали 18862 пуд. чугуна, из которого в т. ч. было выковано 7854 пуд. 10 ф. железа, т. е. в среднем завод давал по 1572 пуд. чугуна и по 655 пуд. железа в месяц. В 1720 г. годовая выплавка чугуна упала до 5,1 тыс. пуд. В 1721 г. с января по май, судя по ведомостям «о приходе и расходе заводских припасов», домны завода не работали. Плавка началась в мае, когда было выплавлено 2231 пуд. чугуна, а в июне – 3040 пуд. Всего с мая по декабрь было выплавлено 20,9 тыс. пуд. чугуна, т. е. по 2612 пуд. в месяц. В 1722 г. завод дал 24,3 тыс. пуд. чугуна, т. е. сохранил месячное производство на уровне не менее 2 тыс. пуд. Не менее показательны в этом отношении и данные о выковке железа. Так, в январе 1721 г. было выковано 401 пуд. 20 ф. железа, а в феврале – 409 пуд. 30 ф. В марте завод уже дал 645 пуд. 20 ф., в апреле – 898 пуд. 20 ф., в мае – 889 пуд. 15 ф., в июне – 1448 пуд. 9 ф., в июле – 944 пуд. 35 ф., в августе – 652 пуд. 36 ф., в сентябре – 693 пуд. 30 ф., октябре – 1665 пуд. 30 ф., ноябре – 682 пуд., декабре – 665 пуд. 30 ф. В итоге за 1721 г. было выковано 9995 пуд. 35 ф. [53], т. е. в среднем завод стал давать по 833 пуд. железа в месяц. По сравнению с показателями 1719 г. в 1721 г. производство железа выросло на 27%.

В начале 1722 г. Татищев покинул Урал и уехал в Москву. Тем не менее за год своей деятельности он все же смог добиться неплохих результатов на Алапаевском заводе. Более того,

данные результаты были получены Татищевым в ситуации жесткой нехватки ресурсов. Прежде всего, это была нехватка власти. Не имея больших полномочий от Берг-Мануфактур-коллегии, он зависел от ее решений, которые принимались с большой медлительностью и нередко с опозданием. Это он компенсировал собственной инициативностью, совершая действия, которые затем предлагались к одобрению коллегии: перемещение по Уралу, привлечение новых людей в администрацию, приписка слобод, создание нормативной базы, регламентировавшей деятельность заводов и заводской администрации. Другим механизмом компенсации было налаживание сотрудничества с губернской властью, что, следует подчеркнуть, было также инициативой Татищева. Кроме того, была и нехватка квалифицированных управленческих кадров. Не имея собственных ресурсов, он стремился решить проблему за счет максимального использования любых местных ресурсов.

Такая неумная деятельность Татищева являет собой яркий пример, как личностный фактор может оказывать влияние на историю. При этом уместно задаться вопросом: что двигало Татищевым в его государственной деятельности? Можно с полным основанием предположить, что здесь влияние оказывал не только личный характер, а и новые идеи и представления о должном государственном управлении – «регулярном государстве» Петра I, которые Татищев в своей деятельности и стремился воплотить в реальность.

Примечания

1. Ланглюа Ш.-В., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории. М., 2004. С. 49.
2. См., прежде всего: Юхт А. И. Деятельность В. Н. Татищева на Урале в 1720–1722 гг. // Исторические записки. Т. 97. М., 1976; Пензин Э. А. Сибирский обербергамт – орган управления горнозаводской промышленностью Урала в первой половине XVIII в. // Проблемы генезиса и развития капитализма на Урале. Свердловск, 1986; Редин Д. А. Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ (западные уезды Сибирской губернии в 1711–1727 гг.). Екатеринбург, 2007. С. 262–273.
3. Некоторые предварительные наблюдения нами были изложены здесь: Киселев М. А. В. Н. Татищев и организация управления Алапаевским заводом в 1721 г. // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург, 2014.
4. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 24. Оп. 1. Д. 4а. Л. 86, 87, 88. Д. 6. Л. 31.
5. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 611. Л. 4, 104–104 об. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 26. Л. 28 об.–30.
6. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 26. Л. 30 об. Д. 3. Л. 17 об., 19 об. Ф. 29. Оп. 1. Д. 2. Л. 348–349. Ф. 24. Оп. 1. Д. 4а. Л. 61. Ф. 29. Оп. 1. Д. 2. Л. 432–432 об.
7. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 26. Л. 60–60 об. Д. 3. Л. 68 об.
8. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 611. Л. 177–177 об., 183–183 об.
9. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 26. Л. 85 об. Д. 4а. Л. 80 об.
10. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 3. Л. 90–90 об., 95 об.
11. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 4а. Л. 86–88. Д. 6. Л. 31. Д. 5. Л. 26. Д. 4а. Л. 225 об.–227 об.
12. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 9. Т. 1. Л. 3.
13. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 617. Л. 112.
14. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 617. Л. 112, 338–338 об., 351 об.–352.
15. ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 5. Л. 33, 42 об.
16. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 8. Л. 106.
17. ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 5. Л. 42–42 об., л. 35 об., 37 об.
18. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 634. Л. 356, 336 об.–337 об., 344 об. Д. 617. Л. 8. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 8. Л. 50.
19. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 5. Л. 16 об.
20. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. Л. 345–345 об. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 8. Л. 50–51 об.
21. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 634. Л. 334.
22. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 9. Т. 1. Л. 3, 105 об. Д. 8. Л. 50.
23. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Оп. 1. Д. 9. Т. 1. Л. 3–3 об. Д. 8. Л. 102. Д. 6 Л. 42.
24. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 5. Л. 55–56, 101.
25. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 4а. Л. 228–229. Д. 6. Л. 33 об.
26. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 621. Л. 110.
27. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 6. Л. 27–30 об.
28. Татищев В. Н. Записки. Письма. М., 1990. С. 57.
29. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 9. Т. 1. Л. 36–38 об. Д. 8. Л. 55 об. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 634. Л. 345 об.
30. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 5. Л. 55.
31. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 6. Л. 20 об., 73.
32. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 5. Л. 47 об.
33. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 6. Л. 93 об.
34. Бушкович П. Петр Великий: Борьба за власть (1671–1725). СПб., 2008. С. 398, 429.
35. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 6. Л. 93 об.
36. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 6. Там же. 75–75 об.
37. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 9. Т. 1. Л. 82–83 об.

38. Подсчитано по: РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 617. Л. 1253, 1365. Д. 1394. Л. 237.
39. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 634. Л. 351 об.
40. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 618. Л. 52 об.
41. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 6 Л. 170 об.–171.
42. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 618. Л. 105 об.
43. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 5. Л. 71 об.–72.
44. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1529. Л. 124.
45. Белорусы в Сибири. Новосибирск, 2000. С. 40–41; *Гольдштейн С. М.* Евреи – дети боярские XVII века // Еврейский ежегодник на 5662 (1902–1903) год. СПб., 1901.
46. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 634. Л. 357.
47. Белорусы в Сибири. С. 41; Волнения работных людей и приписных крестьян на металлургических заводах России в первой половине XVIII в. [Ч.] I. М., 1975. С. 38.
48. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 6. Л. 170.
49. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 5. Л. 71 об.
50. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 4а. Л. 254.
51. Цит. по: *Рожков В. И.* Деятельность артиллерии капитана В. Н. Татищева на уральских заводах в царствование Петра Великого. СПб., 1884. С. 27.
52. ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 5. Л. 83 об.; *Редин Д. А.* Указ. соч. С. 328.
53. Подсчитано по: РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 634. Л. 339 об.; *Струмилин С. Г.* История черной металлургии в СССР. Т. I. М., 1954. С. 162. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 8. Л. 540–544, 552–601 об.

Notes

1. Langlois S.-V., S. Senjobos Sh. Vvedenie v izuchenie istorii [Introduction to the study of history]. M. 2004. P. 49.
2. See, first of all: Jukht A.I. Deyatel'nost' V. N. Tatischeva na Urale v 1720–1722 gg. [Activities of V. N. Tatischev in the Urals in 1720–1722] // Istoricheskie zapiski – Historical notes. Vol. 97. M. 1976; Penzin E. A. Sibirskij oberbergamt – organ upravleniya gornozavodskoj promyshlennost'yu Urala v pervoj polovine XVIII v. [Siberian oberbergamt – the management body of the mining industry of the Urals in the first half of the XVIII century] // Problemy genezisa i razvitiya kapitalizma na Urale – Problems of genesis and development of capitalism in the Urals. Sverdlovsk. 1986; Redin D. A. Administrativnye struktury i byurokратиya Urala v ehposu petrovskih reform (zapadnye uezdy Sibirskoj gubernii v 1711–1727 gg.) [Administrative structure and bureaucracy of the Urals in the era of Peter the Great's reforms (Western counties of the Siberian province in 1711–1727 years)]. Ekaterinburg. 2007. Pp. 262–273.
3. Some preliminary observations were presented here: M. A. Kiselev V. N. Tatischev i organizaciya upravleniya Alapaevskim zavodom v 1721 g. [V. N. Tatischev and management of Alapaevsky plant in 1721] // Dokument. Arhiv. Istoriya. Sovremennost' – Document. Archive. History. Modernity. Ekaterinburg. 2014.
4. State archive of the Sverdlovsk region (GASO). F. 24. Sh. 1. File 4A. Sh. 86, 87, 88. File 6. Sh. 31.
5. RGADA. F. 271. Sh. 1. File 611. Sh. 4, 104–104 turn. GASO. F. 24. Sh. 1. File 2B. Sh. 28.–30 turn.
6. GASO. F. 24. Sh. 1. File 2B. Sh. 30 turn. File 3. Sh. 17 turn, 19. F. 29. Sh. 1. File 2. Sh. 348–349. F. 24. Sh. 1. File 4A. Sh. 61. F. 29. Sh. 1. File 2. Sh. 432–432 turn.
7. GASO. F. 24. Sh. 1. File 2B. Sh. 60–60 turn. File 3. Sh. 68.
8. RGADA. F. 271. Sh. 1. File. 611. Sh. 177–177 turn, Sh. 183–183 turn.
9. GASO. F. 24. Sh. 1. File 2B. Sh. 85 turn. File. 4A. Sh. 80 turn.
10. GASO. F. 24. Sh. 1. File 3. Sh. 90–90 turn, Sh. 95 turn.
11. GASO. F. 24. Sh. 1. File 4A. Sh. 86–88. File 6. Sh. 31. File 5. Sh. 26. File 4A. Sh. 225 turn- 227 turn.
12. GASO. F. 24. Sh. 1. File 9. Vol. 1. Sh. 3.
13. RGADA. F. 271. Sh. 1. File 617. Sh. 112.
14. RGADA. F. 271. Sh. 1. File 617. Sh. 112, 338–338., Sh. 351 turn–352.
15. GASO. F. 24. Sh. 2. File 5. Sh. 33, 42 turn.
16. GASO. F. 24. Sh. 1. File 8. Sh. 106.
17. GASO. F. 24. Sh. 2. File 5. Sh. 42–42 turn, Sh. 35 turn, 37 turn.
18. RGADA. F. 271. Sh. 1. File 634. Sh. 356, 336 turn –337 turn, 344 turn. File. 617. Sh. 8. GASO. F. 24. Sh. 1. File 8. Sh. 50.
19. GASO. F. 24. Sh. 1. File 5. Sh. 16 turn.
20. RGADA. F. 271. Sh. 1. File. Sh. 345–345 turn. GASO. F. 24. Sh. 1. File 8. Sh. 50–51 turn.
21. RGADA. F. 271. Sh. 1. File 634. Sh. 334.
22. GASO. F. 24. Sh. 1. File 9. Vol. 1. Sh. 3, 105 turn. File 8. Sh. 50.
23. GASO. F. 24. Sh. 1. Sh. 1. File 9. Vol. 1. Sh. 3–3 turn. File 8. Sh. 102. File 6 Sh. 42.
24. GASO. F. 24. Sh. 1. File 5. Sh. 55–56, 101.
25. GASO. F. 24. Sh. 1. File 4A. Sh. 228–229. File 6. Sh. 33.
26. RGADA. F. 271. Sh. 1. File 621. Sh. 110.
27. GASO. F. 24. Sh. 1. File 6. Sh. 27–30.
28. Tatischev V. N. Zapiski. Pis'ma [Notes. Letters]. M. 1990. P. 57.
29. GASO. F. 24. Sh. 1. File 9. Vol. 1. Sh. 36–38 turn. 8. Sh. 55. RGADA. F. 271. Sh. 1. File 634. Sh. 345 turn.
30. GASO. F. 24. Sh. 1. File 5. Sh. 55.
31. GASO. F. 24. Sh. 1. File 6. Sh. 20 turn, 73.

32. GASO. F. 24. Sh. 1. File 5. Sh. 47.
33. GASO. F. 24. Sh. 1. File 6. Sh. 93 turn.
34. Bushkovich P. Petr Velikij: Bor'ba za vlast' (1671–1725) [Peter the Great: the Struggle for power (1671–1725)]. SPb. 2008. Pp. 398, 429.
35. GASO. F. 24. Sh. 1. File 6. Sh. 93 turn.
36. GASO. F. 24. Sh. 1. File 6. Ibid. Sh. 75–75 turn.
37. GASO. F. 24. Sh. 1. File 9. Vol. 1. Sh. 82–83 turn.
38. Calculated according to: RGADA. F. 271. Sh. 1. File. 617. Sh. 1253, 1365. File 1394. Sh. 237.
39. RGADA. F. 271. Sh. 1. File 634. Sh. 351 about.
40. RGADA. F. 271. Sh. 1. File 618. Sh. 52 turn.
41. GASO. F. 24. Sh. 1. File 6 Sh. 170 turn–171.
42. RGADA. F. 271. Sh. 1. File 618. Sh. 105 about.
43. GASO. F. 24. Sh. 1. File 5. Sh. 71.–72.
44. RGADA. F. 214. Sh. 1. File 1529. Sh. 124.
45. Belorusy v Sibiri – Belarusians in Siberia. Novosibirsk. 2000. Pp. 40–41; Goldstein S. M. Evrei – deti boyarskie XVII veka [The Jews are the children of the nobility in the XVII century] // Evrejskij ezhegodnik na 5662 (1902–1903) god – Jewish Yearbook on 5662 (1902–1903) year. SPb. 1901.
46. RGADA. F. 271. Sh. 1. File 634. Sh. 357.
47. Belorusy v Sibiri – Belarusians in Siberia. P. 41; Volneniya rabotnyh lyudej i pripisnyh krest'yan na metal-lurgicheskikh zavodah Rossii v pervoj polovine XVIII v.- The unrests of the workers and bonded peasants at metal-lurgical plants in Russia in the first half of the eighteenth century [Part] I. M. 1975. P. 38.
48. GASO. F. 24. Sh. 1. File 6. Sh. 170.
49. GASO. F. 24. Sh. 1. File 5. Sh. 71.
50. GASO. F. 24. Op. 1. File 4A. L. 254.
51. Cit. by: Rozhkov V. I. Deyatel'nost' artillerii kapitana V. N. Tatishcheva na ural'skih zavodah v carstvovanie Petra Velikogo [Activity of the artillery captain V. N. Tatischev on Ural factories during the reign of Peter the Great]. SPb. 1884. P. 27.
52 GASO. F. 24. Sh. 2. File 5. Sh. 83.; Redin D. A. Op. cit. P. 328.
53. Calculated according to: RGADA. F. 271. Sh. 1. File 634. Sh. 339 turn; Strumilin S. G. Istoriya chernoj metallurgii v SSSR [History of ferrous metallurgy in the USSR]. Vol. I. M. 1954. P. 162. GASO. F. 24. Sh. 1. File 8. Sh. 540–544, 552–601 turn.

УДК 908.9

К. С. Иванов

Борьба с эпидемиями в г. Ишиме в годы Великой Отечественной войны

В статье рассматривается борьба с эпидемиями и противоэпидемические мероприятия в городе Ишиме в годы Великой Отечественной войны. Изучаются различные факторы, способствующие как ухудшению, так и улучшению эпидемиологической ситуации в Ишиме. Рассматриваются новые угрозы и проблемы, с которыми пришлось столкнуться работникам ишимской Санитарно-эпидемиологической станции. Анализируется количество вспышек самых опасных инфекций, в первую очередь тифа, и результативность борьбы с ними в военное время. Обосновывается мнение о том, что, несмотря на некомплект кадров и нехватку медикаментов, ишимские эпидемиологи не допустили распространения в городе ни одной эпидемии. Рассматриваются решения в данной сфере, оперативно принимаемые депутатами Городского совета, вынужденными действовать в условиях ограниченности всех видов ресурсов. При этом учитывается работа санитарных инспекторов из актива местного населения, каждый из которых следил за отведенным ему участком улицы и своевременно оповещал санэпидстанцию о вспышках различных эпидемий.

The article deals with the control of epidemics and control measures in the city of Ishim in the great Patriotic war. Explores the various factors that contribute to both deterioration and improvement of the epidemiological situation in Ishim. Considers new threats and challenges, faced by the employees of the Ishim Sanitary-epidemiological station. Analyzed the number of outbreaks of the most dangerous infections, primarily of typhus, and the effectiveness of their control in wartime. Substantiates the view that, despite the shortage of personnel and a shortage of medicine, Ishim epidemiologists prevented the spread in the city of any epidemic. Discusses some of the decisions in this area, quickly taken by the deputies of the City Council, forced to act in conditions of limited resources of all kinds. This takes into account the work of the sanitary inspectors of the asset from the local population, each of which followed his allocated section of the street, and promptly notify the SES on outbreaks of various epidemics.

Ключевые слова: Ишим, город, эпидемия, болезнь, Горсовет, решение, медсестра.

Keywords: Ishim, city, epidemic, disease, Council, decision, nurse.

Великая Отечественная война стала тяжелейшим испытанием для всей западносибирской медицины, которая еще в предвоенные годы по многим показателям и общей оснащенности отставала от медучреждений европейской части СССР. Наиболее критическое положение в годы войны в г. Ишиме Омской области и в Сибири в целом сложилось с санитарно-эпидемической сетью. Произошло это в первую очередь из-за массового наплыва эвакуированных в город, всего за 1941–1942 гг. численность населения города увеличилась на 32% [1], с 31 500 до 41 000 человек. Шло постоянное сокращение норм жилой площади на одного человека, с 8 м² до 4 м², что приводило к большой скученности людей, которая способствовала быстрому распространению любых заразных болезней. Кроме этого многие эвакуированные прибывали в город с ослабленным здоровьем, после многодневного пребывания в эшелонах, где из-за колоссального передвижения людских масс соприкасались, в том числе, и с зараженными людьми. Изолировать либо полностью дезинфицировать их было невозможно, что ухудшало эпидемическую ситуацию. Например, по воспоминанию медсестер, многие из эвакуированных детей были заражены корью, скарлатиной, чесоткой, дизентерией, некоторые «были совсем тяжелые» [2]. Ухудшало ситуацию и то, что ишимскую городскую баню планировали перестраивать во второй половине 1941 г., чего из-за начала войны делать не стали. Пропускная способность бани не соответствовала количеству населения города, кроме этого в ней проводили помывку военных, которые проезжали через Ишим. Также остро недоставало специалистов-эпидемиологов, например на всю Омскую область в 1941 г. приходилось всего 23 санитарных врача. Все эти факторы привели к резкому ухудшению эпидемической ситуации в городе.

В августе 1941 г. в Ишиме единственный раз за всю войну был зафиксирован случай появления сибирской язвы. Ею заболела корова гр. Долгих, по улице Кузнечная, дом 21 [3]. Учитывая, что практически у каждой ишимской семьи был домашний скот, то угроза эпидемии выглядела вполне реалистичной, поэтому власти города приняли решительные меры. Для предотвращения распространения болезни с 23 августа наложили карантин на всю северо-западную часть г. Ишима, а начальника ГОМ обязали поставить карантинные посты на всех улицах этого района. Все городские табуны было решено «вывести из пределов г. Ишима и карантинировать их на выпасах» [4]. Благодаря этим мерам 12 сентября 1941 г., ознакомившись с актом ишимского Ветуправления, Горсовет принимает решение: «...карантин по эпизоотии сибирской язвы в городе считать снятым» [5].

28 ноября 1941 г. Горсоветом отмечалось, что в связи с резким увеличением населения и уплотненности по квартирам в городе Ишиме «увеличились заболевания детей корью со смертельным исходом» [6]. Решено было открыть в Ишиме детское корьевое отделение на 50 коек.

23 января 1942 г. Горсовет принял ряд мер по борьбе с тифом, вспышки которого неоднократно давали о себе знать. В первую очередь через ишимскую газету «Серп и молот», краткие лекции на рабочих собраниях в массы внедрялись простейшие гигиенические навыки и методы борьбы с паразитами (вшами) как основными переносчиками болезни [7]. Завышенность людей была высокой, а систематической борьбы с ней еще не было организовано. Подчас людям объяснялась важность регулярного мытья рук перед едой, ежедневного протирания дверных ручек обеззараживающим раствором, пропаривания одежды. В целом, низкая медицинская грамотность местного населения создавала проблем не меньше, чем недостаток медикаментов или некомплектность штатов медработников. Одна из работниц ишимской Санитарно-эпидемиологической станции (СЭС) так описывает борьбу с тифом: «Начиная с 1942 г. начались вспышки сыпного тифа, приходилось открывать тифозные бараки для больных. Их обслуживала, лечила, кормила СЭС. Полное отсутствие мыла, недостаточное количество бань у населения, недостаток сухожаровых камер и полное отсутствие дезинфицирующих средств, кроме ледола, – так запомнилась борьба с сыпным тифом». Активные противотифозные мероприятия имели положительный эффект – несмотря на скученность населения к апрелю 1942 г. в городе обнаружено только четыре случая сыпного тифа. Вероятно, подобных фактов было больше, но врачи, как отмечали в Горсовете, «по ошибке ставят диагноз грипп» [8].

Для эффективной борьбы с распространением болезней 27 февраля 1942 г. Горсовет принимает важное решение «обязать всех граждан, прибывающих в г. Ишим, как на постоянное, так и на временное жительство, до вселения в общежития, гостиницы, жилые дома, принадлежащие как государству и общественным организациям, так и частным лицам, проходить санитарную обработку». В городе стали постоянно работать два санпропускника: на территории железнодорожной больницы и санитарно-эпидемиологической станции по улице им. Чкалова, дом 2. Для того чтобы заинтересовать

людей проходить санитарную обработку, Горсовет ряду учреждений города запретил прием документов от граждан без предъявления ими талонов о прохождении обработки [9].

В целях предупреждения эпидемических заболеваний и улучшения общего санитарно-эпидемического состояния города Горисполком 28 августа 1942 г. решил выделить общественно-санитарных инспекторов из актива населения (один инспектор на 10 дворов), а также на всех предприятиях города (заводы, столовые, школы и т. д.) [10]. Данная мера способствовала более оперативным действиям в случае обнаружения очагов болезней.

Отдельно стоит отметить, что в первые два года войны на территории Омской области была обнаружена новая болезнь – омская геморрагическая лихорадка. Было установлено, что инфекция распространялась двумя путями: через узкочерепную полевку, а также контакт человека с ондатрой. Местное население об этом знало и даже присвоило болезни название – «ондатровая болезнь». Из-за изъятия огнестрельного оружия у населения в начале войны и недостатка питания люди для ловли ондатр применяли механические ловушки и были неизбежны случаи укусов людей, в результате чего и происходило заражение.

Еще одним заболеванием, обусловленным местными природными факторами – реками и множеством озер, – была малярия, основными переносчиками которой были комары. Созданный до войны ишимский малярийный пункт ежегодно проводил огромную работу – перед началом вылета комаров начиналось массовое обследование населения на малярию, чтобы начать своевременное лечение только что выявленных и уничтожение паразитоносителей. За сезон обследовали более 2000 человек. С началом войны работа эта только активизировалась, в 1942 г. малярийный пункт превращается в противомаларийную станцию, которая становится центром борьбы с малярией в городе и районе. Только за 1945 г. обследовано 2087 человек, с положительным результатом – 478. Малярия перестала регистрироваться в городе только в 1955 г.

Учитывая большую скученность населения города, ухудшение питания, снижение общей гигиены, в 1942 г. при детской поликлинике открывается гельминтологический кабинет [11]. Проводится большая работа не только по борьбе с гельминтозом, но и ведется изучение природы паразитов, проводятся эксперименты на промежуточных хозяевах. Накопленный опыт позволил с каждым годом снижать количество человек, зараженных паразитами. Для повышения эффективности противопаразитарной борьбы учителя и воспитатели сдавали зачет по гельминтозу, а затем на занятиях объясняли детям, как избежать заражения паразитами.

По схожим с гельминтозом причинам довольно распространенной стала такая болезнь глаз, как трахома. Медсестра Е. Ф. Игишева, которая пешком ходила к трахомным больным, не только по городу, но и в деревни за 8–10 км от Ишима, отмечала: «Такие запущенные формы насмотрелась, особенно у старых, веки без ресниц, с рубцами, вывернуты. Методы лечения были самые простые – промывание и выдавливание фолликулов пинцетом» [12].

Внимание уделяли и борьбе с таким крайне опасным для человека заболеванием, как бешенство, основным переносчиком которого в условиях г. Ишима являлись зараженные собаки. 4 сентября 1942 г. принимается решение «к 1 октября текущего года провести регистрацию собак, запретить нахождение собак на улице и дворах без намордников и без привязи» [13]. При обнаружении заболевания бешенством собаки должны были немедленно уничтожаться, трупы их – сжигаться или зарываться в скотомогильнике. Горкомхоз обязали вылавливать бешеных собак и уничтожать их. Нарушители данного постановления подвергались в административном порядке штрафу до 100 рублей или принудительным работам до одного месяца. Также Горсовет обязал к 20 сентября 1942 г. произвести полную очистку территории предприятий и домовладений от нечистот, мусора и захламленности.

Большое значение имело постановление СНК СССР от 5 января 1943 г. «О мероприятиях по борьбе с туберкулезом». Согласно ему рабочие, заболевшие туберкулезом, в зависимости от степени тяжести, переводились на работу в дневную и утреннюю смену, имели право переквалификации на менее тяжелую работу, на лечение и т. д. Связано это было с распространением туберкулеза среди рабочих, в том числе и оборонных предприятий, что представляло прямую опасность для обороноспособности страны. В Ишиме были организованы противотуберкулезные мероприятия и начался систематизированный учет заболевших. Был открыт отдельный детский сад для заразившихся детей, но из-за отсутствия антибиотиков, по воспоминанию медсестер, «на детей с тяжелыми формами туберкулеза смотрели как на обреченных» [14]. Особенно страшен был туберкулезный менингит, дети с таким диагнозом жили 1–2 месяца, постепенно угасая на глазах медиков и родителей. Медсестра О. Г. Бакусова, трудившаяся в годы войны дежурной медсестрой в 1-й городской больнице в терапевтическом отделении, а по совместительству школьным фельдшером, вспоминает: «Терапевтическим отделением заведовал врач И. А. Голочков. Отделение на 80 коек, больные были с разными диагнозами. Здесь были две палаты: женская и

мужская – с туберкулезными больными. Мест не хватало, клали и в коридоре» [15]. Полноценный противотуберкулезный диспансер был открыт только в 1947 г.

03 июня 1943 г. Горсовет рассматривал вопрос «О мероприятиях по борьбе с желудочно-кишечными заболеваниями», согласно которому было решено «обеспечить необходимым количеством продуктов молочную кухню, инфекционное отделение и детское отделение 1-й городской больницы, детские ясли» [16]. Также депутаты решили обеспечить дополнительным пайком восемь человек, доноров грудного молока, которые на тот момент снабжались по той же норме, что и беременные женщины – ежемесячно 400 г масла, 300 г сахара, 600 г крупы, 6 л молока. Донорское молоко выдавали детям в возрасте до 5–6 месяцев, если мать не могла дать своему ребенку достаточное количество молока, а также детям в возрасте до одного года, если они заболели [17]. Плата за грудное молоко устанавливалась в размере 5 рублей за литр, оно спасло жизни десяткам ослабленных и заболевших ишимских детей.

В рамках борьбы с собачьим бешенством Горсовет обязал руководителей предприятий и учреждений, а также и частных лиц обеспечить привод собак для прохождения регистрации в Горсовет Осавиахима по улице Сталина, дом 41 с 27 по 29 августа 1943 г. [18] За необеспечение прохождения регистрации – штраф до 200 рублей и ИТР до двух месяцев, то есть налицо удвоение штрафных санкций к нарушителям по сравнению с 1942 г. Регистрации не подлежали собаки, что состояли в частях, школах и питомниках РККА и НКВД.

Для борьбы с туляремией, переносчиками которой являлись грызуны, Горсовет обязал директоров элеватора, мельзавода, хлебопекарен тщательно очистить помещения «от мусора и старого зерна до принятия новых запасов зерна и муки, директорам столовых и пекарен хранить все продукты в закрытых ящиках, ларях, шкафах и исключить возможность доступа к ним грызунов» [19].

В первом квартале 1944 г. из-за роста заболевания брюшным тифом в Ишиме и наличия отдельных крупных очагов заболевания Горсовет решает считать прививки против брюшного тифа обязательными для всего организованного и неорганизованного населения [20]. Директорам предприятий и учреждений обязали «организовать свои коллективы для противобрюшнотифозных прививок в сроки, указанные госсанинспекцией».

27 октября 1944 г. в рамках противоэпидемических мер (в первую очередь против распространения тифа) Горсовет принимает решение «выдавать ежемесячно 200 кг мыла лечебно-профилактическим учреждениям города, рабочих обеспечить по карточкам» [21]. 29 марта 1945 г. Горсовет рассматривает на своем заседании вопрос «О проведении прививок против желудочно-кишечных заболеваний (брюшного тифа и дизентерии)». Депутаты приняли решение о прививании рабочих, медиков и учащихся г. Ишима. Определены были и возрастные рамки прививаемых: «Против дизентерии ставить детям, начиная с 1 года, против тифа взрослым до 60 лет и детям до 5 лет» [22]. Такой подход был обусловлен тем, что сохранялся положительный эффект от обязательной вакцинации 1944 г., и тем, что началась эвакуация и скученность населения начала уменьшаться.

Таким образом, ишимской санэпидстанции на протяжении военных лет приходилось бороться с брюшным и сыпным тифом, корью, дифтерией, дизентерией, туберкулезом. Борьба эта значительно осложнялась призывом наиболее квалифицированных кадров в действующую армию, слабой материальной базой, несвоевременным обеспечением прививками и препаратами. Не хватало лошадей, топлива, спецодежды. Санпропускники и дезокамеры работали с перебоями, что сводило к минимуму эффект от дезинфекции. Лишь своевременное информирование санитарными инспекторами и самоотверженный труд работников ишимской санэпидстанции позволил не допустить крупных вспышек инфекций в перенаселенном городе. Окончательная же победа над заразными болезнями была одержана во второй половине 1940-х гг. благодаря квалифицированным кадрам, новым подходам в работе и совершенно иной, в отличие от военной поры, материальной базе.

Примечания

1. Давыдова Ю. А. Структура и динамика медико-санитарной сети в городах Сибири в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Вестник МГОУ: электронный журнал. URL: www.evestnik-mgou.ru. 2013. № 3. С. 14.
2. МАУК ИИХМ. Научно-вспомогательный фонд. С. 56.
3. ГБУТО «ГА в г. Ишиме». Ф. 752. ОП. 1. Д. 3. Л. 235.
4. ГБУТО «ГА в г. Ишиме». Ф. 752. ОП. 1. Д. 3. Л. 235.
5. ГБУТО «ГА в г. Ишиме». Ф. 752. ОП. 1. Д. 3. Л. 263.
6. ГБУТО «ГА в г. Ишиме». Ф. 752. ОП. 1. Д. 3. Л. 295.
7. ГБУТО «ГА в г. Ишиме». Ф. 752. ОП. 1. Д. 4. Л. 21.
8. ГБУТО «ГА в г. Ишиме». Ф. 752. ОП. 1. Д. 4. Л. 67.

9. ГБУТО «ГА в г. Ишиме». Ф. 752. ОП. 1. Д. 4. Л. 21.
10. ГБУТО «ГА в г. Ишиме». Ф. 752. ОП. 1. Д. 4. Л. 137.
11. МАУК ИИХМ. Научно-вспомогательный фонд. С. 58.
12. МАУК ИИХМ. Научно-вспомогательный фонд. С. 59.
13. ГБУТО «ГА в г. Ишиме». Ф. 752. ОП. 1. Д. 4. Л. 152.
14. ГБУТО «ГА в г. Ишиме». Ф. 752. ОП. 1. С. 61.
15. ГБУТО «ГА в г. Ишиме». Ф. 752. ОП. 1. С. 61.
16. ГБУТО «ГА в г. Ишиме». Ф. 752. ОП. 1. Д. 5. Л. 132.
17. Здравоохранение в годы Великой Отечественной войны 1941–1945: сборник документов и материалов. М., 1977. С. 189.
18. ГБУТО «ГА в г. Ишиме». Ф. 752. ОП. 1. Д. 5. Л. 192.
19. ГБУТО «ГА в г. Ишиме». Ф. 752. ОП. 1. Д. 5. Л. 92.
20. ГБУТО «ГА в г. Ишиме». Ф. 752. ОП. 1. Д. 6. Л. 146.
21. ГБУТО «ГА в г. Ишиме». Ф. 752. ОП. 1. Д. 6. Л. 50.
22. ГБУТО «ГА в г. Ишиме». Ф. 752. ОП. 1. Д. 9. Л. 56.

Notes

1. Davydova Y. A. Struktura i dinamika mediko-sanitarnej seti v gorodah Sibiri v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg. [Structure and dynamics of the health network in the cities of Siberia during the Great Patriotic war of 1941–1945] // Vestnik MGOU: ehlektronnyj zhurnal – Herald of the MSRU: electronic journal. Available at: www.evestnik-mgou.ru. 2013, No. 3, p. 14.
2. МАУК ИИХМ. Nauchno-vspomogatel'nyj fond – Municipal Automomous Institution of Culture "Ishim Museum of History and art". Scientific-auxiliary Fund. P. 56.
3. State Bugetary Institution of Tyumen Region (GBOTO) "State archive in Ishim". F. 752. Sh. 1. File 3. Sh. 235.
4. GBOTO "State archive in Ishim". F. 752. Sh. 1. File 3. Sh. 235.
5. GBOTO "State archive in Ishim". F. 752. Sh. 1. File 3. Sh. 263.
6. GBOTO "State archive in Ishim". F. 752. Sh. 1. File 3. Sh. 295.
7. GBOTO "State archive in Ishim". F. 752. Sh. 1. File 4. Sh. 21.
8. GBOTO "State archive in Ishim". F. 752. Sh. 1. File 4. Sh. 67.
9. GBOTO "State archive in Ishim". F. 752. Sh. 1. File 4. Sh. 21.
10. GBOTO "State archive in Ishim". F. 752. Sh. 1. File 4. Sh. 137.
11. МАУК ИИХМ. Nauchno-vspomogatel'nyj fond – Municipal Automomous Institution of Culture "Ishim Museum of History and art". Scientific-auxiliary Fund. P. 58.
12. МАУК ИИХМ. Nauchno-vspomogatel'nyj fond – Municipal Automomous Institution of Culture "Ishim Museum of History and art". Scientific-auxiliary Fund. P. 59.
13. GBOTO "State archive in Ishim". F. 752. Sh. 1. File 4. Sh. 152.
14. GBOTO "State archive in Ishim". F. 752. Sh. 1. P. 61.
15. GBOTO "State archive in Ishim". F. 752. Sh. 1. P. 61.
16. GBOTO "State archive in Ishim". F. 752. Sh. 1. File 5. L. 132.
17. Zdravoohranenie v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945: sbornik dokumentov i materialov – Health in the great Patriotic war of 1941–1945: collection of documents and materials. M., 1977. P. 189.
18. GBOTO "State archive in Ishim". F. 752. Sh. 1. File 5. Sh. 192.
19. GBOTO "State archive in Ishim". F. 752. Sh. 1. File 5. Sh. 92.
20. GBOTO "State archive in Ishim". F. 752. Sh. 1. File 6. Sh. 146.
21. GBOTO "State archive in Ishim". F. 752. Sh. 1. File 6. Sh. 50.
22. GBOTO "State archive in Ishim". F. 752. Sh. 1. File 9. Sh. 56.

УДК 941/949(478)+323(478)

Г. Е. Слободянюк

Общественно-политическая деятельность ОСТК и процесс создания институтов государственности Приднестровья

В статье анализируется общественно-политическая деятельность рабочей организации Объединенный Совет трудовых коллективов Приднестровского региона Молдавской ССР, чьи действия были связаны с организацией и реализацией процесса создания нового государственного образования – Приднестровской Молдавской Республики. Автор останавливается на рассмотрении этапов общественно-политической деятельности данной организации, начиная с проведения референдумов, выборов и съездов народных депутатов Приднестровского региона до формирования основных институтов государственной власти само-

определившейся республики, способствующих становлению и развитию ее государственности. Особое внимание уделяется роли ОСТК в формировании институтов исполнительной и законодательной власти в Приднестровье, заложивших основу для дальнейшего самостоятельного развития Приднестровского государства на территории Республики Молдова. Полученные данные могут служить дополнительным источником сведений о периоде создания новых государств на постсоветском пространстве.

The article analyzes the political activity of the working of the United Council of Labour Collectives of the Transnistrian region of the Moldavian SSR, whose actions were connected with the organization and implementation of the process of creating a new state – the Pridnestrovian Moldavian Republic. The author dwells on the consideration stage of social and political activities of the organization, starting with the holding of referendums, elections and Congresses of People's Deputies of the Transnistrian region until the formation of the main institutions of state authority of the republic self-determined, contributing to the establishment and development of its statehood. Particular attention is paid to the role of institutions in shaping UCWC executive and legislative authorities in Transnistria, which laid the foundation for further independent development of the Transnistrian state on the territory of the Republic of Moldova. These data can serve as an additional source of information about the period of the creation of new states in the former Soviet Union.

Ключевые слова: Объединенный Совет трудовых коллективов; Народный фронт Молдовы; совет трудовых коллективов; двуязычие; референдум; право наций на самоопределение; Совет народных депутатов; информационно-разъяснительная работа; исполнительная и законодательная власть; молдо-приднестровский гражданский конфликт.

Keywords: Joint Council of labor collectives; Popular Front of Moldova; Council of labor collectives; bilingualism; referendum; the right of nations to self-determination; The Council of People's Deputies; outreach; the executive and the legislature; Moldovan-Transnistrian civil conflict.

Перестроечный курс на демократизацию и гласность, открывший путь распространения национализма в союзных республиках, оказался губительным для неподготовленного советского общества, обострив в нем межнациональные и языковые отношения. В конечном итоге данные тенденции стали основными причинами распада СССР. Главным противником роста националистических идей в Молдавской ССР выступила интернациональная рабочая организация Объединенный Совет трудовых коллективов (ОСТК), созданная 14 августа 1989 г. на основе трудовых коллективов городов Тирасполя, Рыбницы, Бендер (а к 1990–1991 гг. в ее состав вошли все трудовые коллективы Приднестровского региона).

В рамках статьи предпринимается попытка проанализировать деятельность рабочей организации ОСТК Приднестровья, ставшей инициатором и главным организатором осуществления процесса создания нового самостоятельного государственного образования на территории республики Молдова – Приднестровской Молдавской ССР (позже ПМР). Одной из первостепенных задач является раскрытие не только причин, методов и процесса реализации общественно-политической деятельности ОСТК по формированию первых институтов государственности Приднестровья, но и определение его значения как главной движущей общественной силы протестного движения в Молдове, которой удалось образовать собственное самостоятельное государство. То, что трудовые коллективы возглавили и реализовали процесс по созданию Приднестровского государства, является свидетельством и успешным примером построения демократического государства путем «снизу».

ОСТК как общественная организация рабочего движения в Молдавии объединил вокруг себя не только рабочих, но и инженерно-технических работников, служащих, интеллигенцию разных национальностей в единое протестное движение, вступившее в политическую борьбу за конституционные и гражданские права русскоязычного населения, а также за сохранение молдавской культурно-исторической самобытности и государственности, подвергшейся насильственной румынизации со стороны руководства республики и Националистического народного фронта (НФМ).

Следует отметить, что республиканское руководство МССР под влиянием НФМ пошло по пути полного заимствования «прибалтийского сценария» по принятию дискриминационных законов о языках, символике, гражданстве, ущемляющих права русского языка и русскоговорящего населения, а также собственно молдавского народа. Стремительное общественно-политическое наступление националистов практически не встречало серьезного сопротивления ни со стороны ЦК Компартии Молдавии, ни со стороны Верховного Совета (ВС) МССР. ОСТК, отстаивая принципы целостности республики и Союза в целом, выступил против НФМ, призывавшего к выходу Молдавии из состава Союза и обретения ею полного государственного суверенитета. В целом, руководство республики не согласилось пойти на компромисс с представителями протестного

рабочего движения. Их предложения сохранить принцип «двуязычия» (наделение статусом государственного языка молдавский и русский языки), равноправия народов, населявших республику, учтены не были. Также осталось без внимания действующей власти нежелание большей части молдаван отказаться от национальной самобытности и государственности, переводя молдавский язык на латинскую графику и признавая языковую идентичность молдавского и румынского языков. Таким образом, 30 августа – 1 сентября 1989 г., несмотря на проведение общереспубликанской забастовки под руководством ОСТК, на XIII сессии ВС МССР принял законы о языках, а также закон о переводе молдавской письменности на латинскую графику* [1]. Это положило начало гражданскому конфликту в МССР.

После принятия законов ОСТК Приднестровья, завершив забастовку, не прекратил политическую борьбу и принял вынужденное решение начать процесс создания своей автономии в составе МССР, что рассматривалось как единственный выход по защите русскоязычного населения республики и сохранения молдавского народа как этноса. Этот шаг был оправдан и обусловлен тем, что руководство республики признало незаконным пакт Риббентропа – Молотова, согласно которому в 1940 г. была создана МССР из уже существующей в 1924 г. в составе Украинской ССР Молдавской Автономной ССР и Бессарабии, возвращенной СССР в 1940 г. Таким образом, исторический прецедент государственности на территории Левобережья МССР уже существовал и не опровергался руководством МССР. Правда, в связи с событиями 1989 г. в состав воссозданной автономии вошли правобережные Бендеры. В рамках еще существующего Советского Союза это было достаточно смелое решение, тем более что новую автономию не поддержало не только партийное и республиканское руководство МССР, но и Москва. Однако, являясь сторонниками советского интернационализма, трудовые коллективы Приднестровья считали справедливой свою борьбу против национализма и общественно-политических сил республики, стремящихся к развалу Союза. Опираясь на союзное законодательство, ОСТК инициировал процесс создания приднестровской автономной республики в составе МССР через проведение референдума, выборов в местные и республиканские Советы, а также Съездов народных депутатов Приднестровья. Следует отметить, что секрет успеха ОСТК заключался в том, что члены организации всегда стремились действовать с согласия и при поддержке трудовых коллективов региона. Поэтому ОСТК пользовался авторитетом и доверием среди населения Приднестровья.

Так, в период с декабря 1989 г. по октябрь 1990 г., в Приднестровском регионе проводился референдум по вопросу создания и вхождения в Приднестровскую АССР городов и населенных пунктов Приднестровья. И хотя ОСТК уже обладал опытом политической борьбы, проведение референдума оказалось нелегкой задачей. Главные идеологические противники ОСТК в лице НФМ, ЦК КПМ, ВС МССР предприняли все возможные законодательные и пропагандистско-информационные меры для срыва референдума [2]. Но тщательная разъяснительная и агитационно-пропагандистская работа, проделанная ОСТК накануне, дала свои результаты. Итоги референдума оправдали надежды ОСТК Приднестровья на поддержку приднестровским населением идеи создания автономии и готовности отстаивать ее интересы (таблица) [3].

Итоги референдума в Приднестровье (декабрь 1989 – октябрь 1990 гг.)

Наименование города / района	Дата референдума	Вопрос о целесообразности создания ПАСР в составе МССР (%)	
		«за»	«против»
Рыбница	3 декабря 1989 г.	91,1	5,5
Рыбницкий район	5 августа 1990 г.	98,6	1,1
Тирасполь	28 января 1990 г.	96	2,3
Бендеры	1 июля 1990 г.	97,4	1,5
Дубоссары и Дубоссарский район	12 августа 1990 г.	97	1,3
Григориополь	9 сентября 1990 г.	99	–
Григориопольский район	Сентябрь – ноябрь 1990 г.	96,8	–
Слободзея	9 сентября 1990 г.	97,2	2,76
Слободзейский район	Июль – октябрь 1990 г.	98–98,8	1,1–3,3
Каменский район (село Рашков)	25 марта 1990 г.	95,7	–

* Речь идет о законах «О функционировании языков на территории МССР», «О статусе государственного языка МССР», «О переводе письменности молдавского языка на латинскую графику».

Практически параллельно с проведением референдума, с целью введения в органы местной власти своих сторонников, ОСТК организовали и провели выборы в городские Советы народных депутатов. В результате успешной агитации 25 января 1990 г. 80% членов рабочего движения стали депутатами местных Советов*, сыгравших в дальнейшем важнейшие политические роли в становлении и развитии приднестровской государственности [4]. Таким образом, референдум и выборы предоставили ОСТК возможность полностью обрести политическую и социально-экономическую власть на местах в Приднестровском регионе, поддерживали платформу организации. Кроме того, для отстаивания интересов приднестровского региона, в результате республиканских выборов ВС МССР, ОСТК провел в депутаты законодательного собрания почти всех своих кандидатов**. Перед ними ставилась задача продолжить парламентскую борьбу за отстаивание прав русскоязычного и молдавского населения Приднестровья внутри ВС МССР. В этом им оказали помощь и поддержали их депутаты от Интердвижения «Унитатя – Единство» города Кишинева П. М. Шорников, В. Н. Яковлев, А. М. Сафонов, В. А. Солонарь. Совместно они вошли в депутатскую группу ВС МССР «Советская Молдавия» [5].

После выборов в местные советы ОСТК организовал и провел 2 июня 1989 г. первый Съезд народных депутатов Приднестровского региона, в работе которого приняли участие 673 депутатов (123 – из Тирасполя, 134 – из Рыбницы, 55 – из Бендер, 30 – из Дубоссар, 48 – из Григориополя, 126 – из Слободзейского района, 116 – из Каменского района) [6]. С целью формирования единого экономического и политического пространства в автономии на съезде был разработан и принят документ «О социально-экономическом развитии Приднестровья». Для реализации данной цели был создан первый самостоятельный институт управления в Приднестровье – Координационный Совет (КС) по управлению социально-экономической ситуацией в Приднестровье в условиях перехода к рыночной экономике. В его состав вошли 26 депутатов – членов ОСТК горсоветов Тирасполя и Рыбницы под руководством председателя Комитета И. Н. Смирнова [7].

Следует особо отметить, что, несмотря на то что ОСТК настаивал на создании автономии, его члены не преследовали цели образовать независимое государство вне МССР. Их главной задачей являлось обретение экономической самостоятельности от Кишинева в рамках существующей МССР как гарант защиты Приднестровья от политического произвола и дискриминации со стороны республиканских властей. В этом ключе ОСТК предложили Кишиневу изменить государственное устройство республики, создав федерацию, что могло бы прекратить гражданский конфликт и сохранило территориальную целостность республики. Однако Кишинев отверг данные предложения Приднестровья, расценив их как стремление ОСТК создать альтернативную власть в регионе, обвинив представителей организации в сепаратизме и расколе республики [8]. Вместе с тем нельзя не отметить тот факт, что по мере ужесточения реакции республиканского руководства и активизации действий НФМ на деятельность организации идея создания собственной государственности у членов ОСТК эволюционировала. Политическая борьба ОСТК Приднестровья за равноправие, за право наций на самоопределение, за гражданские права представителей всех национальностей, проживающих в МССР, не имела успеха. Поэтому ОСТК совместно с депутатами горсоветов Приднестровья приняли решение о созыве 2 сентября 1990 г. II Чрезвычайного съезда народных депутатов Приднестровского региона. Данный съезд был организован и проведен ОСТК, взявшим на себя все материальные и организационные расходы, а также проведшим массовую агитационно-разъяснительную и информационную работу среди трудящихся по вопросам созыва съезда. На съезде в присутствии 579 делегатов (из Тирасполя – 92, Рыбницы и Рыбницкого района – 120, Каменки – 62, Дубоссар и Дубоссарского района – 50, Бендер – 77,

* В горсоветах Тирасполя, Бендер, Рыбницы, Дубоссар, Григориополя оказались активисты ОСТК: И. Н. Смирнов, В. М. Рыляков, А. И. Большаков, Д. Д. Неделков, Г. Н. Лещенко, А. М. Бочковский, В. А. Загрядский, Е. Н. Мельникова, А. Б. Васильев, А. В. Гордеев, И. Г. Захаров, Г. Х. Осипов, М. И. Дорох, Ю. К. Иванов, Г. Н. Деревянко, В. Ф. Груценко, В. А. Лесниченко, В. М. Константинов, А. З. Волкова, В. А. Купершмидт, В. Г. Филимоненко, В. М. Иванченков, А. П. Манойлов, Д. Ф. Кондратович, А. Ф. Кокоско, С. Г. Сорокин, О. И. Савидов, В. М. Беркович, А. С. Кузнецов, А. Е. Сайдаков, А. И. Ткаченко, И. М. Баранова, Л. А. Колесниченко, Г. С. Андреева, С. Б. Липинский, В. И. Васькин, А. П. Велько, Б. П. Белокопытов, Н. Я. Елгин, А. Г. Нитецкая, В. Д. Павлюк, В. И. Емельянов, С. В. Фельдман, С. Г. Мигуля, В. Д. Ефимец, В. П. Субботин, В. Я. Поташев, В. Н. Васильева, А. В. Подуст, А. А. Печул, В. И. Юрченко, В. И. Николюк, В. В. Жуматий, Г. С. Брязу, В. Финагин, А. Порожан, В. В. Дюкарев, С. Ф. Леонтьев, В. Л. Боднар, А. К. Белитченко, Н. А. Богданов, Б. Н. Акулов, Н. Г. Чегурко, М. А. Малай, В. А. Гончар, Е. П. Бердников и другие.

** Депутатами ВС МССР стали члены ОСТК В. М. Арестов, А. П. Манойлов, А. Н. Морозов, А. З. Волкова, О. И. Сайдаков, В. М. Константинов, В. Ордин, В. А. Загрядский, А. Г. Радченко, В. И. Емельянова, А. Ф. Кокоско, А. И. Большаков, В. М. Рыляков, П. А. Заложков, И. Н. Смирнов, В. М. Дворяну.

Григориополь и Григориопольский район – 77, Слободзеи – 93) [9] был принят документ «Политико-правовое обоснование создания ПМССР» [10], провозгласивший создание автономии – Приднестровской Молдавской ССР в составе МССР. Вместе с тем на съезде были приняты документы по формированию первичных структур государственной власти в ПМССР, а именно: «Декрет о государственной власти ПМССР» и «Декларация о суверенитете и независимости ПМССР» [11]. За основу при формировании органов власти республики ОСТК и депутаты горсоветов взяли модель государственного устройства СССР. Решением съезда в ПМССР устанавливалось двойное гражданство: СССР и ПМССР. В экономике был взят курс на развитие рыночной экономики со свободным функционированием различных форм собственности при сохранении банковской, финансовой, ценовой и налоговой систем СССР. В республике признавалось равноправие трех государственных языков (молдавского, русского, украинского); полная свобода развития национальных культур и языков на территории республики; сохранялась государственная символика СССР. Республика провозглашала свободу в выстраивании и осуществлении международных отношений, с использованием представительства союзных органов, а также на основе договоров с союзными республиками и зарубежными странами [12].

25 ноября 1990 г. под руководством ОСТК был создан Временный Верховный Совет (ВВС) в составе 50 депутатов местных горсоветов и райсоветов Приднестровья [13]. Председателем ВВС стал председатель Тираспольского горсовета, член ОСТК, И. Н. Смирнов, его заместителями – депутаты Тираспольского горсовета А. З. Волкова, А. А. Караман и В. И. Глебов. За короткий промежуток времени, с 4 сентября по 20 ноября 1990 г., ВВС принял более 60 законопроектов для организации жизнедеятельности молодой республики и формирования ее государственных органов [14].

В этот же период ОСТК провел референдум в Приднестровском регионе по вопросу вхождения в ПМССР, в результате которого 95,8% населения поддержали создание ПМССР [15]. Вместе с тем дальнейшая работа ОСТК была направлена на консолидацию приднестровской власти и трудовых коллективов, оказания содействия и помощи в работе ВВС, а затем и Верховного Совета ПМССР в государственном строительстве республики. Следует отметить, что на протяжении 1990–1992 гг. ОСТК и руководство ПМССР не прекращали участвовать в переговорном процессе и работе множественных согласительных комиссий между ПМССР и ССРМ при участии представителей Союзного Центра. Однако конфликт только усугублялся, так как Кишинев отвергал идею федерализации республики, предпочитая решать проблему методами экономического и политического давления на ПМССР с целью ликвидации ее самостоятельности.

После проведения выборов в ВС ПМССР в его состав вошли все депутаты – представители рабочего движения региона: от Тирасполя – 18 человек; от Бендер – 13; от Рыбницы и Рыбницкого района – 8; от Дубоссар и Дубоссарского района – 6; от Григориополя и Григориопольского района – 5; от Каменского района – 3; от Слободзейского района – 12 [16]. Совместно с ОСТК они продолжили процесс по созданию органов исполнительной и законодательной власти ПМССР. Он был довольно трудный и долгий, продлившись с ноября 1990 г. по сентябрь 1992 г., неоднократно приостанавливался, а затем вновь возобновлялся. Перерывы были связаны с работой Согласительной комиссии по вопросам государственного устройства Молдавии, в ходе работы которой ВС ПМССР не раз, идя на уступки Кишиневу с целью поиска общего компромисса, накладывал мораторий на процесс формирования институтов исполнительной власти. Однако распад СССР 8 декабря 1991 г. обострил гражданское противостояние между Кишиневом и Тирасполем. В результате этого Приднестровье подверглось со стороны уже суверенной Республики Молдова экономической блокаде, а впоследствии и вооруженной агрессии весной-летом 1992 г. Вместе с тем Приднестровье до последнего дня существования Союза сохраняло надежду на понимание и поддержку со стороны Союзного центра, шло на любые уступки ради подписания договора об обновленном Союзе, который позволил бы сохранить Приднестровье в составе СССР при выходе из него Молдовы. ОСТК даже провел 17 марта 1991 г. на территории Приднестровья союзный референдум, в результате которого 97,9% населения проголосовали за сохранение Союза [17]. Следует отметить, что после ликвидации Союза ОСТК стали возлагать надежду на РФ в вопросе признания существования новой республики, несмотря на то что в большей мере выживание Приднестровья связывалось с собственными самостоятельными общественно-политическими действиями.

К числу проблем по формированию органов власти новой республики можно отнести «кадровый голод», связанный с тем, что именно ОСТК являлся «кузницей кадров» для органов управления республики; недостаточность политического опыта по государственному строительству у бывших рабочих, служащих, части интеллигенции. Однако, несмотря на все трудности, вполне объяснимые и характерные для периода процесса формирования и развития новых государств, ОСТК продолжал оставаться опорой, помощником и защитником государственных органов власти ПМР. Между ОСТК ПМССР (ПМР) и депутатами ВС ПМССР (ПМР) сохранялось понимание того,

что они делают общее дело, ведут справедливую борьбу, и сила их – в единстве. Так, в рамках общественно-политической деятельности члены ОСТК участвовали в заседаниях ВС ПМССР (ПМР), осуществляли контроль над деятельностью депутатов и принимали участие в обсуждении кандидатур на государственные посты [18]. Кроме того, при обсуждении социально-экономических и политических проблем ОСТК приглашал с отчетом о проделанной работе на свои заседания представителей государственной власти [19]. Депутаты от ОСТК постоянно информировали президиум и членов организации, как проходят сессии ВС ПМССР (ПМР). Вместе с тем ОСТК активно принимал участие не только в законодательном процессе, но и следил за процессом исполнения законов, опираясь при этом на помощь профсоюзов, СТК и первичных партийных организаций. Без участия ОСТК не был принят ни один закон в республике, касающийся проблем социально-экономического развития региона, в том числе и Основной закон* самопровозглашенной республики [20]. На заседаниях ОСТК неоднократно предлагал создать при нем комиссии по проведению политических и экономических реформ в помощь ВС ПМССР (ПМР). Для каждой из возникающих проблем в развитии республики ОСТК инициировал создание депутатских комиссий по их разрешению и всегда предлагал им конкретную помощь в работе [21]. В целом, проблемы общественно-политического и экономического развития республики ОСТК выносил на обсуждение трудовых коллективов. С целью оказания практической помощи институтам государственного управления в разрешении насущных проблем развития республики ОСТК были проведены конференции трудовых коллективов Приднестровья 16 февраля 1991 г. и 31 октября 1992 г., а также 25 мая 1991 г. – первый съезд рабочих организаций ПМССР [22].

Однако при анализе протоколов заседаний ОСТК нельзя не отметить тот факт, что самым важным вопросом для членов организации являлась проблема формирования эффективных институтов государственной власти. В период с 29 ноября 1990 г. по 8 сентября 1992 г. ОСТК и ВС ПМССР совместно провели ряд заседаний, где обсуждался данный вопрос. Соответственно, работа в данном направлении была продолжена на II (2 сентября и 30 ноября 1990 г.), III (20 января 1991 г.), IV (2 сентября 1991 г.) Чрезвычайных съездах народных депутатов всех уровней Приднестровья. В итоге на 6-м заседании ВС ПМССР от 5 марта 1991 г. формирование структур исполнительной и законодательной власти было закреплено законодательно Постановлением № 27 ВС ПМССР «Об утверждении структуры органов государственного управления ПМССР» [23]. В то же время на 7-м заседании V сессии ВС ПМССР от 12 марта 1991 г. был принят Закон «О Правительстве ПМССР», где окончательно была зафиксирована структура исполнительной власти [24]. Нельзя не отметить тот факт, что состав комиссий и комитетов двухпалатного ВС, а также управлений Правительства состоял из представителей ОСТК*, взявших на себя всю ответственность за обеспечение жизнедеятельности самоопределившейся республики [25].

Важно отметить, что завершающий этап формирования институтов государственности Приднестровья был связан с решениями XVIII–XX сессий ВС 10–22 октября 1991 г. о проведении 1 декабря 1991 г. выборов президента республики и референдума о независимости ПМР [26]. Выполнение этой задачи вновь было поручено ОСТК ПМССР. Это были заключительные референдум и выборы, инициированные и организованные ОСТК совместно с депутатами – членами ОСТК. Комиссию по проведению референдума возглавил водитель «Тираспольтранса», депутат ВС ПМР, член Президиума ОСТК А. П. Манойлов. Это была сложная, опасная и трудная работа, на которую мало кто давал согласие. На референдум выносился один вопрос: «Вы за независимость ПМР в политическом и экономическом Союзе Суверенных государств?». ОСТК, уже имея большой организационный и опыт агитационно-информационной работы, успешно провел выборы и референдум и на XXII сессии ВС от 3 декабря 1991 г. подвел итоги. Согласно Протоколу № 14 от 2 декабря 1991 г. ЦИК в референдуме приняли 78% избирателей, из которых 97% высказались «за» независимость республики («против» – 1,3%) [27]. В выборах президента принимали участие также 78% избирателей – из них 65,4% проголосовали «за» И. Н. Смирнова, 30,9% – «за» Г. С. Маракуцу и 1,5% – «за» Г. В. Благодарного [28]. Таким образом, президентом ПМР стал кандидат от ОСТК И. Н. Смирнов.

Следует отметить, что после проведения референдума и выборов 8 сентября 1992 г. произошла последняя реорганизация государственных структур власти согласно Постановлению

* С 2 сентября 1991 г. на XII сессии ВС ПМССР проходило обсуждение текста Конституции ПМССР, который был одобрен на IV чрезвычайном съезде 2 сентября 1991 г. и принят 10 сентября 1991 г.

* В. П. Воеводин, П. А. Заложков, В. М. Арестов, Г. Ф. Пологов, Н. Г. Чегурко, В. Н. Яковлев, Н. И. Остапенко, А. П. Манойлов, В. В. Когут, А. И. Мильман, А. З. Большаков, В. И. Емельянов, В. А. Загрядский, Н. А. Богданов, В. И. Кожухарь, А. К. Белитченко, М. М. Малай, С. Ф. Покотило, А. И. Большаков, А. Е. Сайдаков, М. В. Кириченко, Ф. А. Добров, В. А. Финагин, Ю. Н. Затыка, Г. С. Маракуца, А. П. Булычев, О. П. Запольский, В. Л. Боднар, С. И. Мороз, Б. Н. Акулов, А. Н. Ефанов.

№ 221 от ВС ПМР «О совершенствовании структуры государственного управления» от 8 сентября 1992 г. и Указу Президента ПМР № 190 «О статусе республиканских органов государственного управления ПМР» от 14 июля 1992 г. Последовательно, 9 июня 1992 г. было принято решение о переводе и окончательном укомплектовании комитетов и комиссий ВС ПМР на постоянную основу [29]. Вместе с тем необходимо отметить, что реорганизацией структуры органов законодательной власти занимались активные члены ОСТК – заместитель председателя ВС А. З. Волкова и председатель Комитета по вопросам законодательства, законности и правопорядка А. З. Большаков, которые 19 ноября 1992 г. представили на обсуждение новые составы комитетов и комиссий ВС ПМР [30]. Нельзя не отметить тот факт, что состав 10 комитетов и пяти комиссий ВС ПМР* на 90% состоял из членов ОСТК [31]. К этому следует добавить, что при Президиуме ВС ПМР 10 декабря 1992 г. был создан Отдел экономического анализа под руководством члена ОСТК Ю. М. Сафонова, а также продолжал действовать институт Государственного контроля под руководством остэковца А. П. Манойлова [32]. Наконец, в новой структуре законодательной власти появился, согласно Указу Президента ПМР от 12 декабря 1992 г., Политический консультативный совет. Его главной задачей было обсуждение наиболее важных политических вопросов с целью выработки по ним коллективного, а не единоличного решения. Несмотря на то что состав Совета менялся, его постоянными членами были представители ВС, Правительства, президентских структур, ОСТК, ЖЗК, Профцентра. Из членов ОСТК в него входили А. З. Волкова, В. М. Рыляков, В. Н. Яковлев, В. И. Емельянов, В. П. Воеводин, Бут, Атаманенко, Ю. Н. Затыка, В. Л. Боднар, Ф. А. Добров [33].

На основании вышеуказанных постановлений от 8 сентября 1992 г. ряд управлений в Правительстве был реорганизован в министерства, вследствие чего из 14 управлений семь стали министерствами [34]. Соответственно, в состав правительства входили президент (он же председатель правительства), вице-президент, заместитель председателя правительства, руководители министерств, республиканских комитетов, председатели исполкомов Советов. Для оперативности работы был создан Президиум правительства, а также при президенте для решения вопросов политического и государственного управления, экономики и права продолжал действовать Аппарат Государственного секретаря [35].

В итоге становление в 1990–1992 гг. государственности в Приднестровском регионе Молдавии самым тесным образом было связано с деятельностью рабочей организации ОСТК. В результате этой деятельности, выраженной в организации и проведении выборов, референдумов, съездов, в формировании и осуществлении контроля над работой первых институтов государственности, участии в разработке законодательной базы республики, удалось преодолеть сложный период создания и становления органов государственной власти и управления в Приднестровье. В сферу деятельности ОСТК вошли практически все вопросы социально-экономического и политического развития республики. ОСТК стал «кузницей кадров» для Приднестровского государства. На протяжении 1990–1992 гг. представители ОСТК и депутаты-члены ОСТК приобретали политический опыт строительства и управления государством. Они взяли на себя ответственность в отстаивании интересов народа Приднестровья, до конца борясь за сохранение союзного государства и до последнего пытались найти компромисс с республикой Молдовой по вопросу федерализации. Именно ОСТК ПМССР (ПМР) стал главной опорой государственной власти Приднестровья, всегда максимально эффективно и решительно действуя в экстренных ситуациях и осуществляя необходимую общественно-политическую работу по созданию и дальнейшему развитию нового государственного образования – Приднестровской Молдавской Республики.

Примечания

1. Советская Молдавия. 1989. 31 марта. С. 1.
2. Волкова А. З. Референдумы в Приднестровской Молдавской Республике (1989–2006 гг.). Тирасполь, 2006. С. 79.
3. Центральный государственный архив ПМР (ЦГА ПМР). Ф. 1059. Оп. 1. Д. 38. Л. 60–61. Д. 39. Л. 47–50; Непризнанная республика. Очерки. Документы. Хроника. Т. 2. Документы государственных органов Приднестровья / отв. ред. и сост. В. Ф. Грызлов. М., 1997. С. 175–179; Днестровская правда. 1990. 11 сент. С. 1; Днестровская правда. 1990. 20 сент. С. 1; Трудовой Тирасполь. 1990. 19 сент. С. 1; Начало: сб. воспоминаний / сост. А. З. Волкова. Тирасполь, 2010. С. 184.

* В. М. Рыляков, А. К. Белитченко, О. П. Запольский, М. Ф. Кириченко, С. И. Мороз, О. В. Орлов, Ю. М. Левицкий, В. И. Харченко, А. И. Большаков, А. Н. Морозов, В. Я. Поташев, П. А. Заложков, В. П. Воеводин, В. И. Емельянов, В. Д. Ефимец, А. В. Саламандык, И. И. Цынник, В. А. Бабой, А. З. Большаков, В. И. Емельянов, В. Н. Яковлев, В. В. Когут, В. А. Финагин, В. И. Карамануца, В. Ф. Шереметенко, Ю. М. Затыка

4. ЦГА ПМР. Ф. 107. Оп. 1. Д. 2642. Л. 123; ЦГА ПМР. Ф. 1059. Оп. 1. Д. 79. Л. 47–49; Днестровская правда. 1990. 27 февр., 2 марта, 17 апр.
5. ЦГА ПМР. Ф. 1059. Оп. 1. Д. 4. Л. 80.
6. Архив Верховного Совета ПМР (Архив ВС ПМР). Оп. 1. Д. 1. Л. 1–2.
7. ЦГА ПМР. Ф. 1059. Оп. 1. Д. 82. Л. 38–39.
8. Архив Общественно-политических объединений Республики Молдова (АОСПРМ). Ф. 51. Оп. 73. Д. 162. Л. 16.
9. Архив ВС ПМР. Оп. 1. Д. 3. Л. 25.
10. Там же. Д. 2. Л. 55–58.
11. Материалы I и II съездов депутатов всех уровней Приднестровья: массово-политическое издание / под ред. А. З. Волковой. Тирасполь, 2010. С. 63–64; Архив ВС ПМР. Оп. 1. Д. 2. Л. 15.
12. Материалы I и II съездов депутатов всех уровней Приднестровья: массово-политическое издание / под ред. А. З. Волковой. Тирасполь, 2010. С. 59–62.
13. Волкова А. З. Временный Верховный Совет ПМССР (сентябрь – ноябрь 1990 года). Тирасполь, 2007. С. 7–8.
14. Там же. С. 21–22.
15. Днестровская правда. 1990. 14 окт. С. 1–2.
16. Днестровская правда. 1990. 29 ноября. С. 2.
17. АОСПРМ. Ф. 51. Оп. 73. Д. 191. Л. 5.
18. ЦГА ПМР. Ф. 1059. Оп. 1. Д. 94. Л. 14–16.
19. Там же. Л. 25–27.
20. Архив ВС ПМР. Оп. 1. Д. 15. Л. 113; Днестровская правда. 1992. 23 янв. С. 1–2.
21. ЦГА ПМР. Ф. 1059. Оп. 1. Д. 84. Л. 64.
22. ЦГА ПМР. Ф. 1059. Оп. 1. Д. 44. Л. 2, Д. 45. Л. 2–3; Трудовой Тирасполь. 1992. 11–18 ноября. С. 2.
23. Архив ВС ПМР. Оп. 1. Д. 14. Л. 57–58, 63.
24. Там же. Л. 77, 81.
25. Там же. Д. 5. Л. 10–12, 23–26; Д. 14. Л. 58–59.
26. Там же. Д. 16. Л. 4, 48.
27. ЦГА ПМР. Ф. 1059. Оп. 1. Д. 16. Л. 149, 151.
28. Там же. Л. 153.
29. Архив ВС ПМР. Оп. 1. Д. 29. Л. 97.
30. Там же. Л. 178–180.
31. Там же. Д. 28. Т. 6. Л. 120, 122–124.
32. Там же. Д. 29. Л. 200.
33. Там же. Л. 186.
34. Там же. Д. 28. Т. 6. Л. 120–124.
35. История государственных учреждений: высшие и центральные органы власти и управления Приднестровской Молдавской республики. 1990–2010 годы / отв. ред. З. Г. Тодорашко. Тирасполь, 2010. С. 210.

Notes

1. Sovetskaya Moldavia. 1989. March 31. p. 1.
2. Volkova A. Z. Referendumi v Pridnestrovskoi Moldavskoi Respublike (1989–2006 gg.) [Referendums in the Pridnestrovian Moldavian Republic (1989 – 2006 years.)]. Tiraspol, 2006. P. 79.
3. Centralnii gosudarstvenii archive PMR (CGA PMR) [Central State Archive of the PMR (CSA PMR)]. F. 1059. Op. 1. File 38. Sh. 60–61, File 39. Sh. 47–50; Nepriznanaia respublika. Ocherki. Dokumenti. Xronika. T. 2. Dokumenti gosudarstvennix organov vlasti Pridnestrovia [] / Otv. red. i sostavitel V. F. Grizlov. M. , 1997. P. 175–179; Dnestrovskaja Pravda [Dniester true]. 1990. September 11. p. 1; Dnestrovskaja Pravda [Dniester true]. 1990. September 20. p. 1; Trudovoi Tirashjl [Labor Tiraspol]. 1990. September 19. p. 1; Nachalo: Sb. vospominanii [Home: Coll. memories]. / Sost. A. Z. Volkova. Tiraspol, 2010. P. 184.
4. Centralnii gosudarstvenii archive PMR (CGA PMR) [Central State Archive of the PMR (CSA PMR)]. F. 107. Op. 1. File 2642. Sh. 123; CGA PMR(CSA PMR). F. 1059. Op. 1. File 79. Sh. 47–49; Dnestrovskaja Pravda [Dniester true]. 1990. February 27, March 2, April 17.
5. CGA PMR(CSA PMR). F. 1059. Op. 1. File 4. Sh. 80.
6. Archiv Verhovnogo Soveta PMR [Archives of the Supreme Soviet of the PMR]. Op. 1. File 1. Sh. 1–2.
7. CGA PMR(CSA PMR). F. 1059. Op. 1. File 82. Sh. 38–39.
8. Archive of Socio-Political Organizations of the Republic of Moldova (AOSPRM). F. 51. Op. 73. File 162. Sh. 16.
9. Archiv Verhovnogo Soveta PMR [Archives of the Supreme Soviet of the PMR]. Op. 1. File 3. Sh. 25.
10. Ibid. File 2. Sh. 55–58.
11. Material I i II sezda deputatov vseh urovnei Pridnestrovia [Articles I and II congresses of deputies of all levels of Pridnestrovie: mass political publication] / Pod red. A. Z. Volkovoi [Ed. A. Z. Volkovoy]. Tiraspol [Tiraspol], 2010. P. 63–64; Archiv Verhovnogo Soveta PMR [Archives of the Supreme Soviet of the PMR]. Op. 1. File 2. Sh. 15.
12. Material I i II sezda deputatov vseh urovnei Pridnestrovia [Articles I and II congresses of deputies of all levels of Pridnestrovie: mass political publication] / Pod red. A. Z. Volkovoi [Ed. A. Z. Volkovoy]. Tiraspol, 2010. P. 59–62.
13. Volkova A. Z. Vremennii Verhovnii Sovet PMSSR (sentyabr-noyabr 1990 g.) [Interim Supreme Council PMSSR (September – November 1990)]. Tiraspol, 2007. P. 7–8.

14. Ibid. P. 21–22.
15. Dnestrovskaja Pravda [Dniester true]. 1990. October 14. p. 1–2.
16. Dnestrovskaja Pravda [Dniester true]. 1990. November 29. p. 2.
17. AOSPRM). F. 51. Op. 73. File 191. Sh. 5.
18. CGA PMR(CSA PMR). F. 1059. Op. 1. File 94. Sh. 14–16.
19. Ibid. Sh. 25–27.
20. Archiv Verhovnogo Soveta PMR [Archives of the Supreme Soviet of the PMR]. Op. 1. File 15. Sh. 113; Dnestrovskaja Pravda [Dniester true]. 1992. January 23. p. 1–2.
21. CGA PMR(CSA PMR). F. 1059. Op. 1. File 84. Sh. 64.
22. CGA PMR(CSA PMR). F. 1059. Op. 1. File 44. Sh. 2, File 45. Sh. 2-3; Trudovoi Tirashjl [Labor Tiraspol]. 1992. November 11–18. p. 2.
23. Archiv Verhovnogo Soveta PMR [Archives of the Supreme Soviet of the PMR]. Op. 1. File 14. Sh. 57–58, 63.
24. Ibid. Sh. 77–81.
25. Ibid. File 5. Sh. 10–12, 23–26; File 14. Sh. 58–59.
26. Ibid. File 16. Sh. 4, 48.
27. CGA PMR(CSA PMR). F. 1059. Op. 1. File 16. Sh. 149, 151.
28. Ibid. Sh. 153.
29. Archiv Verhovnogo Soveta PMR [Archives of the Supreme Soviet of the PMR]. Op. 1. File 29. Sh. 97.
30. Ibid. Sh. 178–180.
31. Ibid. File 28. T. 6. Sh. 120, 122–124.
32. Ibid. File 29. Sh. 200.
33. Ibid. Sh. 186.
34. Ibid. File 28. T. 6. Sh. 120–124.
35. The history of public institutions: the higher and central bodies of power and administration of the Pridnestrovian Moldavian Republic. 1990–2010 years. / The State Service for Document and Records Management PMR. Ans. Ed. Z. G. Todorashko. Tiraspol, 2010. P. 210.

УДК 391(470.342)“17–20 вв.”

И. Ю. Трушкова

Экономика восточно-поморского города Лальска: вопросы этноархеологического изучения

В статье анализируются вещественные комплексы из археологических и этнографических коллекций города (поселка) Лальска и его округа. Данные естественных наук и письменных источников дополняют этноархеологическую картину функционирования производственных технологий и торговли в данной местности. Это делает полнее характеристику системы жизнеобеспечения восточно-поморского населения в XVII–XVIII вв.

The article analyzes the material complexes, their archaeological and ethnographic collections of the city (village) Lalsk and its surroundings. The data of natural science and written sources complement ethnoarcheological picture of the industrial technology's functioning and trade in the area. It makes more fully the characteristics of the life-support system of the East-Pomorje population in XVII–XVIII centuries.

Ключевые слова: этноархеологические исследования, Поморье, гончарное, кузнечное и другие производства, обычная, чернолощенная и поливная керамика, изразцы, кузнечные изделия, промежуточная торговля с Архангельском, Сибирью, Китаем.

Keywords: ethnoarcheological researches, Pomorje, pottery, blacksmithing and other industries, “izrazets”/plains, black-glazed and glazed ceramics, tiles, forging products, interim trade from Archangelsk, Siberia, China.

В современный период актуализируются идеи пограничных исследований, на грани различных наук, среди которых – сотрудничество в исследовательском поле двух «экспедиционных историй» – археологии и этнографии. Для Вятского региона применение этноархеологических методов и подходов представляется особо востребованным, в том числе и благодаря длительному существованию крестьянской эпохи.

У данного сотрудничества наук не только на Вятке, но и в Приуралье в целом традиции оформились еще с конца XIX – начала XX в. при взаимном дополнении источников при реконст-

рукциях прошлого. Тогда стала востребованной этнологическая проблематика в работах прикамских археологов, популярным явилось общекультурно-историческое направление, сложившееся на основе «бытописательской» парадигмы, впитавшей в себя элементы эволюционизма [1]. Важный этап в сотрудничестве археологии и этнографии выделился в середине XX в., он связан с деятельностью Отто Николаевича Бадера и Владимира Федоровича Генинга. Научное подвижничество этих ученых обеспечило старт систематическому археологическому изучению региона, а также дальнейшему развитию местной науки в русле этнологических разработок [2]. На новом витке своего развития этноархеологические изыскания стали привлекать к себе внимание в конце XX – первых десятилетиях XXI вв., когда центры данных исследований сформировались во многих регионах России. Сибирскими коллегами было сформулировано понятие «этнографо-археологический комплекс (ЭАК)» как «многокомпонентный социокультурный комплекс, выделяющийся по данным археологии и этнографии, его основа – археологическая, и в его анализе используются методы и данные этнографии». Утверждалось, что общая предметная область для двух наук включает целенаправленное изучение орудий труда, поселений и жилищ, предметов быта, декоративно-прикладного искусства, погребального обряда и т. д., что значительные результаты могут быть достигнуты в том случае, если эта работа выполняется специалистом с достаточно высоким уровнем знаний и опытом работы как в археологии, так и в этнографии или группой специалистов в данной области [3]. Появились возможности углубления этноархеологических исследований и в Кировской области.

Почти «классическим» примером и источником комплексом для этноархеологических работ представляется Лальск, город в вятско-вологодском пограничье, расцвет которого связывался с XVII–XVIII столетиями. Поэтому здесь «эстафету» изучения археологические материалы передают этнографическим, между ними практически нет хронологического разрыва. Археологические и этнографические исследования в Лальске и его округе подтвердили, что данный населенный пункт и подобные ему объекты целесообразно изучать именно «этноархеологически», где этноархеология применялась бы и как метод, и как содержание. В силу разных причин сохранности исторических сведений подчас только археологической или только этнографической информации уже не хватает, чтобы заполнить пробелы истории региона. Необходимо использовать комплексно и методы интерпретации информации, применяемые и в археологии, и в этнографии; разумеется, при привлечении исторических, письменных источников.

Среди ярких сюжетов этноархеологического изучения Лальска – экономические отношения, включавшие производственные технологии (гончарство, кузнечество, ткачество, некоторые другие производства), а также торговлю. Она была весьма вписанной как в хозяйство, так и в культурный ландшафт, причем не только северо-востока европейской части России, но и Зауралья, Сибири, вплоть до Китая. Основу локальной экономики составляли традиционные производства, использовавшие местное сырье. Этноархеологические реконструкции рисуют такую картину.

В коллекцию керамических предметов входят фрагменты глиняной посуды, фигурного кирпича, изразцов, курительных трубок и т. п. Для «глиняного теста» добывалась особая глина, которую в Вятском регионе называли «красной». Местные глины считались достаточно чистыми. Известно, что недалеко от Лальска, в Усть-Недумской пустыни (монастыря) глины считались «целебными». Горшки еще в конце XIX – начале XX в. изготавливали на гончарном круге, но кое-где сохранялся еще и метод ручного производства [4]. «Этнографическая» расшифровка процесса изготовления дополняется «археологией» визуального описания сосудов и их фрагментов. При этом «классически» выделяются кринки (горшки), корчаги и миски. Приблизительная характеристика венчиков позволяет отнести все найденные образцы к хронологическому периоду от XVII до XIX в. Массовый материал относится к XVIII столетию.

Изготовление чернолощеной керамики, вероятно, позволительно отнести к местному производству. Хотя формы профилей и стиль изготовления отличают эту посуду от местной. Известно, что такая посуда восходит к московской традиции; она могла попасть в Лальск из Великого Устюга, или быть привезена работавшими здесь приезжими мастерами, или изготавливаться здесь же в ограниченных количествах и времени. Процесс изготовления чернолощеной посуды можно характеризовать с использованием данных термохимического анализа. Он показывает, что особых видов сырья для этого не требовалось. Было необходимо только освоить последовательность приемов: загрузка в печь с обжигом березовыми дровами (затверждение глины) – добавление в печь сосновых и других смолянистых дров (копчение) – проникновение сажи вглубь черепка при замазанных глиной дымоходе и печном отверстии [5]. Дорогих и дефицитных материалов (белой глины, порошкового свинца и медной окалины) при изготовлении чернолощеной керамики не использовалось, поэтому она могла быть принадлежностью не только столичного быта, но и таких городов, как Лальск.

Поливная посуда – сравнительно поздняя, ее бытование выявляется с XIX в. Разноцветная глазурь («полива») наносилась определенными способами. Для глазурования часто употреблялся деготь, свинцовый порошок и медная окалина. Известно, что глазурь состоит из стеклообразующих оксидов (SiO_2 , Al_2O_3), являющихся основными компонентами глины, и оксидов металлов (Na, Pb, Cu и др.). Цвет глазури определяется видом глины и применяемых при ее получении оксидов металлов. Простейшая глазурь получается именно при спекании SiO_2 и PbO. Посуду, покрытую сплошной зеленой глазурью, готовили редко; чаще делали только одни зеленые узоры по красной или белой глазури; для этой цели по красной или белой глине на деготь насыпали кисточкой в соответственных местах порошок медной окислы, а затем через сито весь предмет обсыпали еще свинцовым порошком. Вода для производства использовалась чистая, процесс изготовления был ручным [6]. Поскольку производственные реконструкции не выявляют особо сложных компонентов в производстве поливной посуды, то можно предположить, что, если даже она не производилась собственно в Лальске, то ее могли вырабатывать сравнительно недалеко и привозить в этот город. «Местная» керамическая посуда из раскопов находит максимум параллелей в этнографических материалах. Комплексное использование этих двух видов источников позволяет выявить динамику производственных процессов на протяжении более длительного времени и оценить вклад данной хозяйственной деятельности в экономику края.

В собрание предметов из глины включаются керамические грузила округло-биконической формы. Пряслица выполнены из фрагмента керамического черепка округлой формы. К этой группе можно отнести и желоба. Примечательная их округлая форма. По всей видимости, эти предметы производились в Лальской округе и использовались в производственных процессах.

На производстве изразцов следует остановиться отдельно. Разумеется, их производство можно считать искусством, которым могли владеть только высококвалифицированные мастера. Считалось, что наладить такое сложное производство в далеких от центра страны территориях было сложно. «Гончарное дело требовало стационарных установок – горна или печи, каменных жерновов или ступ для помола глазурей и эмалей, закрытого помещения для сушки керамики (сушка таких тонкостенных и большемерных изделий, как изразцы, была делом достаточно кропотливым и трудным, своего рода искусством, все секреты которого не раскрыты и до сих пор). Наличие в различных местах изразцов, выделанных в одних и тех же формах, говорит об определенном центре, где они изготовлялись и откуда распространялись. Это не исключает возможности поездок, например, казенных мастеров Оружейной палаты на то или иное, отдаленное от Москвы, строительство для организации там изразцового производства» [7].

В пользу гипотезы о приглашенных мастерах говорит обнаружение на бывшей Соборной площади Лальска в раскопе III развала печи, в которой, вероятно, обжигались изразцы и кирпичи при строительстве Благовещенского и Воскресенского храмов, а также колокольни. В ее основании (на глубине до 4,00 м) располагалась бревенчатая выкладка с промазкой синей глиной. Сама печь, вероятно, представляла конструкцию из глины и кирпичей с деревянной опалубкой, верхняя часть – полностью из глины [8]. Около данной конструкции было обнаружено значительное количество заготовок изразцов, их фрагментов, а также обломков кирпичей. **Известно, что в 1698 г. Преосвященный Александр, Архиепископ Великоустюжский и Тотемский, выслушал челобитную жителей Лальска и благословил «кирпич делать и всякий к церковному строению припас готовить и церковь во имя Воскресения Христова и Святителя Николая Чудотворца строить»** [9]. В 1711 г. лалечане подали челобитную о строительстве Богоявленской церкви, им разрешили, и «всю кирпичную по постройке этой церкви работу производили крестьяне Солигаличского уезда: кирпич делали Иван Мошнин и Панкрат Лихачев...» [10]. Вероятно, что лальские изразцы изготавливались также приезжими мастерами. Хронология лальских изразцов устанавливается по церквям, со стен которых они происходят; это – период с начала XVIII в. Сравнения с центром страны показывают, что местное производство и начало бытования «опаздывают» минимум на полвека. Изразцовые работы встраиваются в местное керамическое производство специфично: они находятся между локальным производством простой посуды для повседневного использования и привозом из центра страны редких, «парадных» керамических вещей.

В группу привозных вещей керамической коллекции кроме фрагментов гжельской майолики и бутылей от рижского бальзама входят и курительные трубки. Найденные керамические трубки можно по форме отнести к двум видам. Появление их на Руси может быть связано с деятельностью Петра, который наряду с другими западными обычаями – ношением европейского платья и пр. – усиленно прививал и курение табаку, до тех пор запрещавшееся православной религией [11]. Явления цивилизации распространялись из центра на периферию.

Другой вид основной производственной деятельности местного населения – кузнечество, металлообработка. Ее характеризовать можно по видам и формам кузнечной продукции. В «ар-

хеологическую» часть коллекции, прежде всего, входят хозяйственные гвозди ручнойковки. Форма их шляпок варьирует от круга к овалу и подквадратным видам. Стержень гвоздей в сечении представляет вытянутый прямоугольник или квадрат. Встречаются образцы гвоздей как средней величины, так и массивные варианты. У гвоздей широкая дата бытования – от XII до XIX в. [12] Формы гвоздей – с характерными шляпками и ножками – также подтверждают пролонгирование бытования данной группы с «археологических» до «этнографических» времен. Это, вероятно, объясняется воспроизведением местной кузнечной традиции. Границы их распространения определяются лальской округой.

Часть металлических изделий – накладки на двери – выполнены, скорее всего, местными или устюжскими кузнецами. Формы этих накладок достаточно архаичные. Выявляются яркие аналогии среди накладок на дверях бывших купеческих строений, построенных в XVII–XVIII вв., и накладок на дверях крестьянских усадеб XIX–XX вв. Все формы рассматриваемых предметов выявляют более старинные виды, чем на средней Вятке, где по причине строительства на рубеже XIX и XX вв. железной дороги товарные отношения развивались быстрее. Следует отметить, что в окрестностях Лальска до сих пор сохраняется кузница, построенная в рамках традиции. В окружающих Лальск деревнях сохраняется немало кованых вещей – ручки-кольца для дверей, кольца для перевязи лошадей, петли для дверей, гвозди, ножи, скобы и т. д.

В археологической и этнографической коллекциях металлических предметов, прежде всего, выделяются гвозди. Их визуальная характеристика базируется на различиях в размерах стержня и видах шляпок. По размеру все гвозди делятся на большие («костыли строительные?»), средние (строительные и подковные) и мелкие (мебельные? гробовые?) виды. Примечательно, что в некоторых случаях боковое расположение стержня и его подквадратное сечение. Шляпки гвоздей, как правило, закруглены или имеют сглаженное треугольное навершие. Степень сохранности говорит о местном и массовом, а, следовательно, не всегда качественном производстве гвоздей. Судя по формам, обнаруженные гвозди можно сравнить с типичными экземплярами XI–XIV вв. для центра страны [13]. Но эти экземпляры просуществовали на окраинах государства (в частности, в Лальской округе) до XVIII в. и даже позднее. Вероятно, рассматриваемые гвозди изготавливались из обычного кричного железа местными кузнецами. Судя по этнографической информации из округа Лальска (кузница в деревне Заборье) традиции кузнечества воспроизводились здесь и в XX в.

Немногочисленны ножи. В этой группе выделяется крупный хозяйственный нож. Судя по краю лезвия и следам сработанности, он мог использоваться в кухонно-разделочных или ремесленных работах, таких, как обработка дерева или кожи. Особую группу составляют металлические накладки. Это легкие, плоские предметы с фигурным навершием. В одном случае – навершие миндалевидное, с мелким круглым сквозным отверстием. В другом случае навершие – в виде многолепестковой композиции, детали которой воспроизвести затрудняет многочисленная ржавчина. Вероятно, данные предметы использовались в качестве украшений предметов мебели. Довершает это собрание медная заклепка для мебельной полки из яруса XVIII в.

В коллекцию металлических предметов входят и нательные кресты. Они были обнаружены в I ярусе раскопа II и датируются XVIII–XIX вв. Их внешний вид характеризуется плавными формами и стилизованными изображениями. К этой группе тяготеют немногочисленные округлые предметы из меди, вероятно – детали церковных подсвечников. Медные монеты Российского государства относятся к датирующим предметам. Все найденные образцы были отчеканены в XVIII в. и вместе с информацией о пожарах определяют все последующие слои после I яруса как культурные напластования 1720–1780-х гг.

Металлографический анализ некоторых вещей позволяет выявить основные технологические схемы, применявшиеся при изготовлении предметов, определить уровень развития металлургии и металлообработки. Определение химического состава исторических образцов, изучение микроструктуры сплавов, поиск возможных дефектов (трещин, пузырей, раковин, шлаковых включений и других несплошностей), определение технологических методов и приемов изготовления данных изделий характеризует производственные приемы в кузнечестве. Химический анализ показал, что, к примеру, гвозди, скоба и нож из раскопа III изготовлены из углеродистой стали без легирующих добавок. Содержание серы в металле невысокое, соответствует качественным сталям по современной маркировке. Это свидетельствует о применении древесного угля при изготовлении данных изделий. Они более «чистые» по вредным примесям, чем современная качественная сталь. Металлографическим анализом выявлены технологические схемы изготовления кузнечных изделий: свободнаяковка и трехслойный пакет.

По схеме трехслойного пакета без дополнительной термообработки было изготовлено лезвие ножа – складывали вместе три полосы: две стальные снаружи и одну из мягкого железа – в

середине. Полосы соединяли путем кузнечной сварки. Сварные швы не прослеживаются. Использована неравномерно науглероженная сталь с содержанием углерода около 0,4%. Гвозди откованы предположительно ремесленником-гвоздарем из кричного железа. Структура металла – железные зерна вместе со шлаковыми включениями. Наиболее тщательно сделан тот гвоздь, металл которого хорошо прокован, более свободен от шлаковых включений. Ковка закончилась при высоких температурах. Для скобы характерно использование простейших схем изготовления кузнечных изделий – свободная ковка. Структура металла неоднородна. Скоба откована из малоуглеродистой сырцово-стали. Исходное сырье сильно загрязнено шлаковыми включениями. Во всех случаях качество ковочных работ удовлетворительное. Общим для поковок является характер исходного сырья, сильно загрязненного шлаковыми включениями, отсутствие термической обработки, в частности закалки в жестком охладителе и цементации.

Так, при получении металла и при изготовлении деталей применялась ремесленная технология обработки материалов – составы неустойчивы по химическому составу и структуре. Среднее суммарное содержание примесей означает достаточно хороший уровень чистоты (на уровне современных технических сплавов). Неоднородность составов и структуры выражена в значительной степени. Хотя историческая форма обращения с материалом в петровские времена – рецептурность, но изученные образцы из раскопок Лальска свидетельствуют о высоком эмпирическом уровне физико-химических знаний мастеров и умений в обращении с металлами и сплавами, о высоком профессиональном уровне кузнецов, владеющих передовыми приемами в кузнечном производстве [14]. Обращает на себя внимание факт обнаружения в Лальске привозных металлических предметов, выполненных в технике неместных производств, в том числе и технике дамасской (?) стали.

Известно, что в восточном Поморье крупными центрами производства железа и железных изделий были Устюг Великий с его уездом, Соль Вычегодская и Тотьма. На левом берегу Двины в Белослудском стане Устюжского уезда были месторождения болотной железной руды, из которых плавилось железо в устроенных на месте горнах. ...В 1633/34 гг. на устюжский рынок поступило 2602 пудов 6 фунтов кричного железа и 578 сох, а в 1634/35 гг. – 2188 пудов 30 фунтов кричного железа и 458 сох. В Соль Вычегодскую в 1638 г. было доставлено 558 пудов кричного железа и 334 сохи, а в 1639 г. – 843 пуда кричного железа и 955 сох. ...Кричное железо проходило дальнейшую обработку в посадских кузницах, которых по писцовым книгам 20-х гг. XVII в. было в Устюге Великом – 47, Соли Вычегодской – 21, Тотьме – 10. Посадские кузнецы работали и на заказ, и на рынок [15]. Так, Лальск вполне мог быть включен в эту региональную схему производства железа согласно стадиям его обработки.

Также в Лальске в раскопах были обнаружены медные и бронзовые предметы. Определение химического состава исторических образцов из меди, изучение микроструктуры сплавов, поиск возможных дефектов, определение технологических приемов изготовления данных изделий возможны при визуальном осмотре, в том числе и с использованием подсветки и лупы с увеличением в пять-семь раз. Важные данные дал химический анализ на атомно-абсорбционном спектрофотометре «Аналюст-300» фирмы «Перкин-Эльмер». Микроструктурный анализ медных и бронзовых изделий можно изучать на поперечных шлифах, вырезанных из образцов. После полировки для медных образцов было проведено химическое травление в 5%-м растворе $FeCl_3$ в соляной кислоте в течение нескольких секунд, микроструктура исследована на оптическом микроскопе «Неофот-2». Твердость данных сплавов определялась на твердомере типа «Виккерс» на шлифах, а микротвердость – на приборе ПМТ-3. Для анализа были выбраны три предмета – пластина, крючок и ручка.

Поверхность фрагментов, изготовленных из меди, за длительное время нахождения в земле покрыта сравнительно небольшим слоем продуктов коррозии. Так, например, пластина и ручка из раскопа III изготовлены из металла красноватого цвета – меди, покрыты зеленоватой патиной. Замечено низкое содержание висмута и свинца в сплаве, из которого сделан крючок (Bi – 0,001%; Pb – 0,0017%) и 4 (Bi – 0,0025%; Pb – 0,0038%). К примеру, в современной марке М0, применяемой для проводников тока и сплавов высокой чистоты, содержание Bi – 0,002%; Pb – 0,005%. Наиболее вредными примесями в меди и ее сплавах являются висмут и свинец. Висмут и свинец уже при ничтожных содержаниях (тысячные и сотые доли процента) резко снижают механические свойства меди при повышенных температурах. Висмут вследствие его хрупкости способствует также понижению пластичности и в холодном состоянии. Сера образует в меди хрупкие соединения. В пластине и крючке ее находится ничтожно мало (в современных «чистых» марках допускается содержание серы до 0,005%). В сплавах, из которых изготовлены археологические находки того времени, много вредных примесей.

Входящая в коллекцию медных изделий ручка представляет собой кусок металла с оливковой патиной, снаружи это – сплюснутая трубка из намотанной фольги толщиной 0,3–0,5 мм.

Внутри трубки находился песок. В связи с тем что фольга тонкая и мало количество материала, выделенного на исследование, не удалось изготовить микрошлиф. Происхождение трубки не понятно. По химическому составу – это медь. Но в составе имеется значительное содержание цинка и свинца, но это и не латунь, так как мало содержание легирующих элементов. Нет соответствия современным маркам. Методы получения этой трубки, ее назначение и происхождение сплава представляют интерес и предполагают дальнейшие исследования.

Исследуемая пластина имеет полиэдрическую структуру деформированной и отожженной меди. При деформировании меди наблюдается раздробление отдельных зерен и создается определенная их ориентация. Произошла неполная рекристаллизация, видны участки деформированной структуры. Предположительно, температура нагрева была 270–300°C. Металл упрочнен – твердость 600 МПа (отожженная медь имеет твердость 40–50 HV, т. е. 400–500 МПа). Такую структуру имеет медь, прошедшая горячую деформацию, если в процессе ее успела пройти рекристаллизация. При рекристаллизации образовались двойники. Металл имеет полиэдрическую структуру с большим количеством двойниковых прослоек, дающих в плоскости шлифа ряд параллельных полосок внутри зерен. В левой части шлифа видны включения – продукты коррозии. При холодной ковке медь не только принимает нужную форму, но и становится тверже и прочнее. Упрочненный холодной ковкой металл можно сделать мягким, если нагреть его на огне. Использование обоих процессов: холодного упрочнения и рекристаллизационного отжига – свидетельствует о том, что мастерам были известны основные свойства металлов. Итак, техника обработки меди и ее сплавов достигла удивительно высокого для того времени уровня. Изученные образцы свидетельствуют о высоком эмпирическом уровне физико-химических знаний мастеров и умений в обращении с металлами.

Хотя в Лальске ни археологическими, ни этнографическими, ни какими-либо другими методами не выявлено изготовление серебряных вещей, но этот город мог быть втянут в устюжский регион серебряников. «Кроме Москвы были и другие центры серебряного производства – Устюг Великий, Нижний Новгород, Новгород Великий и др. О вызове в Москву серебряников этих городов уже упоминалось. В Устюге Великом по писцовой книге 1623–1626 гг. числилось 16 серебряников, а среди торговых рядов был особый Серебряный ряд с десятью лавками [16].

Реконструировать технологии ткачества помогают находки пряслиц в раскопах и этнографические материалы. Процесс производства тканей ярко и детально проанализирован на этнографических источниках, его характеристика заслуживает отдельного исследования. Ткачество и набойка в лальской округе накопили значительные традиции. Достаточно длительно воспроизводились и сохраняли в вологодско-вятском пограничье набоечные узоры. Здесь они отличаются некоторым своеобразием по сравнению, прежде всего, со средневятскими образцами. Примечателен фон лальской набойки. Он, как правило, более темный, чем на Средней Вятке. В некоторых случаях отмечается даже темно-синий фон с черноватым отливом. Интересен факт существования в округе Лальска набоечных тканей с темно-зеленым фоном. Здесь, как в северном вятском пограничье вообще, фиксируются менее стилизованные, расширенные цветочные композиции. В них угадываются виды растений – гроздь рябины, северные цветы и т. д. Некоторые сходные сюжеты фиксировались и в территориях жительствовавших коми. Исследователи отмечают серию названий у таких узоров: «сорочья лапка», «зерно», «узор хмеля» и т. д. [17] Явление детализации узоров у русских и коми в конце XIX – начале XX в. на севере можно рассматривать не только как элементы взаимопроникновения культур, но и как более длительное сохранение культурных традиций в северных регионах вообще.

В группу других производств Лальска входили обработка дерева, камня и кости. Каменные предметы из коллекции – это кресала, грузило для крупной рыболовной сети, точильный камень. Данные предметы иллюстрируют соответствующие виды хозяйственной деятельности. Собрание костяных предметов состоит из производственных заготовок, ручек и игровой кости. Производственная заготовка представляет собой заостренную трубчатую кость с небольшими насечками. Вероятно, этот предмет использовался при плетении предметов хозяйства – сетей, корзин, плетеной обуви и т. д. Костяные ручки, по всей видимости – от столовых приборов: ложки или вилки. Одна – овальная в сечении. Другая ручка – плоская, вид спереди обнаруживает скругленность углов. Судя по длине, приборы не были большими и могли быть походными. Известно, что лальские купцы ходили с торговыми караванами в Китай [18]. Поэтому в быту этих торговцев могли быть и привезенные с Востока импортные вещи.

Производства в Лальске и его округе выявляют среди прочих такую закономерность: в них фиксируется три уровня расширения масштаба технологий – местное (1), в рамках взаимодействия с Устюгом и Сольвычегодском (2), а также в контексте российских и зарубежных торговых связей (3).

Торговлю, своеобразную «логистику» вещей, можно причислить к производственным технологиям. Культурный ландшафт Лальска способствовал этому. «Торговое значение погост приобрел не позднее середины XVI в., когда связь с пермскими городами под влиянием открытия сношений с Западной Европой через Архангельск и вторжения в Сибирь стали интенсивнее. Дело в том, что Лальск являлся местом скрещения важных торговых путей. Р. Луза связывала области западного и среднего Поморья с Вятской землей и Пермским краем. Через Лальск проходила зимняя дорога из Устюга в уральские города и Сибирь. С другой стороны, крестьяне южных волостей Сольвычегодского уезда и торговые люди Вятской земли попадали к Соли Вычегодской и далее по Сыsole также через Лальский посад» [19]. По сути, этноархеологическим подтверждением этому могут считаться все привозные предметы из археологических и этнографических коллекций.

«Земский товар» шел из волостей не только в купеческие руки с целью перепродажи. Как бы ни был мал лальский посад, все же жившие в нем ремесленники нуждались в сырье для переработки. В числе 63 обитателей Лальска были портные мастера, крашенинники, иконники, кузнецы. Крашенинники закупают холст для окраски по деревням: в октябре 1659 г. лалютин Семен Трофимов Власов купил в волостях «для своего красильного промыслу холсту и хрящу(?) глатково на 20 руб. явив купленный товар на лальской таможне» [20].

Письменные источники дополняют картину местной торговли. Известно, что участие Лальска в сибирских экспедициях поморского купечества было довольно значительным, хотя собственно мехового торгова в Лальске в первой половине XVII в. не было. Путешествия в Сибирь были для лалютей не более исключительным занятием, чем пермские или сыsoleские поездки. Уехав в один из зимних месяцев, лальский торговый человек, если он не был промышленником, а лишь скупал мех, возвращался через год, проведя лето в Сибири. Участие в соболинном промысле требовало, по крайней мере, еще одной зимы – надобно было углубиться в соболиные места, и ранее чем через два-три года возвращение было невозможно. Для некоторых лальских торговых людей сибирские поездки были одним из обычных способов денежного накопления и расширения сферы торговых операций. Но не родной Лальск они избирали местом сбыта мехов [21]. Транзит вносил существенный вклад в местную этноэкономику. Находки монет в раскопах подтверждают это.

Географическое положение Лальска, специфика его истории, архитектура его церквей подтверждают эффективность его экономики в XVII–XVIII вв. Востребованными и лаконично продуманными были керамическое производство, строительство, кузнечество, ткачество, рыболовство, добыча «мягкой рухляди» в Сибири. Они включались в торговый оборот как собственно восточного Поморья, так и всего Русского Севера, Сибири, вплоть до Китая. Модель этноэкономики в Лальске базировалась на продуманных единичных, дневных, сезонных и многолетних алгоритмах.

Таким образом, при совместном археологическом и этнографическом изучении с использованием методов естественных наук и письменных источников в местной истории производственных технологий выявляются важные нюансы этих технологий, включавшие сведения о ресурсах, об исключении рисков, а также максимально полная картина жизнеобеспечения населения Лальска и его округи.

Примечания

1. *Оконникова Т. И.* Формирование научных традиций в археологии Прикамья. Ижевск: Изд. дом «Удмурт. ун-т», 2002. С. 65, 71.

2. Там же. С. 126.

3. *Томилов Н. А.* Этноархеология и этнографо-археологический комплекс // Этноархеологические комплексы. Проблемы культуры и социума. Т. 1. Культура тарских татар. Новосибирск: «Наука» Сибир. отделение РАН, 1996. С. 16.

4. ВЭАА. Ф. 1. Оп. 2, Д. 26. Лузский р-н. Л. 3–4.

5. *Лихачев В. А., Трушкова И. Ю.* Особенности химико-технологического процесса получения чернolощеной керамики (по материалам археологических экспедиций ВятГУ в пос. Лальск Лузского района Кировской области) // Всероссийская ежегодная научно-техническая конференция «Наука – производство – технологии – экология»: сб. материалов. Т. 6. Киров: Изд-во ВятГУ, 2008. С. 118–119.

6. Там же. С. 119.

7. *Воронов Н. В., Сахарова И. Г.* О датировке и распространении некоторых видов московских изразцов // Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. 3 / под ред. Н. Н. Воронина. М., 1955. С. 113.

8. *Трушкова И. Ю.* Отчет о раскопках в исторической части поселка Лальск Лузского района Кировской области в 2005 году. Киров, 2006. С. 14–17.

9. *Пономарев И.* Сборник материалов для истории города Лальска Вологодской губернии. Том первый с 1570 по 1800 год. Великий Устюг: Типография-скоропечатня П. Н. Лагирева, 1897. С. 92.

10. Там же. С. 114–115.

11. *Рабинович М. Г.* Гончарная слобода в Москве XVI–XVIII вв. (по археологическим данным) // Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. 1 / под ред. А. В. Арциховского. М.; Л., 1947. С. 73.

12. Древняя Русь. Город. Замок. Село. М.: Наука, 1985. С. 254.
13. Там же. С. 254.
14. Трушкова И. Ю., Лисовская О. Б., Мороз И. М., Пасынкова Ю. В. О результатах металлографического исследования металлических образцов Петровской эпохи // Всероссийская научно-техническая конференция «Наука–производство – технологии – экология: в 7 т. Т. 6. (ГФ): сб. материалов / отв. ред. В. С. Кожин. Киров: ПОЛЕКС, 2008. С. 115–117.
15. Устюгов Н. В. Ремесло и мелкое товарное производство в Русском государстве XVII в. // Исторические записки. М., 1959. № 34. С. 177.
16. Там же. С. 180.
17. Грибова Л. С. Декоративно-прикладное искусство народов коми. М., 1980. С. 114.
18. Пономарев И. Указ. соч. С. 101, 102.
19. Макаров И. С. Волостные торжки в Сольвычегодском уезде в первой половине XVII в. // Исторические записки. Т. 1. М., 1937. С. 201.
20. Там же. С. 205.
21. Там же. С. 209–210.

Notes

1. Okonnikova T. I. Formirovanie nauchnyh tradicij v arheologii Prikam'ya [Formation of scientific traditions in archaeology of Kama region]. Izhevsk. Publ. House "Udmurt University". 2002. Pp. 65, 71.
2. Ibid. P. 126.
3. Tomilov N. A. Ehtnoarheologiya i ehtnografo-arheologicheskij kompleks [Ethnoarcheology and the ethnographical and archaeological complex] // Ehtnoarheologicheskie komplekсы. Problemy kul'tury i sociuma. T. 1. Kul'tura tarskih tatar. – Ethnoarcheological complexes. Problems of culture and society. Vol. 1. The culture of Tarsky Tatars. Novosibirsk. "Science" Siberia branch of the Russian Academy of Sciences. 1996. P. 16.
4. Vyatka Ethnographical and Archaeological Archive. F. 1. Sh. 2, File 26. Luza district. Sh. 3–4.
5. Likhachev V. A., Trushkova I. Y. Osobennosti himiko-tekhnologicheskogo processa polucheniya chernoloshchenoj keramiki (po materialam arheologicheskikh ehkspeditsij VyatGU v pos. Lal'sk Luzskogo rajona Kirovskoj oblasti) [Features of chemical-technological process of producing of black-glazed ceramics (on the materials of archaeological expeditions of VyatSU in the settlement Lalsk of Luza district of Kirov region)] // Vserossijskaya ezhegodnaya nauchno-tekhnicheskaya konferenciya «Наука – производство – технологии – ehkologiya»: sb. materialov – All-Russian annual scientific and technical conference "Science – production – technology – environment": collection of materials. Vol. 6. Kirov. Publishing house of the Vyatka State University. 2008. Pp. 118–119.
6. Ibid. P. 119.
7. Voronov N. V., Sakharova I. G. O datirovke i rasprostraneniі nekotoryh vidov moskovskih izrazcov [About the dating and distribution of some species of Moscow tiles] // Materialy i issledovaniya po arheologii Moskvy – Materials and researches on archeology of Moscow. Vol. 3 / edited by N. N. Voronin. M. 1955. P. 113.
8. Trushkova I.Yu. Otchet o raskopkah v istoricheskoy chasti poselka Lal'sk Luzskogo rajona Kirovskoj oblasti v 2005 godu [Report on excavations in the historic part of the village Lalsk of Luzago district of the Kirov region in 2005]. Kirov. 2006. Pp.14–17.
9. Ponomarev I. Sbornik materialov dlya istorii goroda Lal'ska Vologodskoj gubernii. Tom pervyj s 1570 po 1800 god [Collection of materials for the history of the city Lalsk of the Vologda province. The first volume from 1570 to 1800]. Veliky Ustyug. Typography-fast press of P. N. Lagirev. 1897. P. 92.
10. Ibid. Pp. 114–115.
11. Rabinovich M. G. Goncharnaya sloboda v Moskve XVI–XVIII vv. (po arheologicheskim dannym) [Pottery Sloboda in Moscow in the XVI–XVIII centuries (according to archaeological data)] // Materialy i issledovaniya po arheologii Moskvy – Materials and researches on archeology of Moscow. Vol. 1 / under the editorship of A. V. Artikhovskiy. M.; Leningrad. 1947. P. 73.
12. Drevnyaya Rus'. Gorod. Zamok. Selo – Ancient Russia. City. Castle. Village. M. Nauka. 1985. P. 254.
13. Ibid. P. 254.
14. Trushkova I. Yu., Lisovskaya O. B., Moroz I. M., Yu. V. Pasinkova O rezul'tatah metallograficheskogo issledovaniya metallicheskih obrazcov Petrovskoj ehphoi [About the results of metallographic investigation of metal samples of the Peter era] // Vserossijskaya nauchno-tekhnicheskaya konferenciya «Наука–производство – технологии – ehkologiya: v 7 t. Т. 6. (ГФ): sb. materialov – All-Russian scientific-technical conference "Science–production – technology – environment: in 7 vol. Vol. 6. (ГФ): coll. materials / resp. ed. V. S. Kozhin. Kirov. POLEX. 2008. Pp. 115–117.
15. Ustyugov N. B. Remeslo i melkoe tovarnoe proizvodstvo v Russkom gosudarstve XVII v. [Craft and small commodity production in the Russian state in XVII century] // Istoricheskie zapiski – Historical notes. M. 1959, No. 34, p. 177.
16. Ibid. P. 180.
17. Gribova L. S. Dekоративно-прикладное искусство народов коми [Decorative and applied art of the peoples of Komi]. M. 1980. P. 114.
18. Ponomarev I. Op. cit. Pp. 101, 102.
19. Makarov I. S. Volostnye torzhki v Sol'vychegodskom uезде v pervoj polovine XVII v. [Parish markets in Solvychegodsk county in the first half of XVII century] // Istoricheskie zapiski – Historical notes. Vol. 1. M. 1937. P. 201.
20. Ibid. P. 205.
21. Ibid. Pp. 209–210.

Проблема «восточного исключения» в иммиграционной политике США во второй половине XIX – начале XX в.

В статье рассматриваются проблемы китайской иммиграции на территорию США на рубеже XIX–XX вв., в частности исследуется динамика изменения общественного мнения американцев в отношении приезжающих из Азии. Исследуются и анализируются источники распространения и усиления негативных представлений о китайцах у коренных жителей Соединенных Штатов. В работе исследуется связь представлений американцев об иммигрантах с законодательной деятельностью США на материалах документов Конгресса.

The aim of the article is to consider problems of Chinese immigration to the USA at the turn of the 19th – 20th centuries. In particular, the dynamics of public opinion of Americans towards the immigrants from Asia is explored. The study contains the results of the investigations made within the topic that includes the aspects which made negative images of Chinese immigrants spread and grow. The paper was written on the basis of the documents of United States Congress.

Ключевые слова: «Восточное исключение», китайская иммиграция в США, Конгресс, ограничительная иммиграционная политика.

Keywords: "Oriental exclusion", Chinese immigration to the USA, Congress, restriction immigration policy.

Рубеж XIX–XX вв. стал поворотным этапом в истории азиатской иммиграции в США. Более пятидесяти лет экономического и культурного сотрудничества Америки с Японией и Китаем закономерно привели американцев к осознанию необходимости регулирования растущего потока иностранцев с Востока, прибывающих в США. Так, в 1909 г. сенатор от штата Южная Каролина Ф. Б. Гэри в своем обращении к президенту отмечал: «Мы долго гордились тем, что Америка предлагает убежище для угнетенных всех наций... Мистер президент, пришло время предать этот сентимент забвению и дать место новому, более практичному отношению» [1].

Кроме того, научный интерес к обозначенному вопросу обнаруживают конференции Института Тихоокеанских отношений, проходившие в 1925 и 1927 гг. Опубликованные материалы, в частности работа профессора социологии Р. Д. Маккензи [2], свидетельствуют о желании проследить истоки «Движения за исключение» (сознательное недопущение отдельных групп лиц до обладания гражданскими правами в США), а также оценить причины и последствия введения иммиграционного акта 1924 г., запретившего въезд в страну китайцам и японцам.

Началом истории китайской иммиграции в Соединенные Штаты можно считать 1853 г. Несмотря на то что первые случайные контакты между двумя странами происходили еще в 1780-х гг. [3], документом, ознаменовавшим установление американо-китайских отношений на официальном уровне, стал неравноправный Вансяский договор 1844 г. Он имел целью навязать Китаю псевдовзаимовыгодное сотрудничество в экономической сфере под эгидой «вечного, всеобщего мира и искреннего, сердечного согласия» [4].

Первоначально китайских иммигрантов привлекла так называемая «золотая лихорадка» в Калифорнии [5]. После окончания гражданской войны в Соединенных Штатах и в связи с необходимостью завершения строительства первой трансконтинентальной железной дороги Центральной тихоокеанской компании американский рынок труда нуждался в большом количестве рабочих, недостаток которых создал благоприятные условия для иностранной иммиграции. Наличие прочной законодательной базы, заложенной договором 1844 г., и заинтересованность американских работодателей в дешевой рабочей силе стали весомыми предпосылками для подписания действительно взаимовыгодного Берлингемского договора в 1868 г. Пятая статья данного документа фактически открыла США для китайских подданных, гарантируя «взаимные привилегии свободной миграции и эмиграции» [6]. Обзор статистики по материалам американских переписей населения с 1860 по 1890 г. указывает на тенденцию перманентного роста числа китайских иммигрантов с 34,9 тыс. до 107,5 тыс. человек соответственно [7].

Через несколько лет после подписания Берлингемского договора конгресс США принял серию актов об издании книг справочного характера для иммигрантов, приезжавших либо планировавших переселение в страну. Эти руководства содержали подробную информацию о госу-

дарственном устройстве, штатах, законах, климате, географии и животном мире Америки; были снабжены подробными указаниями, предостережениями и советами по поводу того, как обустроиться в США и начать делать свои «первые шаги». Издание «Справочника для иммигрантов в Соединенных Штатах» 1871 г. [8] содержало подробные карты местности, а в техасском «Альманахе и руководстве для иммигрантов» 1880 г. [9] имелись черно-белые иллюстрации к реалиям американской жизни. Подобные справочные издания преследовали несколько основных целей: привлечение в страну столь необходимой дешевой рабочей силы, информирование приезжих иностранцев для предотвращения конфликтов с местным населением и властями на почве недопонимания или некорректной интерпретации законов. Не менее значимой была «пропедевтическая» функция описанных руководств, призванных снабдить читателей пищей для размышления о том, стоит ли в действительности иммигрировать. Таким способом правительство США пыталось решить две проблемы: ограничить нецелесообразную с практической точки зрения иммиграцию неимущих и асоциальных элементов из Китая и мотивировать к иммиграции в США способных к продуктивной трудовой деятельности китайских рабочих.

Желающие иммигрировать пользовались услугами крупных транспортных компаний, получавших солидные прибыли от перевозок между Китаем и США [10]. Их представители пытались искусственно раздуть интерес к Америке у подданных Поднебесной империи для увеличения доходов [11].

В совокупности с другими экономическими факторами вышеописанные условия привели к скорому заполнению и перенасыщению рынка труда, что незамедлительно сказалось на благосостоянии коренных граждан и на долгие годы изменило отношение к китайской диаспоре в американском сознании. Ситуацию усугубило завершение строительства железной дороги Центральной тихоокеанской компании в конце 1869 г. Высвободившиеся китайские рабочие устремились в иные трудовые области, исконно принадлежавшие бедным слоям в США, не пожелав вернуться на родину. Как только деятельность иностранцев восточного происхождения поставила под угрозу социальное благополучие коренных граждан, в обществе США стал назревать конфликт, перешедший из локального на местах (погромы китайских кварталов) на общенациональный уровень. Перед американцами встала проблема «восточного исключения», иными словами, планомерного ограничения прав азиатских иммигрантов на территории США с целью их вытеснения из состава американского общества.

Первым законодательным подтверждением изменившихся представлений об азиатских иммигрантах как угрозе успешного развития Америки стал так называемый «Закон Пейджа» от 3 марта 1875 г., запретивший въезд китайских женщин в США с целью заработка посредством проституции и рабочих из Поднебесной империи, отказывавшихся трудиться на предложенных им предприятиях [12]. Упомянутый закон стал началом серии актов, обнаруживающих тенденцию к усилению ограничительных мер в отношении растущего потока иммигрантов из стран Азии в Соединенные Штаты. Уже в 1876 г. по решению Конгресса была создана Объединенная специальная комиссия по исследованию китайской иммиграции. Результатом ее деятельности стала рекомендация к созданию законодательной базы, направленной на снижение влияния азиатов на страну, и временное прекращение иммиграции из восточных стран как таковой [13].

Фактически, Акт об ограничении иммиграции китайцев 1882 г., которому предшествовал договор 1880 г., претворил в жизнь вышеописанные предложения. Последний запрещал въезд на территорию Соединенных Штатов новым иммигрантам из Китая с целью устройства на работу, однако оставлял это право приезжающим оттуда студентам, учителям, путешественникам и предпринимателям вместе с их служащими [14]. Продолжение нелегальной и полулегальной китайской иммиграции привело к принятию более жесткого закона 1882 г., ставшего первым национальным актом, ограничившим иммиграцию свободных иностранных граждан в истории Соединенных Штатов. Документ запрещал въезд трудоспособных китайцев в Америку на период десяти лет, устанавливал строгую процедуру проверки для этих иммигрантов и на официальном уровне закрепил отсутствие у них права претендовать на паспорт гражданина США [15]. Результатом принятых мер стало значительное снижение (более 1,5 раза) притока китайских подданных в Америку [16], что позволяет сделать вывод о высокой эффективности ограничительных иммиграционных актов.

С другой стороны, запретительный закон 1882 г. практически не повлиял на успешную сформироваться в США крупную китайскую диаспору, которая тревожила умы многих американских граждан. Анализ изданной документации Конгресса позволяет выделить несколько причин резко негативного отношения американцев к китайскому элементу в США. Первым «неприятным» моментом была численность выходцев из Поднебесной. По данным отчета Сената № 776 за 1902 г., в Сан-Франциско было зафиксировано количество китайских рабочих, равное суммарному числу взрослых мужчин других рас и национальностей, включая коренных жителей того же гендера [17].

Кроме того, бывшие подданные Поднебесной в большинстве своем не владели английским языком и не понимали его [18]. В среднестатистической семье китайских иммигрантов редко можно было обнаружить более одного человека, освоившего лексико-грамматический минимум, необходимый для общения с населением принимающей страны. В дополнение ко всему, азиатская дешевая рабочая сила продолжала занимать крупный сектор рынка труда США. Интересные данные об основных сферах деятельности китайских иммигрантов содержатся в исследованиях комиссара Бюро трудовой статистики Дж. С. Иноса. Он приводит сведения о том, что наибольшему влиянию подверглись обувная, сигарная, строительная, сельскохозяйственная, тяжелая индустрии и сфера обслуживания [19]. Китайцы устраивались прислужкой, поварами, работниками прачечных, фермерами, каменщиками, шахтерами, обувщиками, изготавливали сигары и украшения, вытесняя коренных американцев из соответствующих сфер. Известны даже случаи китайских забастовок, вызванные нежеланием работать рука об руку с «белыми» [20]. По данным Фермерского образовательного кооперативного союза Америки [21], азиатские иммигранты, трудившиеся в сельском хозяйстве, оказывали негативное влияние на упомянутую сферу, халатно относились к работе, осверняя благодатную почву США, а их готовность выполнять обязанности за низкую плату лишала многих молодых американцев права на честную конкуренцию [22].

Справедливое волнение вызывала и проблема охраны здоровья граждан США. Азиатские иммигранты служили переносчиками оспы, чумы и других серьезных заболеваний [23]. Исследование, проведенное доктором Дж. С. Шорбом, также показало прямую связь роста заболеваемости венерическими недугами среди молодых мужчин с деятельностью китайских женщин легкого поведения [24]. Американские врачи констатировали низкий уровень соблюдения гигиены в диаспорах выходцев из Поднебесной, высокую степень запыленности, загрязненности и перенаселенности в помещениях, где последние проживали [25]. Кроме того, указывалось, что каждый день в больницы Нью-Йорка поступает как минимум один китайский иммигрант с признаками душевного расстройства [26]. Вследствие вышеперечисленного довольно закономерно выглядит заявление сенатора Ф. Б. Гэри о том, что в США иммигрировали «худшие» из азиатов, из-за чего Америка превратилась в «свалку для нежелательных элементов из других стран» [27].

Одной из важнейших причин резко негативного отношения коренных «янки» к приезжим из Поднебесной были криминальные наклонности последних. У американцев сложилось стойкое представление о том, что значительная часть азиатских иммигрантов является представителями мафии либо преступниками, желающими нажиться на труде других. Заявление судьи Д. Людербека содержит характеристику китайцев как «аморальных, подлых, лживых, нечестных, вороватых людей» [28]. Кроме того, в разделе «Есть ли у азиатов мораль?» из документа Сената № 137 за 1902 г. подробно описываются еще две «беды», привнесенные в Америку китайцами: распространение опиума и дешевая проституция [29].

Чуждая христианскому сознанию религия Поднебесной встает в один ряд с вышеизложенными аспектами, что убедительно иллюстрируют слова американского госсекретаря Дж. Блэйна: «Я против того, чтобы китайцы приезжали сюда... Сегодня нужно решить, будет ли на тихоокеанском побережье цивилизация Христа или цивилизация Конфуция» [30]. Близко к религиозной стояла и проблема «смещенных» ценностей у восточных иммигрантов. По мнению американцев, китайцы являлись в высшей степени аморальной нацией, отвергающей «нормальные» семейные отношения, «великую» ценность свободы, верховенства закона, общечеловеческие принципы гуманности, являющиеся основополагающими для благосостояния любой нации. Незнание обычаев и законов США делало их нежелательным элементом, враждебным американскому обществу.

Таким образом, отношение американских граждан к китайским иммигрантам претерпело полярное изменение за сравнительно короткий период от нейтрально-положительного в 1850–1860-х гг. к резко негативному в начале XX в. Постепенные изменения общественного сознания США фиксировались Конгрессом на законодательном уровне. На государственном уровне за иммигрантами из Китая был закреплен статус «нежелательных» лиц, они лишались права стать гражданами США вследствие признания чрезвычайной серьезности различий восточной конфуцианской и западной христианской ментальностей, повлекших за собой декларирование утверждения о неассимилируемости упомянутых элементов. Жесткие ограничительные меры в отношении азиатской иммиграции были призваны защитить гомогенность американской нации и обеспечить сохранение ее специфической национальной идентичности.

Примечания/Notes

1. McKenzie R. D. *Oriental Exclusion*. N. Y.: American Group of Pacific Relations, 1927. P. 18.
2. Ibid.
3. Daniels R. *American Immigration: a student companion*. N. Y.: Oxford University Press, 2001. P. 69.

4. Treaty of Peace, Amity, and Commerce, Between the United States of America and the Chinese Empire 1844. Harvard University Library, 1952. P. 3.
5. *McKenzie R. D.* Op. cit. P. 25.
6. Handbook for Immigrants to the United States Prepared by the American Social Science Association. With maps. N. Y.: Hurd and Houghton, 1871. P. 6.
7. *McKenzie R. D.* Op. cit. P. 183.
8. Handbook for Immigrants to the United States Prepared by the American Social Science Association. With maps. New York: Hurd and Houghton, 1871.
9. The People's Illustrated Almanac, Texas Hand-book and Immigrants' Guide. St. Louis: N. D. Thompson & Co., Publishers, 1880.
10. *McKenzie R. D.* Oriental Exclusion. New York: American Group of Pacific Relations, 1927. P. 26.
11. Speech of Hon. Frank B. Gary of South Carolina in the Senate of the United States // The Immigration Commission and the Immigration Problem. Washington, 1909. P. 9.
12. An Act Supplementary to the Acts in Relation to immigration // Forty-third Congress. Sess. II. Ch. 141, 1875. P. 477-478.
13. Chinese Immigration. The Social, Moral, and Political Effect of Chinese Immigration. Testimony Taken Before A Committee of the Senate of the State of California // Sacramento: State Printing Office, 1876. P. 166.
14. Treaty Regulating Immigration from China 1880. Malloy, ed. Treaties, Conventions, etc., 1910. Vol. 1. P. 237.
15. Chinese Exclusion Act 1882 // U. S. Statutes at Large. 1882. Vol. 22. P. 58.
16. *McKenzie R. D.* Op. cit. P. 183.
17. Gompers S., Gutstadt H. Meat vs. Rice: American Manhood against Asiatic Coolieism. San Francisco: Asiatic Exclusion League, 1908. P. 24.
18. Ibid. P. 4-5.
19. Ibid. P. 11-12.
20. Ibid. P. 13.
21. Speech of Hon. Frank B. Gary of South Carolina in the Senate of the United States // The Immigration Commission and the Immigration Problem. Washington, 1909. P. 8.
22. *Gompers S., Gutstadt H.* Meat vs. Rice: American Manhood against Asiatic Coolieism. San Francisco: Asiatic Exclusion League, 1908. P. 22.
23. *Rosenau M. J.* Disinfection of baggage of Chinese immigrants at San Francisco // Public Health Reports (1896-1970). 1896. Vol. 11. № 26. P. 574.
24. *Gompers S., Gutstadt H.* Op. cit. P. 33.
25. Ibid. P. 25-26.
26. Speech of Hon. Frank B. Gary of South Carolina in the Senate of the United States // The Immigration Commission and the Immigration Problem. Washington, 1909. P. 12.
27. Ibid. P. 9.
28. *Gompers S., Gutstadt H.* Op. cit. P. 34.
29. Ibid. P. 18-19.
30. Ibid. P. 23.

Изучение семантики неуловимого как лингвистическая и когнитивная проблема

В статье рассматривается вопрос о возможности лингвокогнитивного изучения семантики неуловимого. «Неуловимое» представляет собой концепт чрезвычайно сложной организации (суперконцепт), роль которого в когнитивной категоризации противопоставлена понятию «типичного». Центральным репрезентантом данного концепта является лексема *неуловимый*. Анализ её семантики и сочетаемости с опорой на данные толковых словарей и Национального корпуса русского языка показывает, что для прилагательного *неуловимый* наиболее важным является значение 'неясный, еле заметный, не поддающийся определению, выражению'. При этом семантика неуловимого не тождественна значению категории определённости-неопределённости в языке. Изучение семантики неуловимого во всей её полноте представляется весьма актуальной лингвокогнитивной проблемой, сонаправленной с поисками других гуманитарных, естественных и точных наук и имеющей широкие перспективы.

In the article the question of a possibility of linguistic and cognitive studying of semantics of imperceptible is considered. "Imperceptible" represents a concept of extremely difficult organization (superconcept) which role in a cognitive categorization is opposed to concept of «typical». The central representative of this concept is the lexeme *imperceptible*. The analysis of its semantics and compatibility with a support on data of explanatory dictionaries and the National case of Russian shows that for an adjective *imperceptible* the most important is the meaning 'not clear, hardly noticeable, not giving in to definition, expression'. At the same time semantics of imperceptible isn't identical to the meaning of category of definiteness-uncertainty in language. Studying of semantics of imperceptible in all its completeness is represented as a very actual linguistic and cognitive problem, unidirectional with searches of other humanitarian, natural and exact sciences and having broad prospects.

Ключевые слова: категоризация, суперконцепт, неуловимое, семантика, сочетаемость, лингвокогнитивный анализ.

Keywords: categorization, superconcept, imperceptible, semantics, compatibility, linguistic and cognitive analysis.

Познавая окружающий мир, человек постоянно осуществляет категоризацию, которая представляет собой когнитивный процесс отнесения объектов и явлений к какому-либо классу (первичная категоризация), а называющих эти объекты и явления слов – к той или иной семантической группе (вторичная категоризация) [1]. Категоризация опирается на типичные признаки объектов, то есть признаки очевидные, объективные, присущие большинству объектов данного класса. «Понимание того, как мы осуществляем категоризацию, является необходимым для понимания того, как мы мыслим и как мы действуем и, следовательно, необходимым для понимания того, что делает нас человеческими существами», – пишет Дж. Лакофф [2].

Однако среди того, что человек стремится выразить с помощью языка, есть и такие вещи, которые, казалось бы, не поддаются полноценному восприятию и последующему адекватному вербальному выражению: пограничные эмоциональные состояния; абстрактные идеи и понятия; творческие озарения; некоторые изменения природы; процессы, протекающие в микромире или во Вселенной; и многое другое, что не может быть раз и навсегда зафиксировано и чётко определено. Такие явления во всём их разнообразии и во всей их совокупности можно назвать словом «неуловимое» и рассматривать как суперконцепт. Ср.: «Суперконцепты – это ментальные категории наиболее высокой степени абстракции, они многоаспектны, разноплановы» [3].

Цель настоящей статьи – попытаться обосновать важность лингвистического изучения семантики неуловимого и показать возможные направления её исследования.

Как представляется, лингвокогнитивный анализ должен быть направлен не только на те объекты, которые поддаются более или менее строгой категоризации, но и на те, которые не поддаются, подобно тому как физики изучают вещество и антивещество, философы – материю и «ничто», бытие и небытие, психологи – сознание и бессознательное. В сфере лингвистики мы бы предложили противопоставлять два полюса в языковом описании мира: «типичное», то есть явно подводимое под определённую категорию, и «неуловимое», то есть не поддающееся чёткой категоризации. Сами по себе механизмы категоризации изучаются уже достаточно давно и плодотворно, однако «типичное» и «неуловимое» как противоположные точки шкалы категоризации, насколько нам известно, ещё специально не исследовались. Очевидно, что и «типичное», и «неуловимое» – это семантические зоны полевой структуры, которые необходимо изучать постепенно, по принципу «от центра к периферии». О семантике типичности см., напр., [4]. В настоящей статье мы попытаемся представить возможные аспекты лингвокогнитивного описания семантики неуловимого.

Прежде всего нужно выяснить, что чаще всего понимается под словом *неуловимое* и к какому рода объектам и явлениям обычно относится это прилагательное, то есть выявить значение и сочетаемость данной лексемы как центрального репрезентанта семантики неуловимого. Для этого необходимо обратиться к толковым словарям и к речевому употреблению словоформ прилагательного *неуловимый*.

Словарные определения дают весьма скупое представление о том, что значит *неуловимый*, ср., напр.: «**Неуловимый** – 1. Такой, которого не удаётся, невозможно поймать. *Неуловимый вор.* || Такой, которого не удаётся застать или увидеть (разг. фам.). *Его нигде нельзя застать: он просто неуловим.* 2. Неясный, еле заметный, не поддающийся определению, выражению. *Неуловимый оттенок. Неуловимое движение. Для резца неуловим этот блеск мысли в чертах лица.* Гончаров» [5]; «**Неуловимый** – 1. Такой, которого нельзя поймать или застать где-нибудь. *Неуловимые мстители. Ваш заместитель неуловим.* 2. Еле заметный. *Неуловимое движение. Неуловимая разница*» [6]. Как видим, в словарных толкованиях на первом месте идёт более узкое значение, относящееся прежде всего к человеку («неуловимый кто»), а на втором – более широкое, способное, судя по иллюстративному материалу, сочетаться с названиями различных объектов («неуловимый/неуловимая /неуловимое кто/что»).

Данные Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ) показывают, что отмечаемые словарями два значения по-разному распределяются между родовыми формами этого слова. На момент нашего обращения основной корпус НКРЯ содержал 220 контекстов с формой мужского рода *неуловимый*, 155 контекстов с формой женского рода *неуловимая* и 274 – с формой среднего рода *неуловимое*. Анализ сочетаемости форм прилагательного показал, что у каждой родовой формы имеется своя «специализация». Форма мужского рода чаще всего сочетается с названиями чувственных восприятий и лиц (*неуловимый аромат, вид, вкус, голос, запах, звук, зов, оттенок, привкус, свет, сигнал, силуэт, шёпот, шорох, шум; Басаев, главарь, Джо, друг, Леонардо да Винчи, мерзавец, мститель, незнакомец, очевидец, преступник, Пугачёв, разработчик, редактор, Сидней Рейли, террорист, Фантомас, Шамиль* и др.). Форма женского рода чаще всего употребляется с названиями абстрактных понятий (*неуловимая атмосфера, величина, идея, категория, красота, логика, материя, мысль, связь, слава, субстанция, сущность, причина, пустота, фальшь* и др.). Форма среднего рода в подавляющем большинстве случаев сочетается с неопределёнными местоимениями (*неуловимое что-то, нечто*).

Если составить «индивидуальный рейтинг» лексем, сочетающихся с прилагательным *неуловимый*, то на первом и втором месте окажутся неопределённые местоимения *что-то* (91 употребление) и *нечто* (32 употребления). Среди существительных чаще всего *неуловимым* бывает *движение* (29), *запах* (18), *миг* (14). Ср. в связи с этим ряд примеров из НКРЯ: **Что-то неуловимое** промелькнуло в глазах генерала (Л. Чарская. Записки институтки); **Что-то неуловимое** дрогнуло в воздухе, и всё проснулось легко и быстро, точно по уговору (М. Арцыбашев. Смерть Ланде); **Когда он протягивает вам руку, вы ощущаете, что в вашей руке заключено нечто неуловимое; это не просто рука, а какое-то блаженство или, лучше сказать, благоухание, принявшее форму руки** (М. Салтыков-Щедрин. Губернские очерки); **Ещё момент, какое-то неуловимое движение – и нет Шаляпина** (Л. Андреев. Мелочи жизни); **Любое грязное пятно рано или поздно исчезало – оставался только неуловимый запах фиалок, как в велюровой кабинке метрофита** (В. Пелевин. S.N.U.F.F.); **Он стал просыпаться, но за тот неуловимый миг, который заняло пробуждение, успел прочесть и запомнить постскриптум** (В. Пелевин. Жёлтая стрела) [7].

Полученная в результате анализа данных НКРЯ картина (а именно – явное преобладание сочетаний с неопределёнными местоимениями) говорит о том, что для прилагательного *неуловимый* более важным является то значение, которое в словарях даётся вторым: «Неясный, еле заметный,

не поддающийся определению, выражению» [8]. Сочетание лексемы *неуловимый* с неопределёнными местоимениями *что-то, нечто* дополнительно подчёркивает невозможность или сложность категоризации: в таких случаях говорящий затрудняется охарактеризовать не только признак какого-то объекта (*неуловимый*), но и сам объект (*что-то, нечто*). Именно это значение, выражающееся обычно формой среднего рода *неуловимое*, и интересует нас в первую очередь.

Сразу необходимо подчеркнуть, что семантика *неуловимого* не тождественна тому, что принято называть категорией определённости-неопределённости в языке, ср.: «Определённости-неопределённости категория – одна из категорий семантики высказывания; функция её – актуализация и детерминация имени, демонстрация его единственности в описываемой ситуации (определённость) либо выражение его отношения к классу подобных ему феноменов (неопределённость)» [9]. Семантика *неуловимого* связана с трудностями распознавания, идентификации, категоризации некоторого объекта или явления, а не с вопросами разграничения объектов по принципу «этот стол – стол вообще».

Однако следует иметь в виду, что «неуловимые» явления далеко не всегда характеризуются именно этим словом – они могут обозначаться крайне разнообразными способами, с помощью единиц разных уровней языка, разных лексем и конструкций. Назовём лишь некоторые проявления *неуловимого*, отражающиеся в языке.

Так, *неуловимое* может рассматриваться как не воспринимаемое (или с трудом воспринимаемое) органами чувств. Средствами выражения в этом случае будут такие языковые единицы, как *незримый, невидимый, неслышимый, неощутимый, неясный, неясный, неузнаваемый, невесомый, смутный, туманный, зыбкий* и т. д. Многочисленны такого рода примеры в стихотворениях Осипа Мандельштама, ср., напр: *Мой тихий сон, мой сон ежеминутный – невидимый, замороженный лес...* (О. Мандельштам. *Мой тихий сон, мой сон ежеминутный...*); *Небо тусклое с отсветом странным – Мировая туманная боль – О, позволь мне быть также туманным И тебя не любить мне позволь* (О. Мандельштам. *Воздух пасмурный влажен и гулок...*); *Запечатлеется на нём узор, Неузнаваемый с недавних пор* (О. Мандельштам. *Дано мне тело, что мне делать с ним...*). Подробнее о языковых средствах выражения семантики *неуловимого* у О. Мандельштама ср. [10].

С другой стороны, как «неуловимое» может рассматриваться то, что человеку трудно выразить или объяснить, облечь в слова или в иную внешнюю форму. В таких случаях могут использоваться языковые единицы *невыразимый, неизъяснимый, неизрекаемый, не поддающийся выражению, непредставимый, невысказанный, неопределимый, не находить слов, быть не в силах объяснить, безмолвный, ускользающий* и т. д. Ср.: *Невыразимая печаль открыла два огромных глаза* (О. Мандельштам. *Невыразимая печаль...*); *И мне переполняет душу неизъяснимая полынь* (О. Мандельштам. *Когда удар колоколов...*). Ср. также ответы пользователей Интернета на вопрос «**Чего нельзя передать словами?**», заданный на ресурсе Ответы@mail.ru (орфографию и стиль авторов сохраняем): *Не передать словами боль, которая как заноза вонзилась в сердце. Которая терзает и ранит душу. Также не передать словами ликования сердца, когда тихая радость вселяется в нём. Не передать словами мгновения нашей жизни, которые врезаются яркой вспышкой и остаются навсегда в нашей памяти; Красоту и наверное всё таки любовь, хоть и затасканы, заляпаны они словами, но всё же так и остаются невысказанными невыраженными и продолжают сверкать и очаровывать как звёзды, как солнце* (<https://otvet.mail.ru/question/25331426>).

Как правило, «неуловимыми» и «невыразимыми» оказываются именно душевные переживания и духовные проявления человека. Ср. в связи с этим: *Как беден наш язык! – Хочу и не могу. – Не передать того ни другу, ни врагу, Что буйствует в груди прозрачною волною...* (А. Фет. *Как беден наш язык*); *Мать точно заживо похоронила себя внутри нас – на вечную жизнь. Как уплотняла нас невидимостями и невесомостями, этим навсегда вытесняя из нас всю весомость и видимость* (М. Цветаева. *Мать и музыка*); *Увы, в печали безумной я умираю, Я умираю, Стремлюсь к тому, чего я не знаю, Не знаю... И это желание не знаю откуда Пришло, откуда, Но сердце хочет и просит чуда, Чуда! О, пусть будет то, чего не бывает, Никогда не бывает. Мне бледное небо чудес обещает, Оно обещает. Но плачу без слёз о неверном обете, О неверном обете... Мне нужно то, чего нет на свете, Чего нет на свете* (З. Гиппиус. *Песня*).

Кроме того, «неуловимыми» часто бывают промежутки времени, прежде всего настоящего (*мгновение, миг, минута, момент, секунда* и др.), и то, что они в себя вмещают, чем оказываются наполнены. Ср.: *Каждый следующий час, проведённый рядом с Агнией, был настолько превосходнее предыдущего, что этот предыдущий исчезал, таял, оставался в памяти, как неуловимый миг предвкушения* (Андрей Ефремов. *Любовь и доблесть Иоахима Тишбейна*).

Как «неуловимые» могут быть охарактеризованы обаяние, шарм, харизма, очарование и подобные качества личности, ср.: *Их лица, глаза, типаж и повадки, сам неуловимый состав личности был удивительно схвачен «Галёркой»* (Театральная жизнь. 2004. 23 февр.).

Нередко как «неуловимые» описываются невербальные проявления поведения человека: улыбка, взгляд, взор, движение, вздох, жест и др., ср.: *Невысокий, наголо стриженный, белый как бумага. Неуловимый взгляд. В глазах тоска* (Е. Светлова. Демоны Врубелей // Совершенно секретно. 2003. 3 апр.).

Неуловимой может быть грань между противоположностями – смешным и трагичным, прекрасным и безобразным, вкусом и безвкусицей, любовью и ненавистью и т. д., что часто отражается в устойчивых выражениях, шутках, афоризмах, ср.: *От великого до смешного один шаг* (Наполеон Бонапарт); *Великая боль и шутка всегда идут бок о бок* (Джон Леннон); *Счастье человека где-то между свободой и дисциплиной* (И. П. Павлов); *В сердце каждой трудности кроется возможность* (А. Эйнштейн) и др.

Перечисленные смысловые зоны далеко не исчерпывают аспекты лингвистического и когнитивного описания семантики неуловимого: возможны ещё разнообразные выходы в междисциплинарные области (на стыке лингвистики и философии, психологии, теории коммуникации, физики, биологии, искусства, эзотерики и др.); исследование языковых средств выражения семантики неуловимого в произведениях различных писателей и поэтов; изучение с точки зрения семантики неуловимого имплицитных смыслов текста, подтекстовой информации, языковой игры; описание «неуловимого» в сопоставлении с «типичным» в рамках изучения концептуализации и категоризации и т. д.

Исследование семантики неуловимого во всей её полноте представляется весьма актуальной лингвокогнитивной проблемой, сопоставленной с поисками других гуманитарных, естественных и точных наук, и имеет широкие перспективы.

Примечания

1. Калинина Л. В. Лексико-грамматические разряды имён существительных как пересекающиеся классы слов (когнитивно-семасиологический анализ): монография. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2009. С. 93.
2. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 20.
3. Цыбина Н. А. Суперконцепт «Динамизм» и способы его описания // Вестник Чувашского университета. 2008. № 4. URL <http://cyberleninka.ru/article/n/superkontsept-dinamizm-i-sposoby-ego-opisaniya>. (дата обращения 19.03.2015).
4. Трушков М. А. К вопросу об описании поля типичности в современном русском языке // Семантика. Функционирование. Текст: межвуз. сб. науч. тр. Киров: Изд-во ООО «Радуга-ПРЕСС», 2015. С. 50–54.
5. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: ОГИЗ, 1935–1940.
6. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: ООО «ИТИ Технологии», 2005.
7. Национальный корпус русского языка. URL <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения 18.03.2015).
8. Толковый словарь русского языка... В 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: ОГИЗ, 1935–1940.
9. Николаева Т. М. Определённости – неопределённости категория // Лингвистический энциклопедический словарь русского языка. М.: Сов. энцикл., 1990. С. 349.
10. Калинина Л. В. Языковые средства выражения семантики неуловимого в поэзии раннего О. Э. Мандельштама // Филология и культура. Philology and culture. 2015. № 4 (42). С. 76–80.

Notes

1. Kalinina L. V. Leksiko-grammaticheskie razryady imyon sushchestvitel'nyh kak peresekayushchiesya klassy slov [kognitivno-semasiologicheskij analiz]: monografiya [Vocabulary-grammatical levels of nouns as intersecting classes of words (cognitive-semasiological analysis): monograph]. Kirov. Publishing house of VyatSHU. 2009. P. 93.
2. Lakoff G. ZHenshchiny, ogon' i opasnye veshchi: CHto kategorii yazyka govoryat nam o myshlenii [Women, fire and dangerous things: What categories of language tell us about thinking]. M. Languages of Slavic culture. 2004. P. 20.
3. Tsybina N. A. Superkoncept «Dinamizm» i sposoby ego opisaniya [Superconcept "Dynamism" and how to describe it] // Vestnik CHuvashskogo universiteta – Herald of the Chuvash University. 2008, No. 4. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/superkontsept-dinamizm-i-sposoby-ego-opisaniya>. (access date: 19.03.2015).
4. Trushkov M. A. K voprosu ob opisanii polya tipichnosti v sovremennom russkom yazyke [To the question about the description of the field of typicality in the modern Russian language] / Semantika. Funkcionirovanie. Tekst: mezhvuz. sb. nach. tr. – Semantics. Functioning. Text: Intercollege coll. of scient. works. Kirov. Publishing house LLC "Raduga-PRESS". 2015. Pp. 50–54.
5. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: v 4 t. – Explanatory dictionary of Russian language: in 4 volumes / under the editorship of D. N. Ushakov. M. OGIZ. 1935–1940.
6. Ozhegov S. I., Shvedova N. Y. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka [Explanatory dictionary of the Russian language]. M. LLC "ITI Technologies". 2005.
7. Nacional'nyj korpus russkogo yazyka- National corpus of the Russian language. Available at: <http://www.ruscorpora.ru/> (access date 18.03.2015).
8. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka... – Explanatory dictionary of the Russian language... In 4 volumes / under the editorship of D. N. Ushakov. M. OGIZ. 1935–1940.

9. Т. М. Nikolaeva *Opredelyonnosti – neopredelyonnosti kategoriya [Certainty – uncertainty category] // Lingvisticheskiy ehnciklopedicheskiy slovar' russkogo yazyka – Linguistic encyclopedic dictionary of the Russian language. M. Sov. encik, 1990. P. 349.*

10. Kalinina L. V. *Yazykovye sredstva vyrazheniya semantiki neulovimogo v poehzii rannego O. E.H. Mandel'shtama [Linguistic means of expressing the semantics elusive in the early poetry of O. Mandelstam] // Filologiya i kul'tura. Philology and culture – Philology and culture. Philology and culture. 2015, No. 4 (42), pp. 76–80.*

УДК 81'42

Тун Хуэй

К вопросу о выявлении в художественном тексте лексики чувственного восприятия

В настоящей статье анализируется лексика со значением чувственного восприятия в русском языке. Данная лексика, организованная по принципу поля, подразделяется на пять семантических групп (лексика зрительного, слухового, осязательного, обонятельного и вкусового восприятия). Особую проблему представляет квалификация лексических единиц в художественном тексте. В статье перечисляются четыре группы единиц, которые могут представлять лексику восприятия в художественном тексте: отдельные слова с основным значением чувственного восприятия; контексты, в которых чувственное восприятие не обозначено прямо, но явно предполагается, подразумевается; полимодальные единицы, передающие синестетические (смешанные) восприятия; лексические единицы, приобретающие значение чувственного восприятия в переносном употреблении. Особенности функционирования перечисленных видов лексики иллюстрируются примерами из произведений писателя Юрия Коваля.

In the present article the lexicon with the meaning of sensory perception in Russian is analyzed. This lexicon organized by the principle of a field is subdivided into five semantic groups (lexicon of visual, acoustical, tactile, olfactory and flavoring perception). The special problem is presented by qualification of lexical units in the art text. Four groups of units which can present lexicon of perception in the art text are listed in the article: separate words with major meaning of sensory perception; contexts in which sensory perception isn't designated directly, but obviously it is supposed, meant; the polymodal units transferring mixed perceptions; the lexical units gaining the meaning of sensory perception in a figurative use. Features of functioning of the listed types of lexicon are illustrated by examples from works of the writer Yury Koval.

Ключевые слова: чувственное восприятие, семантическое поле восприятия, лексические единицы со значением чувственного восприятия в художественном тексте, Юрий Коваль.

Keywords: sensory perception, semantic field of perception, lexical units with the meaning of sensory perception in the art text, Yury Koval.

Человек познаёт мир с помощью органов чувств. Как известно, к чувственным восприятиям принадлежат зрительное, слуховое, осязательное, вкусовое и обонятельное. «Для чего нам нужны органы чувств? – пишет Р. Г. Подольный. – Чтобы познавать окружающий мир, получая по возможности более точные сведения о внешнем мире, о происходящих в нём изменениях. Такое восприятие называется чувственным восприятием» [1].

Восприятия органов чувств являются объектом изучения многих наук. На это указывает О. Н. Григорьева: «Все пять общеизвестных способов чувственного восприятия исследуются в разных естественных и гуманитарных науках: в биологии и медицине проводятся существенные фундаментальные исследования; в нейрофизиологии изучается сам перцептивный аппарат; в химии и физике исследуется проблема сенсорного разграничения; в психологии и сексологии исследуются сильные эмоциональные реакции; в лингвистике изучается вопрос о словесной кодировке. Для описания мира на языковом уровне необходимо определить, что из воспринимаемого мира может выразиться в языке и каким закономерностям это выражение подчиняется» [2].

Цель настоящей статьи – рассмотреть круг лексики, способной передавать в русском языке восприятия органов чувств, и охарактеризовать специфику функционирования лексики восприятия в художественном тексте.

Прежде всего следует отметить, что в русском языке для обозначения процесса чувственного восприятия существует специальная лексика. К ней относятся такие слова, как *восприятие, чувство, чувственный, сенсорный*.

Основным средством лексического обозначения данного процесса является слово *восприятие*. В словарях у лексемы *восприятие* выделяется одно или два значения. Ср.: «Восприятие – 1. Усвоение чего-либо. *Восприятие впечатлений*. Психический процесс отражения предметов или явлений действительности, получаемых от воздействия внешней среды на органы чувств. 2. *Устар.* Взятие, принятие» [3]; «Восприятие – 1. *действие по знач. глаг. воспринять*. 2. *Психол., филос.* Отражение в человеческом сознании действующих в данное время на органы чувств предметов и явлений материального мира, включающее в себя понимание и осмысление их на основе предшествующего опыта» [4].

Слово *чувство* в русском языке является многозначным (в словарях у него отмечается до семи значений), но нас интересует значение, связанное с работой органов чувств. В словарях оно приводится на первом месте. Ср., напр.: «Чувство – 1. Способность живого существа ощущать, воспринимать внешние впечатления» [5]; «Чувство – 1. Способность живого существа воспринимать внешние впечатления, ощущать, испытывать что-н. *Ч. зрения, слуха, обоняния, осязания, вкуса. Органы чувств... Материя есть то, что, действуя на наши органы чувств, производит ощущение... Ленин*» [6]; «Чувство, -а, ср. – 1. Способность ощущать, испытывать, воспринимать внешние воздействия, а также самое такое ощущение» [7].

Восприятие с помощью органов чувств называется чувственным. У слова *чувственный* в словарях также представлено несколько значений (до трёх). Для целей нашего исследования подходящим является значение, которое в словарях даётся на первом месте. Ср.: «Чувственный – 1. *Формируемый, осуществляемый при посредстве органов чувств, ощущений, восприятий*» [8]; «Чувственный – 1. *Полн. ф.* Воспринимаемый органами чувств (видимый, осязаемый и т. п.), осуществляемый при помощи их. *Чувственное восприятие*» [9]; «Чувственный – 1. *Полн. ф.* Воспринимаемый органами чувств (видимый, осязаемый и т. п.), осуществляемый при помощи их. *Чувственное восприятие*» [10].

Кроме того, в русском языке используется слово *сенсорный*, также выражающее сходное значение. Ср.: «Сенсорный – *физиол.* Связанный с восприятием и передачей ощущений. *Сенсорные нервные волокна* [11]; Сенсорный – лат. *sensorium* – орган чувств, от *sensus* – чувство» [12]; «Сенсорный – чувствительный, чувствующий, относящийся к ощущениям» [13]; «Сенсорный – чувствительный, чувствующий, относящийся к органам чувств, ощущениям. От лат. *sensus* – восприятие, чувство, ощущение» [14].

Однако перечисленные лексические единицы, ввиду их слишком обобщённого значения и в основном книжной окрашенности, используются в речи не очень часто. Кроме того, для передачи восприятий каждого из пяти органов чувств (зрения, слуха, осязания, обоняния, вкуса) в языке существует особый круг слов. В своей совокупности все эти слова формируют особое семантическое поле чувственного восприятия [15].

Важнейшим видом восприятия для человека является зрительное. Вот как об этом пишет Н. К. Рябцева: «Главную роль в восприятии внешнего мира, в практической (и теоретической) деятельности человека, во всём, что он делает, играет зрение, зрительное восприятие. Оно важно до такой степени, что естественный язык, естественный интеллект и человеческий менталитет можно назвать “ориентированными на наглядность”, “visually oriented”, “перцептивно мотивированными”» [16]. Далее Н. К. Рябцева развивает эту мысль: «Зрение не только самый главный источник информации для человека, но и самый надёжный способ ее верификации» [17]. Лексика со значением зрительного восприятия в языке представлена очень широко. К ней можно отнести названия света и тьмы (*свет, яркость, тьма, мрак...*), цвета (*красивый, синий, жёлтый...*), формы (*круглый, квадратный...*), движения и его отсутствия (*бегать, летать, стоять, сидеть...*) и других внешних характеристик предметов и явлений.

Слуховое восприятие для человека является вторым по значимости. Оно может обозначаться лексикой, называющей звуки тихие и громкие (*долбить, петь, кричать, шептать*), протяжные и прерывистые (*стон, журчание, вскрик, пииииииииии-пииииииииии-пииииииииии, цок*). Классифицируя лексику слухового восприятия, В. В. Сальникова выделяет следующие группы: «1. Звуки, издаваемые людьми (*плач ребёнка, крик матушки*); 2. Звуки, производимые неодушевленными предметами (*скрип полозьев, колокольный звон*); 3. Мир звуков, существующих в природе: а) звучание текущей воды (*родники журчали*); б) звуки, издаваемые ветром (*ветер воет*); в) звуки, издаваемые животными (*щенок визжал*); г) звуки птичьих голосов (*крик журавлей*); д) звуки, производимые насекомыми (*трещали кузнечики*)» [18].

Осязательное восприятие связано с ощущениями тепла и холода (*горячий, тёплый, мёрзлый*), твёрдой или мягкой поверхности (*чёрствый, гибкий*), гладкой или шероховатой поверхности (*скользкий, шершавый*), с ощущениями давления или толчка (*тяжёлый, резкий*) и т. д. Ж. А. Бубырева подразделяет осязательные ощущения на тактильные и кинестетические, ср.:

«Тактильная чувствительность – ощущение, возникающее при действии на кожную поверхность различных механических стимулов. Она является разновидностью осязания и зависит от вида воздействия: прикосновения или давления... Кинестетическая чувствительность – это чувствительность к движению... Кинестетические ощущения сигнализируют о таких качествах предмета, как *вес, форма, размер*» [19].

Обонятельное восприятие – это способность человека чувствовать и различать запахи (*аромат, вонь, благоухание...*). Многие исследователи отмечают, что одорическая лексика (то есть лексика, называющая запахи) в русском языке развита мало. Причину этого можно усмотреть в том, что «запах – исключительно трудноопределимый и сложный для изучения феномен. В отличие от, скажем, цвета запахи не имеют собственных названий – во всяком случае, в европейских языках. Описывая тот или иной запах, мы вынуждены говорить: “пахнет как...”, нащупывая точную метафору для описания нашего обонятельного переживания» [20].

Подобное утверждение можно, как думается, отнести и к лексике вкусового восприятия, связанного с ощущениями *сладкого, горького, кислого, солёного* вкуса.

Предметом нашего собственного исследования является лексика чувственного восприятия в художественном тексте (в произведениях Юрия Ковалёва). По какому принципу следует отбирать языковой материал?

Во-первых, следует обращать внимание на лексемы каждой из семантических групп в составе общего семантического поля «Чувственное восприятие», которые передают значение восприятия в своём прямом значении. Например, в качестве лексики зрительного восприятия мы отбирали лексические единицы со значением цвета, света, внешне воспринимаемых формы, размера и движения (здесь и далее примеры приводятся по изданию [21]). Ср.: **Красный цвет горел на его перьях** (Ю. Коваль. Капитан Клюквин); **Лапы у него были белые** – значит, сидел он в клетке давно (Ю. Коваль. Капитан Клюквин); **Солнечных дней выпадало немного, и в комнате было тускло** (Ю. Коваль. Капитан Клюквин); **Какой удивительный у него клюв – крестообразный** (Ю. Коваль. Капитан Клюквин); **Тузик был велик и чёрен. Усат, броваст, бородаст** (Ю. Коваль. Картофельная собака). **Некоторое время он стремительно носился вокруг и, совершив эти круги восторга, мчался куда-то изо всех сил, сшибая пеньки** (Ю. Коваль. Картофельная собака); **Пролетев по комнате, он опустил на стеклянную крышку аквариума и стал разглядывать, что там делается внутри, за стеклом** (Ю. Коваль. Капитан Клюквин) и др.

Во-вторых, необходимо учитывать, что восприятие обычно бывает целостным – недаром в психологии принято различать ощущения как изолированные реакции органов чувств и восприятия как комбинацию ощущений [22]. Вот как об этом пишет Е. В. Урысон: «Что человек воспринимает зрением? Очевидно, не какую-то одну характеристику предмета и не какой-то один аспект ситуации, а предмет или ситуацию во всей полноте <...> Когда человек слышит, он воспринимает не тот или иной аспект предмета, а нечто иное – мы слышим звуки, а они сопутствуют какому-то действию (процессу), т. е. являются скорее компонентом ситуации» [23]. Поэтому в ряде случаев в контексте могут отсутствовать слова, непосредственно относящиеся к лексике восприятия, однако наш опыт подсказывает нам, что та или иная ситуация воспринимается именно зрительно либо сопровождается определёнными звуками, запахами и т. д. Ср., напр.: **Зажав в когтях шишку, он вонзал клюв под каждую чешуйку и доставал оттуда смоляное семечко** (Ю. Коваль. Капитан Клюквин). Словосочетание *смоляное семечко* содержит имплицитное (скрытое, подразумеваемое) указание не только на внешний вид и осязательные ощущения от объекта, но и на его запах. Ср. словарное толкование лексики *смола*: «1. Липкий, твердеющий на воздухе сок хвойных и некоторых других растений. 2. *Перен.* Приставала, тот кто липнет (во 2-м знач.), неотвязно пристаёт к кому-н (прост.). // *прил.* смоляной и смолевой» [24]. Как видим, в данном определении не сказано о том, что смола отличается особым запахом, однако всякий, кто имел дело со смолой, представляет себе этот запах. Кроме того, в рассказе «Капитан Клюквин» несколько раз упоминается запах смолы. Поэтому можно заключить, что *смоляное семечко* – это семечко, пахнущее смолой.

В-третьих, необходимо помнить о таком явлении, как синестезия, или полимодальность восприятий. Вот как объясняет это явление О. Н. Григорьева: «Под синестезией в психологии понимают такое слияние качеств различных сфер чувствительности, при котором... сигналы, исходящие от различных органов чувств, смешиваются, синтезируются. Человек не только слышит звуки, но и видит их, не только осязает предмет, но и чувствует его вкус. С точки зрения лингвистики, синестезия – употребление слова, значение которого связано с одним органом чувств, в значении, относящемся к другому органу чувств, например, *мягкий свет, резкий звук, хрустальный голос*. При полимодальности один и тот же атрибут объективно, а не метафорически, относится к нескольким ощущениям: зрительным и тактильным (*шероховатый, ворсистый*), вкусовым и обонятельным (*пряный, пикантный*)» [25]. Ср., напр.: *Конечно, выглядело всё не так уж прекрасно –*

корявая игра на гитаре сопровождалась *кривоносным пением*, но я пришёл в восторг и мечтал уже выступить с Капитаном в центральном доме детей железнодорожников (Ю. Коваль. Капитан Клюквин). В сочетании «корявая игра на гитаре» совмещаются осязательное и зрительное восприятие, связанные с семантикой слова *корявый*, и слуховое восприятие, связанное с представлением о звучании гитары. В сочетании *кривоносное пение* совмещаются представления о форме (кривой) и о звучании (пение), то есть комбинируются зрительное и слуховое восприятия.

В-четвёртых, при выявлении в художественном тексте лексики восприятия следует помнить об особой образности языка художественной литературы. Как справедливо отмечает О. Н. Григорьева, «для художественного произведения важно не сообщить какую-то информацию об окружающем мире, а заново показать нам этот мир, с его прекрасными и жестокими чертами. Окном в новый мир для читателя становится слово в его эстетической функции. Чем более оно непредсказуемо, тем выше его эстетическая ценность. Адресат разгадывает, “расшифровывает” текст, становясь в каком-то смысле его создателем, получая эстетическое удовольствие. Перцептивная метафора, как и любая другая метафора, служит здесь главным средством преодоления автоматизма речи» [26]. Поэтому в зону нашего рассмотрения попадают и такие лексические единицы, которые можно отнести к лексике восприятия в их переносном, метафорическом или метонимическом значении. Ср., напр.: *До этого мне казалось, что клёт поёт бестолково и только мешает, но прислушавшись, я понял, что Капитан Клюквин украшает мою игру таинственными, хвойными, лесными звуками* (Ю. Коваль. Капитан Клюквин). В данном контексте мы встречаем сочетание с использованием адъективной метонимии «хвойные, лесные звуки» [27]. Понять данный контекст можно следующим образом: ‘когда клёт поёт, представляется густой хвойный лес со всеми его запахами и звуками’.

Таким образом, мы рассмотрели группы лексики, входящей в общее семантическое поле «Чувственное восприятие» в русском языке, и охарактеризовали (на примере произведений Юрия Ковалья) четыре вида лексических единиц, которые могут представлять лексику восприятия в художественном тексте: отдельные слова с основным значением чувственного восприятия; контексты, в которых чувственное восприятие не обозначено прямо, но явно предполагается, подразумевается; полимодальные единицы, передающие синестетические (смешанные) восприятия; лексические единицы, приобретающие значение чувственного восприятия в переносном употреблении.

Примечания

1. Подольный Р. Г. Про чувства. М.: Дет. лит., 1966. С. 4.
2. Григорьева О. Н. Цвет и запах власти. Лексика чувственного восприятия в публицистическом и художественном текстах: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2004. С. 9.
3. *Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. ...*
4. *Словарь русского языка: в 4 т. М.: Рус. яз., 1981–1984.*
5. *Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965.*
6. *Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: 1935–1940.*
7. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: ООО «ИТИ Технологии», 2005.
8. *Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965.*
9. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Указ. соч.
10. Лопатин В. В., Лопатина Л. В. Толковый словарь современного русского языка. М.: Эксмо, 2010.
11. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Эксмо, 2005.
12. *Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965.*
13. *Словарь русского языка: в 4 т. ...*
14. *Первый толковый БЭС. Большой энциклопедический словарь.* СПб.: Норинт, 2006.
15. Уфимцева А. А. Теории «семантического поля» и возможности их применения при изучении словарного состава языка // Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. М.: Просвещение, 1961. С. 30–63; Бондарко А. В. Полевые структуры в системе языковой категоризации // Теория, история, типология языков. М.: Эдиториал УРСС, 2003. С. 13–20.
16. Рябцева Н. К. Ментальная лексика, когнитивная лингвистика и антропоцентричность языка. URL <http://www.dialog-21.ru/Archive/2000/Dialogue%202000-1/268.htm> (дата обращения 14.03.2015).
17. Там же.
18. Сальникова В. В. Семантическая классификация звуковой лексики в художественных произведениях о детстве (на материале повестей С. Т. Аксакова «Детские годы Багрова-внука» и А. Н. Толстого «Детство Никиты») // Фундаментальные исследования. 2014. № 9–1. С. 209–213.
19. Бубырева Ж. А. Анализ существительных тактильного и кинестетического восприятия (на материале русского, французского и английского языков) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. «Гуманитарные науки». 2011. № 6 (101). Т. 9. С. 105.
20. Классен К., Хоувз Д., Синнотт Э. Значение и власть запаха // Ароматы и запахи в культуре: в 2 ч. М.: Новое лит. обозрение, 2010. Кн. 1. С. 47.

21. Коваль Ю. Листобой. Избранные произведения. М.: Подкова, Деконт+, 2000.
 22. Мецераков Б., Зинченко В. Большой психологический словарь. СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2004. С. 83.
 23. Е. В. Урысон. Языковая картина мира vs обиходные представления (модель восприятия в русском языке) // Вопросы языкознания. 1998. № 2. С. 6.
 24. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Указ. соч.
 25. Григорьева О. Н. Указ. соч. С. 23–24.
 26. Григорьева О. Н. Указ. соч. С. 7–8.
 27. Сандакова М. В. О механизмах дискурсивной метонимии прилагательного. Филологические науки. 2004. № 3. С. 106–112; Губанов С. А. Адъективная метонимия в художественном дискурсе (на материале творчества М. И. Цветаевой) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер. «Гуманитарные и социальные науки». 2012. № 5. С. 81–86.

Notes

1. Podolny R. G. Pro chuvstva [About feelings]. M. Det. lit. 1966. P.4.
2. Grigorieva O. N. Cvet i zapah vlasti. Leksika chuvstvennogo vospriyatiya v publicisticheskom i hudozhestvennom tekstah: ucheb. posobie [The color and smell of power. The vocabulary of sense perception in journalistic and literary texts: textbook]. M. Flinta: Nauka. 2004. P.9.
3. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17 t. – Dictionary of modern Russian literary language: in 17 vol. M.; Leningrad. AS SSSR Publ. 1948–1965.
4. Slovar' russkogo yazyka: v 4 t. – Dictionary of the Russian language: in 4 vol. M. Rus. yaz. 1981–1984.
5. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17 t. – Dictionary of modern Russian literary language: in 17 vol. M.; Leningrad: AS SSSR Publ. 1948–1965.
6. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: v 4 t. – Explanatory dictionary of Russian language: in 4 volumes / under the editorship of D. N. Ushakov. M. 1935– 1940.
7. Ozhegov S. I., Shvedova N. Y. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka [Explanatory dictionary of the Russian language]. M. LLC "ITI Technologies". 2005.
8. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17 t. – Dictionary of modern Russian literary language: in 17 vol. M.; Leningrad: AS SSSR Publ. 1948–1965.
9. Ozhegov S. I., Shvedova N. Y. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka [Explanatory dictionary of the Russian language]. M. LLC "ITI Technologies", 2005.
10. Lopatin V. V., Lopatina L. V. Tolkovyj slovar' sovremennogo russkogo yazyka [Explanatory dictionary of modern Russian language]. M. Eksmo. 2010.
11. Krysin L. P. Tolkovyj slovar' inoyazychnyh slov [Explanatory dictionary of foreign words]. M. Eksmo. 2005.
12. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17 t. – Dictionary of modern Russian literary language: in 17 vol. M.; Leningrad: AS SSSR Publ. 1948–1965.
13. Slovar' russkogo yazyka: v 4 t. – Dictionary of the Russian language: in 4 vol. M. Rus. yaz. 1981–1984.
14. Pervyj tolkovyj BEHS. Bol'shoj ehnciklopedicheskij slovar'- The first explanatory translation. Great encyclopedic dictionary. SPb.: Norint. 2006.
15. Ufimtseva A. A. Teorii «semanticheskogo polya» i vozmozhnosti ih primeneniya pri izuchenii slovarnogo sostava yazyka [Theory of "semantic fields" and their possible application in the study of vocabulary structure of language] // Voprosy teorii yazyka v sovremennoj zarubezhnoj lingvistike – Questions of theory of language in modern foreign linguistics. M. Prosveshcheniye. 1961. Pp. 30–63; Bondarko A.V. Polevye struktury v sisteme yazykovoj kategorizacii [Field structures in the system of linguistic categorization] // Teoriya, istoriya, tipologiya yazykov – Theory, history, typology of languages. M. Editorial URSS. 2003. Pp. 13–20.
16. Ryabtseva N. K. [Mental lexicon, cognitive linguistics and language anthropocentricity]. Available at: <http://www.dialog-21.ru/Archive/2000/Dialogue%202000-1/268.htm> (date of access: 14.03.2015).
17. Ibid.
18. Salnikova V. V. Semanticheskaya klassifikaciya zvukovoj leksiki v hudozhestvennyh proizvedeniyah o detstve (na materiale povestey S. T. Aksakova «Detsike gody Bagrova-vnuka i A. N. Tolstogo «Detstvo Nikity») [Semantic classification of audio vocabulary in works of art about childhood (on the material of novels of S. T. Aksakov "Childhood years of Bagrov-grandson and A. N. Tolstoy "Nikita's Childhood")] // Fundamental'nye issledovaniya – Fundamental research. 2014, No. 9–1, pp. 209–213.
19. Bobyreva J. A. Analiz sushchestvitel'nyh taktil'nogo i kinesteticheskogo vospriyatiya (na materiale russkogo, francuzskogo i anglijskogo yazykov) [Analysis of nouns tactile and kinesthetic perception (on the material of Russian, French and English)] // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarsvennogo universiteta. Ser. «Gumanitarnye nauki»- Scientific statements of Belgorod State University. Ser. "Humanities". 2011, № 6 (101), vol. 9, p. 105.
20. Klassen K., Hows D., Sinnott E. Znachenie i vlast' zapaha [Meaning and power of smell] // Aromaty i zapahi v kul'ture: v 2 ch.- Scents and smells in culture: in 2 pts. M. New literary. review. 2010. Book 1. P.47.
21. Koval Yu. Listoboj. Izbrannye proizvedeniya [Listobj. Selected works]. M. Podkova, Dekont+. 2000.
22. B. Meshcheryakov, V. Zinchenko Bol'shoj psihologicheskij slovar' [Big psychological dictionary]. SPb.: Prime-EVROZNAK. 2004. P. 83.
23. E. V. Uryson. YAzykovaya kartina mira vs obihodnye predstavleniya (model' vospriyatiya v russkom yazyke) [Language picture of the world vs the mainstream view (the model of perception in Russian)] // Voprosy yazykoznaniiya – Problems of linguistics. 1998, No. 2, p.6.
24. Ozhegov S. I., Shvedova N. Y. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka [Explanatory dictionary of the Russian language]. M. LLC "ITI Technologies". 2005.

25. Grigorieva O. N. Op. cit. Pp. 23–24.

26. Grigorieva O. N. Op. cit. Pp. 7–8.

27. Sandakova M. V. O mekhanizmah diskursivnoj metonimii prilagatel'nogo. [About the mechanisms of discursive metonymy the adjective] // Filologicheskie nauki – Philology. 2004, No. 3, pp. 106–112; Gubanov S. A. Ad"ektivnaya metonimiya v hudozhestvennom diskurse (na materiale tvorchestva M. I. Cvetaevoy) [Adjectival metonymy in literary discourse (on the material of creativity of Marina Tsvetaeva)] // Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser. «Gumanitarnye i social'nye nauki» – Herald of Northern (Arctic) Federal University. Ser. "Humanitarian and social Sciences". 2012, No. 5, pp. 81–86.

УДК 81

А. В. Чанчина, К. А. Кочнова

К вопросу о словообразовательной мотивации в современной лингвистике

Основным предметом изучения в синхронном словообразовании являются мотивированные слова. В статье рассматривается центральное явление синхронного словообразования – синхронная мотивация, разграничиваются понятия мотивации и производности. Термин *мотивация* и однокоренные термины имеют в словообразовании длительную традицию употребления, хотя в ряде работ до сих пор еще употребляется только термин *производность* и однокоренные. Целесообразно синхронные отношения между формально и семантически связанными словами называть термином *мотивация*, а диахроническое образование слова – *производностью*. В целях четкого разграничения реального возникновения слова и его синхронных формально-семантических связей необходимо различать понятия *производность* и *мотивация*. Представленные в статье примеры наглядно свидетельствуют о наличии в современном русском языке большой группы слов с разной степенью мотивированности.

The main subject of studying in synchronous word formation are motivated words. In article the central phenomenon of synchronous word formation – synchronous motivation is considered, concepts of motivation and derivativeness are differentiated. The term the motivation and single-root terms imekt in word formation long tradition of the use though in a number of works only the term derivativeness and *odnokorenkny* still is still used. To call expediently sinkhronny relations between formally and semantic connected words the term the motivation, and diachronic formation of the word – derivativeness. For accurate differentiation of real emergence of the word and its synchronous formal semantic links it is necessary to distinguish concepts derivativeness and motivation. The examples presented in article visually testify to existence in modern Russian of big group of words with different degree of motivation.

Ключевые слова: словообразовательная мотивация, синхронное словообразование, производность, синхронная мотивированность.

Keywords: word-formation motivation, synchronous word formation, derivativeness, synchronous motivation.

Центральное понятие синхронного словообразования – *словообразовательная мотивация*, поскольку основным предметом изучения в синхронном словообразовании являются мотивированные слова.

Наиболее четко и эксплицитно проблема произвольности / обусловленности (мотивированности) знака была изложена Ф. де Соссюром [1]. Об этих пропорциях точно судить очень трудно, поскольку словарь открыт для новообразований и заимствований, благодаря чему меняется состав не только мотивированных, но и немотивированных слов. В ряде исследований содержатся данные о соотношении мотивированных и немотивированных слов: в русском языке – 66:34, во французском – 57:43 [2]. Исследователи (В. Г. Гак, О. И. Блинова, А. Н. Тихонов и др.) сходятся в том, что мотивированных слов гораздо больше, чем немотивированных, чем и определяется прежде всего важность и актуальность изучения словообразовательной мотивации.

Словообразование – это, по-видимому, единственный из крупных разделов языкознания, в котором не утвердилось общепринятой терминологии для наиболее существенных понятий – *мотивация / производность, мотивированное/производное/образованное от...* и т. п. В русистике долгое время употреблялись только термины *производность, производный, образованный от...* При этом чаще всего имелись в виду одновременно как синхронные связи, так и реальное образование слов, затем стал использоваться термин *мотивология*.

С другой стороны, можно назвать ряд работ, в которых используются оба ряда терминов (*мотивация* и *производность* и однокоренные), причем в значительной части этих работ мотивированность рассматривается как свойство производных слов. «Слова *дубняк, учитель, расчислить, беловатый* и др. – производные, так как называют предметы, явления или действия мотивированно по отношению к тому, что указано производящими *дуб, учить, чистить* или *белый*, которые, в свою очередь, являются непроизводными, так как называют предметы или явления реальной действительности непосредственно, безотносительно, немотивированно» [3].

Производность в синхронии и диахронии понимают по-разному [4]. Целесообразно синхронные отношения между формально и семантически связанными словами называть термином *мотивация*, а диахроническое образование слова – *производностью* [5]. В целях четкого разграничения реального возникновения слова и его синхронных формально-семантических связей необходимо различать понятия *производность* и *мотивация*. Понятие *мотивации (производности)* соответствует интуиции лингвистов хотя бы потому, что определяется или используется во всех работах по словообразованию. По мнению исследователей, есть определение мотивированного слова как такого слова, которое осознается как образованное от другого слова, имеющегося в том же языке той же эпохи; а мотивации – как отношения между словами, одно из которых осознается как мотивирующее (производящее, исходное), другое – как мотивированное (производное, образованное). Задачей лингвиста является зафиксировать свойства этих слов, т. е. выявить причину их восприятия как мотивирующих и мотивированных и тем самым сформулировать правила определения направления мотивации. Интуитивно ощущаемая образованность слова должна быть эксплицирована.

Сама синхронная мотивированность понимается в науке неоднозначно. В «Русской грамматике» она трактуется как явление формально-семантическое и используется для обозначения чисто синхронных отношений независимо от того, когда было образовано слово. И. С. Улуканов предлагает следующее определение словообразовательной мотивации – отношение между двумя словами, обладающими следующими признаками: 1) оба слова имеют один и тот же корень; 2) значение одного из слов или полностью входит в значение другого (*дом* – 'домик, маленький дом'; *победить* – 'победитель, тот, кто победил'), или тождественно лексическому значению другого, либо синтаксические позиции этих слов различны (сюда относятся пары типа *бежать* – *бег, белый* – *белизна, быстрый* – *быстро*, образуемые словами разных частей речи; второй член этих пар представляет собой, по Е. Куриловичу, синтаксический дериват), либо эти слова различаются стилистически (при тождестве синтаксических позиций): *книга* – *книжка, книженция*) [6].

Имея в виду необходимость этого разграничения, Н. А. Янко-Триницкая предложила вместо термина *производный* ввести *выводимый*, а вместо *производящий* – *базовый* [7]. Термины *мотивированный* и *мотивирующий*, по мнению Н. А. Янко-Триницкой, односторонне семантически. Однако термины *выводимый* и *базовый* не закрепились в словообразовательной терминологии, возможно, в силу того, что и *производящий*, и *мотивирующий* имели длительную традицию употребления.

И. А. Ширшов предлагает закрепить за термином *мотивированность* значение 'семантическая выводимость' по следующим причинам. Во-первых, понятие *семантическая выводимость* шире понятия *производности*. Например, слово *обод* подверглось формальному опрощению, а семантические связи со словом *обвести* – *обводить* сохранились, ср. *обод* – 'металлическая пластинка, охватывающая, обводящая колесо'. Это слово уже непроизводное, но еще мотивированное. Во-вторых, семантика слова, ввиду своей подвижности, обладает способностью к изменениям от отчетливости до ассоциативности, и слово обладает своей шкалой мотивированности. Кроме того, она испытывает на себе давление словообразовательной системы, что проявляется в полимотивированности. В-третьих, мотивированность обладает своей системой измерения и своей типологией.

При описании лексического значения мотивированного слова малопродуктивны формулы толкования, свойственные всем производным одного словообразовательного ряда, в таком случае в общем значении нивелируется индивидуальное. Само общее значение базируется на индивидуальном, лексическом, а не наоборот. При описании значений производных в толково-словообразовательном словаре возникает проблема характера семантических определений. При определении значения синхронно производного (мотивированного) слова важно учитывать его связи с синхронно производящим (мотивирующим) словом.

Е. А. Земская отмечает, что семантические определения типа *дождевик* – 'вид верхней одежды – легкое пальто', *подснежник* – 'растение из семейства амариллисовых с поникшим цветком', извлеченные из толковых словарей, содержат элементы энциклопедизма и не годятся для словообразовательного анализа, так как в них «скрыта», «замазана» связь между строением слова и его семантикой. Исходя из таких определений, все названные слова следует отнести к непроизводным, не обладающим внутренней формой, и их надо вывести из своих словообразовательных

гнезд. Предложенные Е. А. Земской определения вскрывают мотивированный характер данных слов, ср.: *дождевик* – 'легкое пальто, служащее средством защиты от дождя', *подснежник* – 'цветок, зацветающий сразу после таяния снега' [8].

При описании значений производных используются две основные формулы соотношения мотивированных и мотивирующих в зависимости от того, к какой подсистеме деривации принадлежит слово. Подсистема синтаксической деривации характеризуется абстрактностью формантной части значения, стандартизованностью отношений мотивированных и мотивирующих во всех группах производных. В этой подсистеме используется отсылочный способ представления значений мотивированных слов, ср.: *ходьба* – 'действие по глаголу ходить', *синева* – 'признак по прилагательному синий'. Сюда же войдет и часть мотивированных с модификационным значением, ср.: *столик* 'уменьш. к стол'.

Значение производных в подсистеме лексической деривации описывается не способом отсылки к значению мотивирующего, а способом включения мотивирующего в его толкование, ср.: *тракторист* – 'тот, кто водит трактор', *кусаться* – 'иметь обыкновение кусать'. Именно в подсистеме лексической деривации наиболее полно представлены различные типы мотивированности.

За последние годы изучение проблемы словообразовательной мотивированности активизировалось, и связано это с тем, что анализ лексико-семантических отношений между производящим и его производным имеет большое теоретическое и практическое значение: степень включения значения одного слова в значение другого слова может быть различна, и этим объясняется необходимость изучения степеней мотивированности слов.

Существует большая группа таких слов, которые находятся в зоне, пограничной между мотивированными и немотивированными словами. Именно существованием этой пограничной группы слов и объясняются многочисленные споры по поводу мотивированности/немотивированности, прозрачности/непрозрачности тех или иных слов, споры о границах синхронного гнезда слов. Так, например, у некоторых из этих слов, этимологически образованных на базе фразеологизмов, мотивация фразеологизмом ощущается и в настоящее время. *Баклушничать* – 'то же, что и бить баклуши – бездельничать, заниматься пустяками (первоначально – раскалывать полено на баклуши, т. е. чурки для выделки из них мелких щепных изделий)' образовано от фразеологизма *бить баклуши*. Происхождение существительного *баклуша* считается невыясненным. Семантика и структура слова позволяют объяснить его как производное с помощью суффикса *-уша* от той же основы *бакл-*, что и *балага* – 'деревянная обручная или долбленная посуда', диал. *баклан* – 'чурка', *калбан* – 'самодельная деревянная миска' [9]. В слове *околпачить* мы еще можем говорить о мотивирующих, пусть основанных на ассоциативных связях. *Околпачить* – 'прост. обмануть, одурачить'. *Колтак* – 'головной убор остроконечной, овальной и пр. формы; прост. о простодушном недалекоем человеке'. *Околпачить* – префиксальное производное от *колпачить* – 'дурачить', суффиксальное производное от *колтак* в значении 'дурак, простофиля', в диалектах еще отмечаемого.

Представленные примеры наглядно свидетельствуют о наличии в современном русском языке большой группы слов с разной степенью мотивированности. Перед современной наукой о структуре слов стоит задача – создать теорию синхронных степеней мотивации и дать диахроническую интерпретацию этих степеней, т. е. выявить диахронические факторы, влияющие на утрату или ослабление мотивированности слова. Эта задача далека от решения как в силу слабостью изученности материала, так и в силу его сложности и разнообразия. В центре внимания их авторов стоит вопрос о характере (прежде всего – степени близости) семантических отношений между анализируемыми словами. Решение этого вопроса тесно связано с проблемой соотношения системы языка и его функционирования в речи индивидуумов; и имеет не только теоретическое, но и практическое значение: проблема степеней мотивации встает при составлении морфемных и словообразовательных словарей (определение границ гнезда) и при составлении словариков этимологических словарей.

Примечания

1. *Соссюр Фердинанд де*. Труды по языкознанию. М., 1977.
2. *Гак В. Г.* Сопоставительная лексикология. М., 1977.
3. *Голев Н. Д.* Динамический аспект лексической мотивации. Томск, 1989. С. 37.
4. *Немченко В. Н.* Современный русский язык: Словообразование. М., 1984. С. 100.
5. *Улуханов И. С.* Мотивация в словообразовательной системе языка. М., 2005.
6. Там же.
7. *Янко-Триницкая Н. А.* Словообразование в современном русском языке. М., 2001.
8. *Земская Е. А.* Виды семантических отношений словообразовательной мотивации // *Wiener Slavistischen Almanach*. 1984. С. 3–23.
9. *Чанчина А. В.* Мотивированность и членимость слов с «десемантизированным» корнем: монография. Н. Новгород, 2011. С. 32.

Notes

1. Saussure Ferdinand. Trudy po jazykoznaniju [Works on linguistics]. M., 1977.
2. Hook V. G. Sopostavitel'naja leksikologija [Comparative lexicology]. M., 1977.
3. Golev N. D. Dinamicheskij aspekt leksicheskoy motivacii [Dynamic aspect of lexical motivation]. Tomsk, 1989. P. 37.
4. Nemchenko V. N. Sovremennyj russkij jazyk: Slovoobrazovanie [Modern Russian language: Derivation]. M., 1984. P. 100.
5. Ulukhanov I. S. Motivacija v slovoobrazovatel'noj sisteme jazyka [Motivation in the language word-formation system]. M., 2005.
6. Ibid.
7. Janko-Trinit'skaja N. A. Slovoobrazovanie v sovremennom russkom jazyke [Word formation in modern Russian]. M., 2001.
8. Zemsky E. A. Vidy semanticheskikh otnoshenij slovoobrazovatel'noj motivacii [Types of semantic relations formative motivation] // Wiener Slavistischen Almanach. 1984. P. 3–23.
9. Chanchina A. V. Motivirovannost' i chlenimost' slov s "desemantizirovannym" kornem: monografija [Motivation and chlenimost words "desemantised" root]. N.Novgorod, 2011. P. 32.

УДК 378.147:81

Н. М. Бекимбетова, А. Р. Исмагилова, Д. Р. Кочемасова

Индивидуальная оценка имен собственных личных и нарицательных в англоязычной и русскоязычной художественной литературе

Словарная статья представляет собой самостоятельный тип текста, обладающий специфической структурой и содержанием. В статье рассматриваются ласкательные антропонимы с грамматической точки зрения, представляющие собой не что иное, как аффиксальные дериваты, образованные посредством присоединения уменьшительного суффикса. Статья раскрывает специфику имен собственных и нарицательных как словесный языковой знак и показывает особенности их использования в русской и английской художественной литературе с точки зрения лингвокультурологии. Статья посвящена детальному анализу примеров художественной литературы с целью выявления факторов, определяющих семантику ласкательности в именах собственных и нарицательных; также дается описание категориям уменьшительности и ласкательности в лингвистике.

The entry represents the independent text type possessing specific structure and contents. In article the hypocoristic anthroponym from the grammatical point of view representing anything other as the affixal derivatives formed by means of accession of a diminutive suffix are considered. An article opens specifics of proper names and nominal as the verbal language sign, and shows features of their use in Russian and English fiction from the point of view of a cultural linguistics. An article is devoted to the detailed analysis of examples of fiction for the purpose of identification of the factors defining semantics of a hypocoristic in proper names and nominal and also the description is given to categories of diminutiveness and a hypocoristic in linguistics.

Ключевые слова: статья, английский язык, оценка, анализ.

Keywords: article, English, assessment, analysis.

В литературе различных народов давно замечена общая закономерность в употреблении личных имен и названий, которая выражается в стремлении наделять имена собственные характеристическими и оценочными качествами различной силы и степени. В художественном тексте содержание шире и сложнее, чем в текстах чисто логических, так как составляющая его информация оказывается многоплановой – и интеллектуальной, и эмоциональной, и эстетической. Имена у каждого народа связаны не только с его культурой, но и с развитием производительных сил. Для того чтобы какое-нибудь имя появилось у данного народа, необходимы определённые культурно-исторические условия. Поэтому многие имена несут на себе яркий отпечаток соответствующей эпохи. В русской лингвистической традиции все диминутивные производные обобщенно называют уменьшительно-ласкательными, хотя во многих случаях отсутствует не только компонент ласкательности, но и компонент уменьшительности, ср.: *тетрадка, иголка, книжка*

и др. Однако последние примеры не являются антропонимами, следовательно представляют для исследования лишь общенаучный интерес.

Однако характерно также, что семантическая связь между суффиксом и экспрессивной характеристикой не всегда может прослеживаться.

В английском и русском языках разграничиваются два основных типа дериватов: сокращения и субъективно-оценочные формы с суффиксом *-y* (в других вариантах *-ie*, *-ey*, *-sy*). Схематически это разграничение выглядит следующим образом:

William > Will > Willy; Barbara > Bab > Babbie; Richard > Dick > Dicky. В рассмотренных примерах первым идет вариант полного имени (*William*), далее следуют его дериваты: сокращенная форма (*Will*) и форма на *-y* (*Willy*).

В русском языке примерами подобных словообразовательных моделей служат уменьшительные суффиксы, выражающие достаточно широкий спектр значений, а именно: *-к-*, *-ик*, *-ишк-*, *-ечк-*, *-очк-*, *-чок*, *-оньк*, *-еньк* и др.

Проведем аналогию:

Александр > Саша > Сашенька; Иван > Ваня > Ванечка; Мария > Маша > Машенька; и т. п.

Имена из второго ряда парадигмы на приведенных схемах принято считать служащими цели языковой экономии и удобства, а имена в третьем ряду – формами выражения субъективной оценки. Последние употребляются в детском языке, а также как средство передачи ласки, симпатии, благожелательности.

Во всяком случае, оба вида дериватов противопоставлены полным формам, тяготеющим к официальному стилю речи.

Итак, далее мы перейдем к рассмотрению литературных примеров, содержащих имена собственные и нарицательные, образованные по определенным словообразовательным моделям и несущие в себе экспрессивную оценку.

Суффиксы *-ок*, *-очк(а)*, *-ечк(а)*, в сочетании с производящими основами с конкретно-предметным значением, придают производным существительным в основном уменьшительно-ласкательное значение.

А. Вежбицкая также отмечает «уменьшительно-ласкательный» характер суффикса *-очк(а)*, *-ечк(а)*, который объясняется тем, что суффикс «указывает на маленький размер, а также на хорошие чувства» [1].

«Аня, Анечка, бедная моя девочка, – сказал Аркадий, подошел к Анне и притянул ее к себе. – Тебе нужна помощь, я найду самого хорошего врача... – Не смей считать меня сумасшедшей! – крикнула Анна, резко оттолкнула его» [2].

Данный пример иллюстрирует варианты ввода имени собственного в художественном тексте. *Анна* – полная форма имени, стилистически нейтральная и не несет в себе экспрессивной оценки; *Аня* – гипокористическое имя, стилистически нейтральное. *Анечка* – ласкательный вариант, образованный посредством аффиксации, экспрессивность заложена в обращении, выражающем позитивное и даже «трепетное» отношение к здоровью именуемого. *Девочка* – имя нарицательное, уменьшительное от «дева», образованное при помощи суффикса *-очк*. Субъективная оценка, выражающая ласкательность, извлекается из контекста, в котором лексеме «девочка» предшествуют эпитет «бедная» и притяжательное местоимение «моя». Не лишним также будет упомянуть, что персонаж (Анна) – взрослая женщина.

Рассмотрим еще один пример:

«А в магазине, милок, все дорого. А я ведь не просто пошла, я ведь подарочек своему внучку искала. Хотела чего-нибудь необычное купить. Он у меня парнишечка интересный, все необычное страсть как любит. – Вот и иди поищи, <...>»

В рассмотренном примере мы наблюдаем целый ряд антропонимов, среди которых выделяется одно имя собственное (*Санечка*) и три апеллиатива (*дурочка*, *куколка*, *девочка*). Все антропонимы образованы посредством аффиксации – при помощи суффиксов *-ечк*, *-очк* и *-к*. Семантика ласкательности прослеживается на коннотативном уровне, так, даже апеллиатив «дурочка» имеет положительную коннотацию, на что указывают сопутствующие маркеры, а именно: прилагательные «маленькая», «нежная» и притяжательное местоимение «моя».

У производных с суффиксами *-еньк(а)*, *-оньк(а)*, *-ушк(а)* доминирующим значением является ласкательное. А. Вежбицкая отмечает, что суффикс *-еньк(а)* выражает ласковое отношение. Суффикс *-ушк(а)* также характеризуется как «добрый». Эти суффиксы не используются для обозначения маленьких детских вещей, т. е. не предполагают уменьшительного значения. А. Вежбицкая признает, что формы с данными суффиксами имеют в основном ласкательное значение.

Рассмотрим примеры:

«Буду, Кешенька, буду, – нисколько не обиделась Клавка. – Готово у тебя?.. Быстро вернись: – Все в порядке, Кешенька! Кеша удовлетворенно, с сознанием хорошо выполненного дела, вытирал ветошью руки <...>» [3].

«Причиной был Афонька Балмашов: ему в тридцать два года быть бы Афанасием Степановичем, а он все оставался... Но, заглянув однажды на рынок, прихватил Афоньку за противозаконным делом <...>» [4].

Ну, Иронька, ты бог знает что говоришь! – возмутилась Ксана – ее тоже можно было сразу признать по мягкой, увещательной интонации и по этому ласковому, уменьшительному обращению: «Иронька» [5].

В рассмотренных примерах уменьшительная семантика имен собственных «Афонька» и «Иронька» определяется прежде всего наличием деминутивного суффикса *-оньк*, однако лишь во втором примере наблюдается очевидный оттенок ласкательности, знаменателем которого являются слова автора (...по этому ласковому, уменьшительному обращению: «Иронька»). Что касается семантики ласкательности в первом примере (*Афонька*), то экспрессивность и оценочность здесь практически не прослеживается и, соответственно суффикс *-оньк*, указывает лишь на уменьшительность.

Как нам известно, английский язык располагает небольшим спектром уменьшительных суффиксов, которые образуют субъективно-оценочные формы личных имен, а именно суффиксы *-y* (в других вариантах *-ie*, *-ey*, *-sy*).

«*God is good said Jessica. Jessie girl you are a good friend to have around cause you always say something encouraging and that's good and nice*» [6].

В рассмотренном примере имя *Jessie* является уменьшительной формой от *Jessica*, образованной посредством аффиксации – добавления суффикса *-ie* к производящей основе. Семантика ласкательности заложена в существительном *girl*, которое является в данном случае маркером ласкательности. Кроме того, употребленная в первом предложении полная форма имени *Jessica* указывает на то, что гипокористическое имя *Jessie* не является случаем использования усеченной формы имени собственного в качестве официального. Аналогичным является следующий пример:

«*The Colonel poured the sand into Daniel's hand and then said – "Sand! They say it turned red because of the blood spilled for diamonds. This is our land, Danny boy. You're never gonna leave Africa"*» [7].

Суффикс *-y* указывает на уменьшительность, а существительное *boy* выступает в роли индикатора ласкательности. Использование в тексте полного и уменьшительного вариантов имени подчеркивает тот факт, что имя *Danny* не является официальным вариантом использования полного имени.

Следующий пример не менее интересен с точки зрения анализа уменьшительного деривата имени собственного:

«*He was a small boy, named Coreonte Witty but it was the very last name associated with him. He was too sweet and innocent to bear such a name. Corey or at least Coren might fit him perfectly. In fact, none of the inmates in his neighborhood even his Grandfather, an ex-military serviceman, called him Coreonte*» [8].

В рассмотренном примере наблюдаются все три формы парадигмы имени собственного *Coreonte*, а именно *Coren* > *Corey*. Ласкательная семантика последнего варианта, образованного при помощи суффикса *-ey*, не вызывает сомнений, так как автор сам дает субъективную оценку данному антропониму, объясняя это тем, что персонаж был слишком милым и невинным, чтобы носить такое имя и что никто не называл его *Coreonte*.

Английские абстрактные существительные не могут присоединять к своей основе вышперечисленные словообразовательные морфемы, что еще раз доказывает преобладание количественного признака в семантике уменьшительных наименований над эмоционально-оценочным [9].

Для носителей русского языка наличие огромного суффиксального потенциала для выражения тончайших смысловых нюансов от любви до презрения и ненависти является разумным фактом. Для этой цели наилучшим образом подходят эмоционально-оценочные суффиксы. И это не удивительно, ведь словообразовательные процессы всегда необходимы тогда, когда уже имеющийся арсенал лексических единиц оказывается недостаточным для того, чтобы посредством естественного языка передать определенную рационально-чувственную информацию об объекте или событии из реального мира. Носители русского языка часто прибегают к словообразованию в случаях возникновения потребности в эмоциональном маркировании языковых номинаций.

Несмотря на то что английский язык располагает определенным набором словообразовательных формантов с уменьшительной семантикой, которые функционируют в сфере имен нарицательных, частотность их употребления очень мала.

Примечания

1. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Рус. словари, 1997.
2. Брикер М. Тени солнечного города. М.: Эксмо, 2006.
3. Голубков М. Лога: повести и рассказы. Пермь, 1988. С. 155.
4. Соловьев Л. В. Одна любовь. М.: ФТМ, 2012.
5. Костыря И. Ордер на вселение: повесть. Киев: Рад. письменник, 1985.
6. G. M. E'Nos Cain and Abel in Modern Times. Xlibris Corporation, 2011.
7. Ross H. D. The writing performance. Philadelphia, Lippincott, 1973.
8. Ibid.
9. Белозерова Ф. М. Антропонимы в английской фразеологии / Ф. М. Белозерова, Н. Л. Шомахер // Актуальные проблемы лингвистики. Курган, 2000.

Notes

1. Vezhbitskaya A. YAzyk. Kul'tura. Poznanie [Language. Culture. Cognition]. M. Rus. slovani. 1997.
2. Briker M. Teni solnechnogo goroda [Shadows of solar city]. M. Eksmo. 2006.
3. Golubkov M. Loga: povesti i rasskazy [Log: novels and stories]. Perm. 1988. P. 155.
4. Soloviev L. V. Odnа lyubov' [One love]. M. FTM. 2012.
5. Kostyria I. Order na vselenie: povest' [Order to check-in: a novel]. Kiev. Rad. pismennik. 1985.
6. G. M. E'Nos Cain and Abel in Modern Times. Xlibris Corporation, 2011.
7. Ross H. D. The writing performance. Philadelphia, Lippincott, 1973.
8. Ibid.
9. Belozerova M. F. Antroponimy v anglijskoj frazeologii [Personal names in English phraseology / F. M. Belozerova, N.L. Shomakher // Aktual'nye problemy lingvistiki – Actual problems of linguistics. Kurgan. 2000.

УДК 811.111'374

А. Е. Евтушевская

Модель учебного словаря цветоименований английского языка

В данной статье представлена модель одноязычного учебного словаря цветоименований английского языка. В процессе составления данной модели словаря автор придерживается следующего порядка действий: исследование перспективы пользователя, определение типа лексикографического справочника и его адресата, выбор источников, разработка принципов формирования словника и способов лексикографирования входных единиц. Микроструктура словарных статей для цветоименований в моделируемом словаре следующая: заглавное слово, фонетическая транскрипция, дополнительная семантико-функциональная характеристика (ДСФХ), толкование и вербальные иллюстрации. В словарных статьях регистрируются различные значения входных единиц. ДСФХ включает следующие пометы: орфоэпическая, грамматическая, региональная, стилистическая и др. Данный словарь обладает культурологической направленностью и предоставляет пользователю большое количество информации, способствующей формированию его межкультурной компетенции. Метаязык словарных статей, а также организация мега-, макро- и микроструктуры словаря являются доступными для пользователей.

The article deals with the model of the monolingual learner's dictionary of English colour names. While compiling this dictionary the author adheres to the following sequence of actions: to research user's perspective, to define reference book type and its addressee, to choose dictionary sources, to work out principles of forming macrostructure and means of colour names lexicographic presentation. The colour names microstructure consists of the following components: headword (lemma), phonetic transcription, semantic and functional sub-comment, definition and verbal illustrations. The dictionary entries comprise a lot of explanations of colour names meanings. There are such labels as pronunciation, grammar, regional and stylistic ones, etc. This dictionary gives users possibilities in obtaining a great amount of cultural information. Metalanguage and organization of mega-, macro- and microstructure of the dictionary are user-friendly.

Ключевые слова: цветоименования, мега-, макро- и микроструктура словаря, культурологическая помета сферы функционирования.

Keywords: colour names, dictionary mega-, macro- and microstructure, Cultural Usage.

Цветоименования (далее – ЦИ) изучаются как отечественными, так и зарубежными учеными. Исследование ЦИ характеризуется множеством подходов, среди которых можно выделить

функциональный, исторический, лексико-семантический, грамматический, когнитивный, сопоставительный. Исследователями изучается состав цветообозначений в разных языках и культурах, особенности лингвоцветовой картины мира разных народов, цветовая символика, этимология, структура и семантика ЦН, рассматриваются особенности их функционирования в художественных, фольклорных произведениях и в составе фразеологических единиц. Проводятся исследования цветообозначений в области психолингвистики, этнопсихолингвистики, а также когнитивной и гендерной лингвистики. Однако при всем многообразии подходов и направлений ЦН остаются недостаточно изученными, разработанными и систематизированными в лексикографическом и культурологическом аспектах. Проблемой лексикографического описания ЦН стали заниматься сравнительно недавно, поэтому она требует тщательной проработки. В связи с этим **цель** данной работы состоит в определении основных параметров модели одноязычного учебного словаря наименований цвета английского языка для русскоязычных пользователей.

Актуальность данного исследования определяется культурологическими тенденциями современной лексикографии, необходимостью системного изучения английских ЦН и методов их лексикографирования, потребностью в специальных словарях, регистрирующих наименования цвета и способствующих предотвращению коммуникативных неудач в процессе межкультурного общения.

Изучение теоретических трудов, посвященных ЦН, и проведение лексикографического анализа одноязычных словарей различных типов для учебных целей привели к идее создания авторской модели учебного словаря ЦН английского языка (далее – *УСЦ*), адресованного русскоязычным пользователям.

При составлении модели учебного словаря ЦН, вслед за представителями Ивановской лексикографической школы (О. М. Карпова; О. А. Ужова и др.), за основу принимались следующие критерии:

- 1) важность выбора надежных источников словаря;
- 2) полнота словника;
- 3) полнота и качество лексикографической обработки входных единиц словника (включение в словарную статью таких информационных категорий, как входная единица, различные виды помет, толкование, иллюстративные примеры и т. д.) [1].

Наряду с этим существует много факторов, влияющих на состав словника, среди которых можно выделить информационные потребности пользователей: частотность, воспроизводимость фиксируемых в словнике единиц, системность, специфика лексикографируемой предметной области, назначение и проектируемый объем словаря, а также состав и объем информации о единицах словника и др. [2]

В процессе составления данной модели словаря мы придерживались такой последовательности действий: *исследование перспективы пользователя, определение типа лексикографического справочника и его адресата, выбор источников, разработка принципов формирования словника и способов лексикографирования входных единиц.*

Как известно, учебная лексикография – это область, наиболее чувствительная к социально и культурно обусловленным потребностям общества и человека, поэтому при планировании данного справочника должна учитываться перспектива пользователя (*user's perspective*) [3]. Для получения объективной оценки нужд потенциальных пользователей моделируемого словаря нами было проведено *анкетирование* среди студентов факультета романо-германской филологии и отделения «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» Ивановского государственного университета. Целью опроса стало выявление уровня знаний студентов основных и оттеночных ЦН и их культурных ассоциаций. Анализ ответов информантов показал низкий уровень знаний учащихся в области культурных особенностей как базовых, так и оттеночных наименований цвета.

Кроме того, важно было определить, каково отношение информантов к идее создания учебного словаря ЦН. Интересным было получить ответы на следующие вопросы: каким по языку, лексикографической форме и формату должен быть проектируемый *УСЦ*, а также какой следуют быть организации слов в словнике моделируемого словаря, и какие компоненты должна включать словарная статья *УСЦ* и др. При ответе на вопрос относительно актуальности создания словаря ЦН большая часть информантов ответила положительно (**94%**), что очень важно для нашего исследования.

Итак, проведенное анкетирование, направленное на определение нужд и потребностей пользователя, показало актуальность создания модели учебного словаря ЦН. Потенциальные пользователи проектируемого справочника приветствуют создание подобного словаря. Результаты опроса были учтены при выборе лексикографической формы, формата, языка, построения словника и лексикографической обработки входных единиц.

Прежде всего, необходимо определить *место словаря в рамках существующей типологии лексикографических изданий*. В первую очередь отметим, что моделируемый УСЦ – это *словарь синтетического типа*, отражающий парадигматические, синтагматические, концептуальные и ассоциативные связи слова. Словарь имеет явную **культурологическую направленность**. Во-первых, все базовые ЦН характеризуются многозначностью и представляют собой культурные артефакты: значения ЦН отражают реалии окружающего мира и человека, их внешние и внутренние характеристики, признаки и качества, политическую, социокультурную и практическую информацию [4]. Во-вторых, в моделируемом словаре многие словарные статьи содержат *культурологический комментарий*, который предоставляет пользователю возможность глубже постичь культуру англоязычных стран и обогатить свои фоновые знания.

Проектируемый словарь является *учебным*, поскольку его основное назначение – помочь учащимся филологических и переводческих факультетов в овладении культурными особенностями ЦН английского языка. Следует отметить, что репертуар дополнительной семантико-функциональной характеристики (ДСФХ) в моделируемом словаре достаточно широко развит и включает разные виды помет, что также характерно учебному справочнику.

Планируемый словарь является *толковым* по лексикографической форме описания входных единиц: его основная задача заключается в передаче значений ЦН с их подробной семантико-функциональной характеристикой. По количеству языков данный словарь является *одноязычным англо-английским справочником*.

По формату проектируемый словарь является **электронным**. Это наиболее удобный вариант с точки зрения перспективы пользователя [5]. Главную роль в выборе формата сыграли явные преимущества электронного словаря над печатным: охват большего объема информации, высокая скорость и разнообразие стратегий поиска справки. Говоря о достоинствах электронных форм, О. М. Карпова отмечает возможность постоянного обновления словарей в сети Интернет, получения запрашиваемой информации за считанные секунды, экономию времени, а также то, что поисковые стратегии пользователя, работающего с электронными справочниками, отличаются большей креативностью по сравнению с возможностями, предоставляемыми печатными продуктами [6]. Таким образом, благодаря электронному формату, очень популярному в последнее время, становится возможным отвечать ряду важных нужд пользователя, что было бы невозможно с печатным справочником.

Итак, моделируемый словарь будет **электронным, одноязычным учебным толковым справочником синтетического типа с культурологической направленностью**.

При составлении любого словаря очень важно учитывать *аспект адресата*. По мнению К. Варантолы, все пользователи подразделяются на три группы: 1) *изучающие язык* (language learners); 2) *непрофессиональные пользователи* (non-professional users); 3) *профессиональные пользователи* (professional students) [7].

О. М. Карпова и М. А. Кулагина выделяют шесть групп пользователей, согласно принятым международным классификациям: 1) *нулевой уровень* (starter); 2) *элементарный или начальный* (beginner или starter); 3) *ниже среднего* (pre-intermediate); 4) *средний* (intermediate); 5) *выше среднего* (upper-intermediate); 6) *продвинутый* (advanced) [8].

Адресатом планируемого словаря могут быть учащиеся филологических факультетов, преподаватели, переводчики, интересующиеся языком и культурой англоязычных стран. Кроме того, УСЦ может быть предназначен как для специалистов в области рекламы, психологов, журналистов, дизайнеров, которые проявляют все больший интерес к исследованию ЦН, так и для широкого круга читателей, интересующихся вопросами связи языка и культуры.

При составлении словаря очень важным становится вопрос об источниках словаря. Выделяются *первичные* и *вторичные источники* для формирования корпусов словарей. Первичными источниками для данного словаря стали известные исследования ЦН как зарубежных, так и отечественных ученых (В. Berlin, Р. Kay, 1969, Ch. K. McDaniel, 1978, А. Вежбицкая, 1996, И. В. Макеенко, 1999, В. А. Москович, 1969, А. П. Василевич, 2003, Р. М. Фрумкина, 1984 и др.). Вторичными источниками являются существующие лексикографические издания, по-разному трактующие наименования цвета:

1. Fielding N. S. A dictionary of colour, to which is prefixed A grammar of colour. L., 1854 [9].
2. Maerz A., Paul M. R. A Dictionary of Colour. N. Y., 1930 [10].
3. Paterson I. A Dictionary of Colour: A Lexicon of the Language of Colour. London, 2003 [11].
4. Cambridge Advanced Learner's Dictionary with CD-ROM. Cambridge, 2008 [12].
5. Collins Dictionary of the English Language. Glasgow, 2010 [13].
6. Longman Dictionary of English Language and Culture. Edinburgh, 2005 [14].
7. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. L., 2006 [15].

8. The New Oxford Dictionary of English. Oxford, 1998 [16].

9. Online Etymology Dictionary [17].

При отборе ЦН в проектируемый словник учитываются следующие критерии:

1) наличие в семантике лексических единиц общей семы «цвет», представленной как эксплицитно, так и имплицитно;

2) общеизвестность входной единицы для носителей данного языка и культуры;

3) актуальность единицы для современного языкового сознания.

Сложность описания ЦН связана с психическим аспектом цветовосприятия: необходимостью различения значительного количества цветов и оттенков, воспринимаемых с большой долей субъективности [18]. Как известно, число различаемых человеком оттенков велико. Цвета делятся по бинарным оппозициям на *ахроматические* и *хроматические* с последующим бинарным делением хроматических цветов на «*теплые*» и «*холодные*». К ахроматическим (бесцветным) цветам относятся белый, черный и серый. Эти цвета концептуализируются в ментальном представлении на начальном этапе эволюции цветовой картины мира. Хроматические (цветные) цвета делятся на «теплые» (красный, оранжевый, желтый) и «холодные» (зеленый, синий / голубой, фиолетовый). Как правило, «теплые» цвета ассоциируются с образами солнца, тепла, огня, радости, счастья. «Холодные цвета» – это цвета гармонии, умиротворения, высшей духовности [19]. Если ахроматические и основные цвета спектра легко идентифицируются, то множество сложных оттенков цвета воспринимаются по-разному и смешиваются в процессе отождествления с эталоном. Один и тот же сложный цвет может быть поименован различными ЦН, например: *лиловый, пурпурный, фиолетовый (purple)*. Поэтому носители языка с трудом дифференцируют оттенки цвета, близкие по основному тону. Как известно, номинация сложных цветов осуществляется по аналогии с различными объектами внеязыковой действительности, обладающими характерной окраской и входящими в круг повседневной жизнедеятельности, которые выполняют функцию эталона для определения цветового оттенка. В числе эталонных носителей цветового признака значительное место занимают фрукты, овощи, ягоды и др. Так, А. П. Василевич выделяет девять тематических групп предметов, названия которых используются в описании цвета. Свое исследование ученый проводит на материале русского языка:

1. **Неживая природа** (небо, вода, земля, минералы – кроме металлов и драгоценных камней): дымчатый, земляной, болотный, цвет морской волны, мраморный, небесный, пепельный и др.

2. **Флора** (названия предметов растительного мира и сопутствующих понятий – например, трава, листва, береза, ель, кора, ил, кроме цветов, которые ввиду своей значимости вынесены в отдельную категорию): цвет алоэ, бамбука, ясеня, древесный, травяной, соломенный и др.

3. **Цветы** (сирень, фиалка, глициния): васильковый, дикая орхидея, сиреневый, фиалковый и др.

4. **Фауна** (животные и связанные с ними слова – лиса, ворона, фламинго, мех, кровь, кожа, яичная скорлупа): павлиний глаз, канареечный, коралловый, кровавый, мышинный, перламутровый и др.

5. **Плоды, ягоды, овощи** (малина, слива, томат, орех, морковь, салат): абрикосовый, апельсиновый, брусничный, гороховый, малиновый, лимонный, фисташковый, салатный и др.

6. **Продукты питания** (вино, кофе, кисель, молоко, мука): бордовый, винный, горчичный, кофейный, кремковый, молочный, сливочный, шоколадный и др.

7. **Металлы и драгоценные камни** (золото, серебро, медь, изумруд, сапфир, агат): аквама-риновый, бирюзовый, гранатовый, золотой, медный, рубиновый, серебряный, стальной и др.

8. **Артефакты** (продукты человеческой деятельности – асфальт, чернила, шинель, сигара, кирпич; в эту группу также включены несколько популярных красок и красителей – кармин, индиго): бутылочный, индиговый, кирпичный, табачный, терракотовый, чернильный и др.

9. **Имена собственные** (сюда входят топонимы, антропонимы и прочие – Онега, Бермуды, Аврора, Куинджи): альпийская лужайка, оксфордский синий, утренняя Аврора и др. [20]

Итак, моделируемый справочник представляет собой попытку создания словаря, в котором будут представлены как базовые, так и оттеночные наименования цвета различных тематических групп, что позволит пользователям получить подробную информацию о данных лексических единицах английского языка. Вышеуказанные источники позволяют создать научно обоснованную модель справочника, в котором свое отражение находит как языковая информация о той или иной лексической единице, так и экстралингвистические сведения.

А теперь более подробно остановимся на *мега-, макро- и микроструктуре проектируемого словаря*.

Мегаструктура моделируемого справочника имеет традиционную трехчастную структуру: введение, словник и ряд приложений – и включает компоненты, принятые в современных авторитетных словарях английского языка. К ним относятся:

1. Содержание (*Contents*).
2. Предисловие (*Introduction*).
3. Руководство по использованию справочника (*Guide to the Dictionary*).
4. Список использованных источников и условных сокращений (*References and abbreviations*).
5. Словник (*A-Z*).
6. Раздел приложений (*Appendix one: Colour phrases; Appendix two: The colours in alphabetical order*).

Необходимо отметить, что при проектировании данного словаря были учтены результаты анализа словарей для учебных целей. Поскольку набор составляющих в исследованных словарях стандартен, мы следуем за существующей практикой и делаем модель привычной, а значит располагающей к использованию (*user friendly*).

Макроструктура словаря

В современной учебной лексикографии успешно используется алфавитная организация словника, что подчеркивается в различных исследованиях [21]. Результаты проведенного анкетирования также показали, что большая часть информантов (93%) хотела бы видеть в моделируемом справочнике алфавитную организацию слов. В связи с этим в предложенной модели словаря входные единицы расположены в алфавитном порядке: A B C D E F G H I J K L M N O P Q R S T U V W X Y Z.

В качестве входных единиц выступают единицы различных уровней: *отдельные лексические единицы* (black, orange, purple) и *словосочетания* (black and white, black belt, black comedy). Основу корпуса моделируемого словаря составили знаменательные части речи – имена существительные, имена прилагательные и глаголы в канонической форме.

Так, можно выделить следующие тематические группы ЦН, отраженные в проектируемом словаре: Неживая природа (небо, вода, земля, минералы): *snowy, sandy*. Металлы и драгоценные камни: *aluminium, gold(en), silver, amethystine, emerald, sapphire*. Флора (названия растений и цветов и связанные с ними понятия): *daffodil, lily-white, lilac*. Фрукты, овощи, ягоды, орехи, плоды: *peach, orange, lemon, caroty, olive, cherry, crimson, plum, mulberry, strawberry, mase*. Фауна (животные, птицы и связанные с ними слова): *buff, mousy, foxu, canary, salmon pink*. Продукты питания, напитки и т. п.: *milky, chocolate, cream, biscuit, coffee*. Артефакты (продукты человеческой деятельности): *terracotta, brick-red*. Имена собственные: *Nile green, Cambridge blue, Oxford blue*.

ЦН по своей структуре бывают *простыми* (red, orange) и *сложными*. Морфологически сложные ЦН состоят из слов, уточняющих интенсивность окраски (pale, dark, bright, vivid) и простых цветообозначений (dark-blue, light-brown, bright-red), из основных и оттеночных цветообозначений, которые по-разному комбинируются в речи. Например, основное + основное ЦН (yellow-green, green-blue), оттеночное + основное ЦН (sky-blue, emerald-green), основное + оттеночное ЦН (yellow-lemon, red-blooded), оттеночное + оттеночное ЦН (creamy milk, orange-pink). Наиболее активными и многочисленными являются сложные цветообозначения со словами, уточняющими интенсивность окраски и двусоставные цветообозначения (оттеночное + основное) [22]. К группе сложных цветообозначений в английском языке относятся также цветообозначения, первая часть которых может быть представлена как основным, так и оттеночным цветообозначением с суффиксальным окончанием *-ish-*, которое обозначает слабую степень окраски (bluish-green, purplish-blue). Словосочетания типа *dove-coloured* и конструкция *the colour of...* представляют собой источник и способ создания цветообозначений в речи (coffee-coloured, the colour of crushed strawberry). Существует огромное количество цветообозначений, построенных таким образом. В проектируемом словаре будут зарегистрированы разные комбинации наименований цвета. Но вышеперечисленные группы цветообозначений не представляют собой замкнутую систему, поэтому нет как возможности, так и необходимости зафиксировать в словаре все возможные комбинации цветообозначений.

Микроструктура словаря

Словарные статьи представлены тремя типами:

- словарные статьи к однословным входным единицам;
- словарные статьи к лексемам с регистрацией словосочетаний с данной лексемой;
- словарные статьи, в которых в качестве входной единицы выступает словосочетание.

Микроструктура словарных статей для ЦН в моделируемом словаре следующая: **заглавное слово, фонетическая транскрипция, дополнительная семантико-функциональная характеристика (ДСФХ), толкование и вербальные иллюстрации**. Входные единицы словарных статей выделены жирным шрифтом. После лексических единиц дается фонетическая транскрипция в символах Международного Фонетического Алфавита (*International Phonetic Alphabet*). Далее следует

особый символ (●), нажав на который, пользователь получает возможность услышать, как произносится слово. Репертуар ДСФХ достаточно широко развит и включает разные виды помет: грамматическая (*verb, noun, adjective*), стилистическая (*literary, poetic, formal, informal*), региональная (*Amer., Brit., Austral., NZ*). Важной информационной категорией является введение пометы сферы употребления (*Physics*). Достоинство данного словаря – присутствие этимологической пометы, которая отражает развитие и изменение лексемы в диахроническом аспекте. Информация о происхождении лексической единицы дается в конце словарной статьи (**ETYMOLOGY**).

Пользователь словаря получает необходимую информацию о грамматической стороне входной единицы, в частности о частеречной принадлежности языковой единицы: n – noun, adj – adjective, v – verb. В качестве дополнительной грамматической характеристики для имен существительных указывается их принадлежность к группе исчисляемые / неисчисляемые имена существительные (C – countable, U – uncountable), иногда – категория числа (Sing. – единственное число, Pl. – множественное число), для глаголов – переходность/непереходность (T – transitive, I – intransitive).

Необходимо отметить, что особое место в проектируемом словаре отводится включению в микроструктуру красочных иллюстраций и фотографий с изображением того или иного цвета, предмета, события и т. д.

Главной особенностью моделируемого справочника является введение в микроструктуру пометы, указывающей на употребление лексической единицы: при необходимости у входной единицы при нажатии появляется культурологическая помета сферы функционирования **CULTURAL USAGE**, способствующая устранению типичных ошибок, возникающих в процессе межкультурной коммуникации. Введение данного типа пометы является попыткой преодолеть общий недостаток словарей ЦН, ориентированных лишь на значение, а не на употребление. Для того чтобы показать реальное функционирование входной единицы в речи, в микроструктуру также вводятся иллюстративные примеры (**+ Extra Examples**). Некоторые словарные статьи снабжены разделом **INTERESTING INFORMATION**, откуда пользователь может получить интересную и познавательную для него информацию о ЦН английского языка и, тем самым, обогатить свои фоновые знания. В словарную статью могут быть включены идиоматические выражения (**not be as black as you are painted, paint a black picture of sth / sb**), в составе которых присутствует заглавное слово, их знание необходимо изучающим английский язык для успешной коммуникации.

Так выглядит словарная статья к ЦН **black** adj:

black UK ● US ● /фонетические символы/ *adj*

1 having the darkest colour, like the sky at night when there is no light:

◆ *He was wearing black shorts.*

◆ *His hair was black.*

◆ *clouds of thick black smoke* **+ Extra Examples**

2 black or **Black** belonging or relating to a race of people with dark skin, especially people whose families were originally from Africa:

◆ *He's trying to win the black vote.*

◆ *Dr King was a leader in the Black community.*

◆ *a famous black actor* **+ Extra Examples**

3 tea or coffee that is black has no milk in it:

◆ *I'll have my coffee black, please.* **+ Extra Examples**

4 making people feel unhappy or lose hope:

◆ *one of the blackest moments in British history*

◆ *It's a black day for the car industry.*

◆ *black despair* **+ Extra Examples**

5 showing angry or unhappy feelings:

◆ *She gave me a black look.*

◆ *a black mood* **+ Extra Examples**

6 relating to sad or unpleasant things such as death or illness:

◆ *black humour* **+ Extra Examples**

7 literary evil or cruel:

◆ *a black deed*

◆ *a black-hearted villain* **+ Extra Examples**

8 especially *Brit.* not approved of, or not to be handled, by members of a trade union during a STRIKE:

◆ *a black cargo*

◆ *black labour* **+ Extra Examples**

PHRASES!

- ▶ **look on the black side** *informal* view a situation from a pessimistic angle
- ▶ **not be as black as you are painted** *informal* not to be as bad as people say you are
- ▶ **paint a black picture of sth / sb** to describe a situation or person as extremely bad

+ Extra Phrases

CULTURAL USAGE

Compare **black**, **coloured**, and **Negro**. **Black** is the word which is preferred by many black people. **Coloured** and especially **Negro** are now considered by many black people to be offensive. In the US, many black people prefer to be called **African-Americans** in formal situations such as in newspapers or government statements.

INTERESTING INFORMATION

In the US and UK, people traditionally wear black clothes when they go to a funeral, as a sign of sadness. In some old stories and films, especially WESTERNS, the bad character wears black clothes, and the good character wears white clothes.

ETYMOLOGY

Old English *blæc* "dark", from Proto-Germanic **blakaz* "burned" (cognates: Old Norse *blakkr* "dark", Old High German *blah* "black", Swedish *bläck* "ink", Dutch *blaken* "to burn"), from PIE **bhleg-* "to burn, gleam, shine, flash" (cognates: Greek *phlegein* "to burn, scorch", Latin *flagrare* "to blaze, glow, burn"), from root **bhel-* "to shine, flash, burn". The same root produced Old English *blac* "bright, shining, glittering, pale"; the connecting notions being, perhaps, "fire" (bright) and "burned" (dark). The usual Old English word for "black" was *sweart*. According to OED: "In ME. it is often doubtful whether *blac*, *blak*, *blake*, means 'black, dark,' or 'pale, colourless, wan, livid.' " Used of dark-skinned people in Old English.

Важным преимуществом проектируемого словаря является креативная возможность для пользователя, так как именно читатель решает, какая информация ему нужна. В связи с этим на экран выводится не сразу вся информация о входной единице. Такие разделы словарной статьи, как **+ Extra Examples**, **PHRASES!**, **CULTURAL USAGE**, **INTERESTING INFORMATION**, **ETYMOLOGY**, пользователь не сразу видит в полном объеме, а лишь при нажатии на них мышкой. На наш взгляд, это очень удобно, так как не загромождает экран.

Таким образом, данная модель словаря разработана с учетом принципов и методологии как отечественной, так и зарубежной лексикографии. В модели учебного словаря ЦН принимаются во внимание современные тенденции унификации словарной статьи (лингвистическая, энциклопедическая информация), предоставляется информация языкового плана (произношение, правописание, стилистическая, грамматическая характеристики, словосочетания и идиомы).

Примечания

1. Карпова О. М. Английская лексикография: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. М.: Изд. центр «Академия», 2010; Ужова О. А. Лексикографическое отражение английской культуры в словарях английского языка. Историко-типологическое исследование: дис. ... д-ра филол. наук. Иваново, 2011.
2. Там же.
3. Карпова О. М. Указ. соч. С. 162.
4. Охрицкая Н. М. Лингвокультурологический аспект многозначности цветоименований: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2012. С. 5–6.
5. Карпова О. М. Указ. соч. С. 101–105; Atkins B. T., Rundell M. The Oxford Guide to Practical Lexicography. Oxford: Oxford University Press, 2008; Svendsen B. Practical Lexicography: Principles and Methods of Dictionary-Making. Oxford: Oxford University Press, 1993.
6. Карпова О. М. Указ. соч.
7. Varantola K. On the Information Needs of Dictionary Users // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лексикографии: межвуз. сб. науч. тр. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1997. С. 98–99.
8. Карпова О. М., Кулагина М. А. Словари для иммигрантов: новый тип словаря. М.: Изд-во МГОУ, 2010. С. 84.
9. Fielding N. S. A dictionary of colour, to which is prefixed A grammar of colour. Available at: <http://books.google.ru/books?id=eySDAAAQAAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>. (accessed 23.11.2015)
10. Maerz A., Paul M. R. A Dictionary of Colour. N. Y.: McGraw-Hill Book Company, Inc., 1930.
11. Paterson I. A Dictionary of Colour: A Lexicon of the Language of Colour. L.: Thorogood Publishing Ltd, 2003.
12. Cambridge Advanced Learner's Dictionary with CD-ROM. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
13. Collins Dictionary of the English Language. Glasgow: HarperCollins, 2010.
14. Longman Dictionary of English Language and Culture. Edinburgh: Longman, 2005.
15. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. L.: Macmillan Education, 2006.
16. The New Oxford Dictionary of English. Oxford: Oxford University Press, 1998.
17. Online Etymology Dictionary. Available at: <http://www.etymonline.com>. (accessed 23.11.2015)
18. Василевич А. П., Кузнецова С. Н., Мищенко С. С. Цвет и названия цвета в русском языке. М.: КомКнига, 2005. С. 108–115.

19. *Охрицкая Н. М.* Указ. соч. С. 8.
 20. *Василевич А. П.* Указ. соч. С. 187.
 21. *Hartmann R. R. K., James G.* Dictionary of Lexicography. L.; N. Y.: Routledge, 1998; *Jackson H.* Lexicography. An Introduction. L.: Taylor & Francis / Routledge, 2002; *Béjoint H.* The Lexicography of English: from Origins to Present. Oxford: Oxford University Press, 2010.
 22. *Макеенко И. В.* Семантика цвета в разноструктурных языках (универсальное и национальное): дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1999. С. 55–60.

Notes

1. *Karpova O. M.* Angliyskaya leksikografiya. Ucheb. posobie dlya stud. filol. fak. vyssh. ucheb. zavedeniya [English lexicography. Textbook for University students of Philological Departments]. Moscow. "Akademiya" Publ. 2010; *Uzhova O. A.* Leksikograficheskoe otrazhenie angliyskoy kultury v slovaryakh angliyskogo yazyka. Istoriiko-tipologicheskoe issledovanie. Dis. dokt. filol. nauk [Lexicographic description of English culture in English dictionaries. Historical and typological study. Philology Doct. Diss.]. Ivanovo. 2011. 3
 2. Ibid.
 3. *Karpova O. M.* Op. cit. P. 162.
 4. *Okhritskaya N. M.* Lingvokulturologicheskiy aspekt mnogoznachnosti tsvetonaimenovaniy. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Colour names polysemy from linguistic and cultural point of view. Abstract of Philology Cand. Diss.]. Chelyabinsk. 2012. Pp. 5–6.
 5. *Karpova O. M.* Op. cit. Pp. 101–105; *Atkins B. T., Rundell M.* The Oxford Guide to Practical Lexicography. Oxford: Oxford University Press, 2008; *Svensen B.* Practical Lexicography: Principles and Methods of Dictionary-Making. Oxford: Oxford University Press, 1993.
 6. *Karpova O. M.* Op. cit.
 7. *Varantola K.* On the Information Needs of Dictionary Users // Aktualnye problemy teoreticheskoy i prikladnoy leksikografii – Important problems of theoretical and practical lexicography. Mezhhuzovskiy sbornik nauchnykh trudov – Interuniversity collection of scientific works. Ivanovo. Ivanovo State University. 1997. Pp. 98–99.
 8. *Karpova O. M., Kulagina M. A.* Slovarei glyya immigrantov: novyy tip slovarya [Dictionaries for immigrants: a new dictionary type]. Moscow. MGOU Publ. 2010. P. 84.
 9. *Fielding N. S.* A dictionary of colour, to which is prefixed A grammar of colour. Available at: <http://books.google.ru/books?id=eySDAAAAQAAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>. (accessed 23.11.2015)
 10. *Maerz A., Paul M. R.* A Dictionary of Colour. New York: McGraw-Hill Book Company, Inc., 1930.
 11. *Paterson I.* A Dictionary of Colour: A Lexicon of the Language of Colour. London: Thorogood Publishing Ltd, 2003.
 12. Cambridge Advanced Learner's Dictionary with CD-ROM. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
 13. Collins Dictionary of the English Language. Glasgow: HarperCollins, 2010.
 14. Longman Dictionary of English Language and Culture. Edinburgh: Longman, 2005.
 15. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. London: Macmillan Education, 2006.
 16. The New Oxford Dictionary of English. Oxford: Oxford University Press, 1998.
 17. Online Etymology Dictionary. Available at: <http://www.etymonline.com>. (accessed 23.11.2015)
 18. *Vasilevich A. P., Kuznetsova S. N., Mishchenko S. S.* Tsvet i nazvaniya tsveta v russkom yazyke [Colour and colour names in Russian]. Moscow. KomKniga. 2005. Pp. 108–115.
 19. *Okhritskaya N. M.* Op. cit. P. 8.
 20. *Vasilevich A. P., Kuznetsova S. N., Mishchenko S. S.* Op. cit. P. 187.
 21. *Hartmann R. R. K., James G.* Dictionary of Lexicography. London, New York: Routledge, 1998; *Jackson H.* Lexicography. An Introduction. London: Taylor & Francis / Routledge, 2002. 200 p.; *Béjoint H.* The Lexicography of English: from Origins to Present. Oxford: Oxford University Press, 2010.
 22. *Makeenko I. V.* Семантика тsveta v raznostrukturnykh yazykakh (universalnoe i natsyonalnoe). Dis. kand. filol. nauk [Colour semantics in multi-structural languages (universal and national aspects). Philology Cand. Diss.]. Saratov. 1999. Pp. 55–60.

УДК 811.111: 811.161.1

Д. Э. Рахматуллина, Э. Р. Замалютдинова

Референциальный статус постпозитивов английских фразовых глаголов в темпоральном контексте

В статье рассматриваются английские послелоговые конструкции, функционирующие с фразовыми глаголами и придающие высказыванию проспективную ориентацию, частично или полностью изменяя при этом лексическое значение фразового глагола. Задача данной работы – является выявление способности послелога автономно придавать высказыванию футуральную семантику при глаголе, не входя в состав именной обстоятельственной группы.

В данной работе делается попытка выявить влияние лексического значения второго компонента фразового глагола (постпозитива) на темпоральный контекст высказывания. Рассматривается группа фразовых глаголов, в которой значение второго компонента полностью не ассимилировалось со значением глагола, а придает ему дополнительное категориальное значение временного следования. Референциальный анализ проводится с учетом темпорально-аспектуального синкретизма семантики предлогов на глубинно-семантическом уровне.

The article analyses English postpositions which function with phrasal verbs and create the prospective phrase orientation modifying or totally transforming the lexical meaning of the phrasal verb. The aim of this research is to find out if the adverbial postposition is capable of representing the phrase futural semantics not being included into adverbial group. We make an attempt to point out that the lexical meaning of the second phrasal verb component (the postposition) influences the phrase temporal contest. The group of phrasal verbs in which the second component meaning is not absolutely assimilated with the verb meaning but adds to it the supplementary categorical time sequence meaning is being investigated. The referential analysis is being carried out with regard for the aspect-temporal syncretism of preposition semantics.

Ключевые слова: лексическое значение, категориальное значение, значение временного следования, исходно-опорная точка, референциальная точка, фразовый глагол, постпозитив.

Keywords: lexical meaning, categorical meaning, time sequence meaning, starting component, referential component, phrasal verb, potposition.

Среди слов, выступающих послелогом аналитического глагола, выделяются классические предлоги системы языка, способные функционировать в языке-речи как препозитивы, так и как постпозитивы и классические наречия. Сочетаясь с именной группой, предлог участвует в образовании обстоятельственной или определительной структуры. Примыкая к глаголу, при этом уточняя или изменяя его семантику, предлог выполняет функцию наречия: "Adverbs are so called because they may be added to verbs <...> Prepositions tell us more about what is denoted by the verb, and therefore, adverbs" [1]. По утверждению Т. Е. Коноваловой, предлог сначала употреблялся для уточнения значения падежей, потом центр тяжести выражения синтаксических связей был перемещен на предлоги, поскольку падежные отношения постепенно стали утрачивать свое значение [2].

В данной работе мы делаем попытку выявить влияние лексического значения второго компонента фразового глагола (постпозитива) на темпоральный контекст высказывания. Рассматривается группа фразовых глаголов, в которой значение второго компонента полностью не ассимилировалось со значением глагола, а придает ему дополнительное категориальное значение временного следования.

За основу исследования мы принимаем систему глубинного референциального анализа временной структуры текста как комплексной категории с планами содержания и выражения, семантической доминантой которой является соотнесенность с предустановленной референциальной точкой, имеющей как эксплицитное, так и имплицитное выражение, разработанную М. Н. Закамулиной [3]. **Референциальной точкой** мы будем называть частное временное значение, уточняющее временную локализацию относительно некоей исходной точки двух видов: **исходно-опорной**, автономно локализующей действие, и **ситуативно-опорной**, обозначающей линейный интервал между исходным событием и референциальной точкой.

Послелог **on**, получивший в акте синтаксической транспозиции статус наречия, выражает значение продвижения или прогресса в пространстве (to send one's luggage on – послать багаж вперед) наряду со значением нахождения в контакте с каким-либо предметом (to put the hat on – надеть шляпу) [4].

Как известно, способность предлога выражать пространственные отношения предполагает также способность выражения отношений во времени, предлог показывает связь предмета с его предыдущим / последующим состоянием во времени. То есть **on** = удаление с места пространственного расположения в настоящем соответствует **on** = перемещению во времени из точки существования объекта в настоящем по направлению к последующей точке существования (к будущему).

Функционально-семантическая категория (ФСК) темпоральности находится в тесном взаимодействии с ФСК аспектуальности, поэтому наряду с темпоральным значением следования словарями выделяется аспектуальное значение послелога **on**: продолжение или развитие действия. В области аспектуальных отношений необходимо учитывать **способы действия** (СД), которые в языке без морфологизированной категории вида мы понимаем как категорию высказывания, реализуемую в предложении взаимодействующими разноуровневыми средствами, объединенными общими семантическими функциями, относящимися к протеканию действия во времени [5].

Номинативность и автономность послелога в составе аналитического глагола при выражении значения следования в английском языке позволяет ему в некоторых контекстах, где глагол опуска-

ется, функционировать как наречие – *planned to take place in the future: The game is still on (=it hasn't been cancelled)*. ♦ *I don't think we've got anything on this weekend*. ♦ *I'm sorry we can't come – we've got a lot on* [6]. Для русского языка это явление не характерно, поэтому в переводе отсутствующая глагольная форма восполняется, а значение послелого проявляется либо в семантике самого глагола, либо выражается словообразовательным компонентом с соответствующим значением (приставкой).

(1) ...And what about you, Clifford? Do you think sex is a dynamo to help a man **on** to success in the world? (D. H. Lawrence "Lady Chatterley's Lover").

А вы, Клиффорд? Думаете ли вы, что пол это динамо, **ведущее** к успеху? (Д. Г. Лоренс «Любовник леди Чаттерлей»).

Синкретичное значение временного следования и аспектуального значения проспективности, направленности действия на результат в будущем создается в примере (1) послелогом *on*, чем и обусловлен выбор русского причастия для передачи указанной семантики. Сопутствующее аспектуальному темпоральное значение следования является вторичным, при этом исходно-опорная точка выражена имплицитно (рождение человека) и может быть реконструирована следующим образом: 'принадлежность человека к тому или иному полу, по мнению одного из участников разговора, определяет успешность всей его дальнейшей жизни – пол выявляется при рождении', то есть *ведущее* от рождения до будущего успеха, референциальная точка представлена существительным *success* (успех), а ситуативно-опорная точка – послелогом *on*.

Одним из аспектуальных значений, сочетающихся с временным значением следования, которые передает послелог *on*, является начинательное. В этом случае *on* означает 'по направлению к положению в последующей временной точке', что предполагает начало пребывания в определенном состоянии во времени: *The crisis came on* (Начался кризис). *A terrible spasm of pain came on just before he died* (Незадолго до смерти у него начался сильный болевой спазм).

(2) Mother died of cancer, **brought on** by fretting (D. H. Lawrence "Lady Chatterley's Lover").

Мама умерла от рака, который **начался** от подавленного настроения (Д. Г. Лоренс «Любовник леди Чаттерлей»).

В примере (2) первичное аспектуальное значение начинательности сочетается со значением обозначенной длительности (до смерти мамы). Значение временного следования с исходно-опорной точкой *подавленное настроение*, ситуативно-опорной – *cancer* (рак) и референциальной – *bring on* (начался) является вторичным.

Инхоативное значение перемены состояния репрезентировано в примере (3), где первичным является значение начинательности, к которому присоединяется необозначенно-итеративный СД, указывающий на действия с неопределенной повторяемостью (начал водиться → начал встречаться, общаться). Поскольку инхоативность есть выражение изменения состояния, то значение временного следования является сопутствующим, а предыдущее состояние всегда будет имплицитной исходно-опорной точкой по отношению к последующему – референциальной точкой.

(3) So I **took on** with Bertha, and I was glad she was common (D. H. Lawrence "Lady Chatterley's Lover").

И вот я **начал водиться** с Бертой и радовался, что она «простая» (Д. Г. Лоренс «Любовник леди Чаттерлей»).

В примере (4) послелог *off*, сочетаясь с глаголом начинательной семантики *start*, выражает синкретичное значение однократно-результативного действия с временным значением следования. При этом у английского фразового глагола первично аспектуальное значение результативности, в русском переводе на первый план выступает временное значение следования. Действие *start* следует за исходным моментом временного локализатора *tea-time* (чай), референциальный момент обстоятельства представлен предлогом *at* (в русском переводе *после*). Вспомогательной референциальной точкой в английском варианте, на которую ложится основная темпоральная нагрузка, репрезентирующая семантику следования, является послелог *off*. В русском примере темпоральное значение следования передается глагольной формой будущего времени *уедете*, а в английском – синтаксической структурой Conditional-2, выражающей гипотетическое условие ('*d – would*).

(4) So you'd **start off** from Wragby at tea-time, as if you were going to London? (D. H. Lawrence "Lady Chatterley's Lover").

Вы **уедете** из Рагби после чая и поедете по дороге в Лондон? (Д. Г. Лоренс «Любовник леди Чаттерлей»).

Послелог **away** кроме сходных значений может указывать на окончание состояния.

(5) When the spring came the snow **melted away** (Когда пришла весна, снег **растаял**).

(6) The sound **died away** (Звук **затих**).

В примерах (5, 6) можно говорить об инхоативном и терминативном (*melted away / снег растаял*) СД – (5) и результативно-аннулирующем (*died away / звук затих*) СД – (6). Семантика вре-

менного следования является вторичной с имплицитной исходной точкой, обозначающей предыдущее состояние/действие (нерастаявший снег, наличие звука). При этом фразовые глаголы *melt away, die away* выражают референциальную точку.

Следует указать на разницу в характере инхоативного СД с послелогом *on* и *away*. Послелог *away* подразумевает включение конечной границы действия, указывая на его результат (финитивный СД), тогда как послелог *on*, лишь подчеркивая идею продолжительности (дуративный СД), включает начальную точку следующего действия. Схематично это можно представить следующим образом:

→→→→→away on→→→→→

Отличительной особенностью послелога *on* также является его способность дублированно-го использования для акцентуации непрерывности действия, что невозможно с послелогом *away*. В примере (7) выражается прогрессирующий СД, обозначающий качественно-количественно трансформирующееся действие:

(7) The pain had **gone on and on** with the legs bent and I could feel it going in and out of the bone (E. Hemingway "A farewell to arms").

Боль в согнутых ногах **все усиливалась**, и я чувствовал, как она насквозь пронизывает кость (Э. Хэмингуэй «Прощай, оружие!»).

Послелог **back** обозначает обратное направление в пространстве: *they turned back* (они повернули обратно) и, соответственно, должен обозначать обратное движение во времени (от исходного момента к предыдущему).

(8) If we **go back** a few years = if we think of what happened a few years ago (если мы вернемся на несколько лет назад = если мы вспомним то, что произошло несколько лет назад).

Данный пример можно назвать случаем обратного переключения во времени, так как указанное «возвращение» во времени противоположно естественной последовательности развития событий нашего объективного существования во времени. Следовательно, даже когда мы «возвращаемся в своей памяти на несколько лет назад», на самом деле мы «идем вперед», последовательно переключаем в своей памяти прошедшие события, не имея возможности дать обратное направление естественному ходу течения времени. В указанном примере можно отметить синкретизм: аспектуальное значение результативно-обратного СД первично, а временное значение ретроспективности с нулевой точкой отсчета вторично.

Возможно выделить и другое значение у послелога *back*: реакция **в ответ на** предыдущее действие, произведенное другим объектом. В данных моделях правомерно будет выделить взаимно-обратный СД и значение следования относительно антецедента, представленного в предтексте, которое пересекается с причинно-следственным значением.

(9) ...unless you said you wished me to hell before your sister ever saw me again: and unless I **said** something almost as unpleasant **back** again? (D. H. Lawrence "Lady Chatterley's Lover").

Пожалуй только, если б вы сказали мне, что желали бы, чтобы ваша сестра никогда не встречалась со мной, и если б я **сказал** что-либо такое же приятное вам (Д. Г. Лоренс «Любовник леди Чаттерлей»).

Референциальная точка – фразовый глагол *say back* находится в отношениях следования с исходно-опорной точкой – глагольным предикатом в предтексте *said*.

Послелог **forward** также способен передавать проспективную временную направленность действия на результат планируемого / желаемого действия в будущем, что объясняется его лексическим значением: *вперед* в пространстве и во времени.

(10) You don't know how I **look forward** to tomorrow (E. Hemingway "Selected stories").

Вы не можете себе представить, как я **жду** завтрашнего дня (Э. Хэмингуэй «Старик и море. Избранное»).

В примере (10) первичным значением является аспектуальное (проспективный СД), а вторичным – временное значение следования. Исходно-опорной точкой является момент речи, реконструированной референциальной точкой для основного действия, выраженного фразовым глаголом *look forward*, являются события завтрашнего дня, вспомогательной референциальной точкой – послелог *forward*. В данной идиоме очевиден семантический перевес послелога, не только не теряющего своего проспективного значения, но и активно «накладывающего» его на глагольное значение, трансформируя его имплицитно (ждать того, что случится в будущем).

Таким образом, послелогом английских фразовых глаголов *on, off, away, back, forward* в сочтении с глаголами выражают синкретичное значение, первичным в котором является аспектуальное, а вторичным – темпоральное значение следования, придавая высказыванию проспективную ориентацию, модифицируя или полностью трансформируя глагольное значение.

Примечания

1. Sonnenschein E. A. A New English Grammar, P. II – Parts of Speech and Outlines of Analyses. Oxford, 1929. P. 21, 32.
2. Коновалова Т. Е. Специфика предлогов широкой семантики и ее отражение в словарях // Вопросы романо-германского языкознания. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1988. С. 60–66.
3. Закамулина М. Н. Темпоральность во французском и татарском языках: слово, высказывание, текст. Казань: Татар. кн. изд-во, 2000.
4. Мюллер В. К. Новый англо-русский словарь. М.: Рус. яз. – Медиа, 2005. С. 541–542; New Pocket Oxford Dictionary. Oxford; N. Y.: Oxford University Press, 2001. P. 624.
5. Закамулина М. Н. Аспектуальность в татарском и французском языках. Казань: Магариф, 1999а. С. 20.
6. Oxford Advanced learner's dictionary. The 7th edition. Oxford; N. Y.: Oxford University Press, 2005. P. 1058.

Notes

1. Sonnenschein E. A. A New English Grammar, P. II – Parts of Speech and Outlines of Analyses. Oxford, 1929. Pp. 21, 32.
2. Konovalova T. E. Specifika predlogov širokoj semantiki i ee otrazhenie v slovaryah [Characteristics of wide semantics of prepositions and its reflection in the dictionaries] // Voprosy romano-germanskogo yazykoznanija – Problems of Romano-Germanic linguistics. Saratov. Publishing house of Saratov University. 1988. Pp. 60–66.
3. Sakamulina M. N. Temporal'nost' vo francuzskom i tatarskom yazykah: slovo, vyskazyvanie, tekst [Temporality in the French and Tatar languages: the word, the sentence, the text]. Kazan. Tatar book publishing house. 2000.
4. Muller V. K. Novyj anglo-russkij slovar' [New English-Russian dictionary]. M. Rus. yaz. Media,. 2005. Pp. 541–542; New Pocket Oxford Dictionary. Oxford; N. Y.: Oxford University Press, 2001. P. 624.
5. Sakamulina M. N. Aspektual'nost' v tatarskom i francuzskom yazykah [Aspectuality in the Tatar and French languages]. Kazan. Magarif. 1999a. P. 20.
6. Oxford Advanced learner's dictionary. The 7th edition. Oxford; N. Y.: Oxford University Press, 2005. P. 1058.

УДК 81.33

Г. Р. Фасхутдинова

Экспрессивность разговорных лексем немецкого языка

Разговорная речь – это функциональная разновидность литературного языка. Она выполняет функции общения и воздействия. Разговорная речь обслуживает такую сферу коммуникации, для которой характерны неофициальность отношений между участниками и непринужденность общения. В данной статье изучены основные этапы изучения лингвистами разговорной речи немецкого языка. Статья отображает специфические средства и особенности разговорного немецкого языка.

Informal conversation is a functional kind of the literary language. It carries out functions of communication and influence. Informal conversation serves such sphere of communication for which informality of the relations between participants and ease of communication are characteristic. In this article the main stages of studying by linguists of informal conversation of German are studied. Article displays specific means and features of colloquial German.

Ключевые слова: экспрессивность, лексема, немецкий язык, анализ.

Keywords: expressivity, lexical unit, German language, analysis.

Экспрессия понимается нами как выразительность сообщения, как его действенность. Имеется и другое ее толкование, как выражения «внутреннего состояния говорящего, служащее часто для собственного облегчения и, следовательно, не только не направленное на слушателя, но иногда даже прямо отрицающее возможность существования последнего». Мы же считаем, что «внутреннее состояние» говорящего – это эмоциональная сторона высказывания. Она действительно обеспечивает экспрессивность речи, однако эти понятия разные, хотя и перекрещивающиеся.

Безотносительно к тому, насколько выпукло представлена в слове экспрессивность, главное в его содержании – рациональное начало, без которого сообщение мысли невозможно. «Всякая информация, передаваемая языком, представляет собой содержание, восходящее в принципе к мышлению (в том числе и эмоционально-оценочная)». При всей существенности экспрессивной стороны ей как моменту оформительскому принадлежит второстепенная роль [1].

Чтобы вникнуть в существо выразительности обыденной речи, уместно провести параллели с решением задач экспрессивизации в художественной литературе и искусстве. Вот что говорил В.

Шкловский по этому поводу: «Мы не переживаем привычное, не видим его, а узнаем. Мы не видим стен комнат, нам так трудно увидеть опечатку в корректуре, особенно если она написана на хорошо знакомом языке, потому что мы не можем заставить себя увидеть, прочесть, а не “узнать” привычное слово. Если мы захотим создать определение “поэтического” и вообще “художественного” восприятия, то несомненно натолкнемся на определение: “Художественное восприятие – это такое восприятие, при котором переживается форма (может быть и не только форма, но форма непременно)”. Переживание формы уже осложняет сообщение, создает многоплановость восприятия, в то время как неэкспрессивное воспринимается как должное, прямолинейно. Чтобы примелькавшееся, ставшее очевидным заиграло новыми красками, надо его соответствующим образом подать, преподнести в нужном оформлении, выигрышно аранжировать. Должно произойти “отчуждение” надоевшего. Принцип отчуждения часто связывают с именем Б. Брехта, который был его поборником в своей теории театра. В одном этом заложено очуждение реального и двойственность природы знака. Знак – лишь обозначение реальности, а не она сама. Действительное и изображенное (отраженное) переживается по-разному, так как во втором случае возникает дистанцированность и переживание формы, мастерства. Такое переживание – осложненное, но чаще менее глубокое, чем переживание живого, поскольку оно “не настоящее”. Банальность, сказанная на диалекте, на ломаном (например, имитирующем речь иностранца) или естественно иностранно окрашенном языке, преподнесенная в стихах или спетая, преобразуется, утрачивает тривиальность и начинает значить больше обычного и доносить какой-то доселе неведомый смысл. Простая цитация, передача чужих слов – уже отчуждение. Удовольствие от формы способно в каких-то пределах восполнить скудость рационального, бедность мысли» [2].

Язык выразительный, яркий, несущий дополнительную информацию о сопровождающих сообщении эмоциях и ассоциациях, отличается от языка будничного и узкопрактического «ощутимостью своего построения». Всякая выразительность строится на необычности, неожиданности. Часто встречается выражение «эффект неожиданности» или даже «неоправдавшегося ожидания» (Р. Якобсон, Э. Осгуд, Б. Блок). Дело, однако, в том, что вне неожиданности эффект вообще невозможен, в этом его суть. Сущность экспрессивного механизма состоит либо в создании, привлечении нового элемента, либо в функциональном сдвиге языкового элемента, в помещении его в несвойственное ему окружение. Но не всякое изменение окружения элемента обязательно экспрессивно. Это может быть обычное неэкспрессивное новообразование и просто ошибка. Успех решается уместностью применения отобранного для изображаемой ситуации.

Языковые изобразительные средства, став достоянием многих (группового социолекта) или почти всех, то есть укоренившись в стандартном употреблении, могут качественно переродиться, сильно или незначительно, либо они утрачивают свою экспрессивную силу и обесцвечиваются, либо все-таки сохраняют некоторую свежесть и выразительность. Второе обеспечивается отчасти тем, что экспрессемы обычно долгое время находятся в своеобразном заказнике без применения и лишь изредка извлекаются из-под спуда и пускаются в ход. Они хранятся в памяти и всплывают по мере надобности. Незлоупотребление ими гарантирует им действенность. Хотя стандартный экспрессивный фонд разговорной лексики и является чем-то второсортным, «бывшим в употреблении», несколько изношенным, не новым, он все же надежно обслуживает речевую эстетику. При умелом обращении и к месту сказанная даже неоригинальная экспрессивно заряженная единица имеет эффект. То, что шаблонизировалось и в силу своей привычности перестало обращать на себя внимание, следует представить в новом ракурсе, с какой-то иной стороны, чем обычно. Механическое узаконение знакомого и известного должно заменяться активным видением того, что должно быть узнано, осмыслено и прочувствовано. Чтобы увидеть «новизну знакомого мира», надо разрушить автоматизм в восприятии обычных слов и заменить его построением, которое было бы ощутимым и живым.

Когда само событие говорит за себя, когда оно очень значительно, то слушающий поражается и без применения особых средств. В основе экспрессивизации лежит иносказательность в самом широком смысле, то есть отход от обычного названия (со стороны говорящего) и восстановление слушающим нормального нужного соответствия между предметом и именем. Важно, что «отчужденное», затушеванное, замаскированное, искаженное, смещенное в экспрессеме требует активизации восприятия, «сопереживания» формы.

Отход от нормы, от нуля, от точки отсчета, определяющий экспрессивность, может происходить по следующим линиям. Одни экспрессемы более или менее постоянны, другие возникают только в особых речевых условиях. Но как те, так и другие строятся по одному принципу – асимметрии «знак – означаемое», на отказе от регулярной номинации. Отчуждение имени вещи происходит за счет того, что эксплицитно выражается либо меньше нужного, либо больше, так что слушающему приходится или домысливать, добавлять несообщенные семы, либо элиминировать

излишние, чтобы воссоздать нужный предметно логический остов информации. Различные аббревиатуры, усечения, метонимии, слова с диффузным или прономинализованным значением становятся понятными, когда неназванное мысленно реконструируется. Образные наименования, например, метафорического характера называют и больше и меньше нужного. Название человека именем животного сообщает нужные признаковые семы. Излишние же семы, характеризующие животное, нейтрализуются, вычитаются, зачеркиваются. Вопрос экспрессивности слов должен решаться обязательно с учетом условий его применения. Абсолютная экспрессия присуща только разве что нецензурным словам и каким-то экзотическим образованиям. Даже и они при несоблюдении нужных пропорций блекнут. Когда говорят о постоянной (абсолютной) экспрессивности жаргонизмов и бранных слов, исходят из норм литературной речи. А в сниженной речи они совсем не так действенны. Потому-то и предпочтительнее говорить не просто о средствах экспрессии, а об экспрессивном потенциале, так как выразительные возможности не обязательно должны реализоваться. Все производящее эффект должно быть «куда-то помещено», иметь свое место, свой фон. «Отделка» по отношению к «отдельваемому» должна находиться в определенной пропорции, которая устанавливается целесообразностью ситуации, однако при любых условиях она явно займет более скромное место, составит меньший процент по сравнению с основным материалом. Важным при этом оказывается чувство меры, определение нужной пропорции и уместности средства эффективизации.

Ученый Ш. Балл подчеркивал, что экспрессивные средства взаимно обуславливают друг друга и составляют не просто арифметическую сумму, а систему. Эффект ощущается лишь потому, «что наше сознание тотчас связывает каждый из них со всей системой речевых фактов, которые ограничивают и определяют друг друга; мы понимаем слово и ощущаем его эмоциональную окраску только благодаря тому, что бессознательно сопоставляем его с другими». Неразумно полагать, «что тот или иной речевой факт может быть только эмоциональным или только рассудочным, что он относится только к разговорной или только к письменной речи.

Экспрессивные факты возникают на основе сложных психических актов, куда входят в различных пропорциях самые различные элементы».

Сила и действенность экспрессии определяется многими факторами: денотатом, особенностями говорящего и слушающего, привычностью и традицией называния данного денотата данным говорящим в данной среде и при данных обстоятельствах, соотношением фона и экспрессивной «отделки», чувством меры, уместностью и целесообразностью применения выразительных средств [3].

Когда имеется объективная экстраординарность того, что подлежит называнию, вероятность применения экспрессивной семы повышается. Примененные экспрессивные средства могут достигать цели, когда говорящий и слушающий имеют более или менее общий вкус в вопросах речевой эстетики, и бить мимо цели, если их взгляды различны.

Для системных отношений экспрессии обиходной речи существенны градуальные оппозиции, распределение по социолектам, генетические различия при функциональном тождестве, вопросы конкуренции, изнашиваемости, стойкости и обновления, а также межуровневые трансформации. Однако эти вопросы в данной работе не ставятся. Роль фона выполняет не только окружение, в которое попадает экспрессивная семма при речевой актуализации, но и ее эстетическая парадигма, если под ней понимать синонимический ряд, построенный с учетом выразительной и художественной ценности слов. Говорящий и слушающий отдают себе отчет в произведенном выборе экспрессивного средства и должным образом это оценивают и воспринимают.

Многое в экспрессивном механизме строится на контрастах. Это видно на иронизмах, столкновении стилистически не сочетающегося, противопоставлении синонимов. Сущность элемента раскрывается через противопоставление [4].

Оппозиция – «особая форма общности». Одна структура раскрывается другой (Ю. М. Лотман, Н. С. Трубецкой). Усиление воздействия достигается, например, несоответствием тона – обидные вещи, оскорбления, будучи поданы бесстрастным, спокойнейшим образом, могут разозлить сильнее, чем интонационно оформленные сообразно этим эмоциям. Внутри слова может возникнуть диссонанс разностильных морфем: *superdoof*, *Erzgauner*, *saumäßig* или оксюморонных корней: *helledunkel*, *lautstill*, *sauersüß*. Иначе говоря, в целях экспрессии актуализируются связи языковых элементов, в которые они ранее не вступали, противопоставляются или сопоставляются единицы, прежде не взаимодействовавшие.

Суть экспрессии в экстраординации, в нарушении пределов действия правил функционирования и организации высказывания, чаще всего, в нарушении лексических ограничений действия грамматических категорий. Говорящий получает удовольствие от нарушения запрета (будь то табу, стилистические нормы, лексические пределы действия синтаксического или морфологического правила).

Выразительность и действенность высказываний можно сравнить с актуальным членением предложения, которое выявляет функциональное назначение компонентов сообщения – исходного (данного, «темы»), и нового (сообщаемого, «ремы»). Если актуальное членение выделяет то, что сообщается, то экспрессивизация интересуется тем, как коммуникация из простого («нехудожественного») фактоизложения превращается в действенный («художественно» оформленный) апеллирующий не только к разуму, но и к чувствам акт. На парадигматической оси осуществляется выбор между экспрессивным и неэкспрессивным или, иначе говоря, между «эстетической ремой» и «эстетической темой».

Материалом для «эстетических рем» (экспресsem) служат 1) общеизвестные, словарные, фондовые экспресsemы; 2) нейтральные немаркированные единицы (чаще слова); 3) специально создаваемые в речи оригинальные экспресsemы в виде окказиональных словообразований и переносных наименований. Характерным свойством фондовых экспресsem является то, что их экспрессивность обнаруживается и вне контекста. Это, прежде всего, так или иначе маркированная лексика, выделяющаяся своей необычностью в системе языка. Экспрессивными могут быть фразеологизмы, особенно идиомы, метафоры, некоторые метонимии, междометия, восклицательные, звукоподражания, табу, лексемы – носители неявно выраженной оценки, функционально-стилистически окрашенные слова и такие, которые несут на себе печать заимствования, архаичности, новизны, специфической этической характеристики и некоторые другие.

Экспликация экспрессивности может быть явной – в виде особых словообразовательных морфем, звукописи – и имплицитной, когда имеется перенос наименования без изменения формы слова.

Экспрессивность создается, наряду с другим, и за счет стилистической транспозиции – путем переноса слов в несвойственное им стилистическое окружение. Попав в новые условия, языковой элемент приобретает побочные смыслы, обрастает ассоциациями, которых он не имел в обычной среде. Книжные слова, поэтизмы, бюрократические выражения, научные термины и профессионализмы в обиходной речи обретают вторую жизнь. Они семантически трансформируются, обыгрываются, иронизируются, употребляются с подтекстом, обрастают коннотациями и становятся выразительными. «Чужестильные» слова в разговорной речи могут войти в так называемую престижную лексику, которая представляется существенной для самоутверждения говорящего, для поднятия его собственного авторитета.

Одним из источников экспрессивизации может быть отступление от этических норм. Сползание вниз по «шкале приличия» приводит к находкам незатертых непривычных свежих слов. Нарушение установленных традицией или законом запретов не может не поражать и производит эффект и самой «натурой», и формой. В целях экспрессии заимствовать можно не только из другого стиля, но и из чужого языка, диалекта, социолекта; идиолекта. Для немецкого языка территориальная окраска имеет очень большое значение для отчуждения высказываний. Экспрессивизация с помощью переключения на диалектально окрашенную фонетическую окраску (*nischt – nicht, Ferscht – Fürst, doof – dumm, kieken – gucken*) или вкрапление лексических диалектизм – привычное средство для немцев. Насколько оживляется речь с применением региональных элементов, хорошо известно из наблюдений за повседневной речью, а также над языком художественных произведений. Стоит только перевести стихи П. Панке или воспоминания циркачки П. Буш с «берлинского» говора на литературный язык, как они заметно утратят свою силу воздействия.

Заимствования аттрактивны экзотичностью формы, своей свежестью, непохожестью на обычные немецкие слова. Сравним: *dalli, solo, stupide, meschugge, tschao, piccobello, retour*. То, что они «непонятнее», «заграничнее», делает их привлекательнее для определенной категории говорящих.

Экспрессия может возникнуть на диахронной оси – архаизмы и неологизмы таят в себе выразительные возможности.

Экспрессивные иносказания, всевозможные смещения сопровождаются изменением синтаксических связей слов. Сравним: *Er wurde gegangen. Schnauf mal her!* русские: работать налево, слушай сюда (при невозможности в регулярном применении управления куда?), не дрожи диван. Семантическое перерождение слова сопровождается изменением субкатегориальной характеристики дистрибуции слова. Сравним: косить что (неодушевленные предметы) и кого (тиф косил людей); ржать 1) о животном и 2) о человеке в значении «смеяться».

Экспрессия возникает, как уже говорилось, за счет помещения элемента в необычное для него окружение. Чем дальше расстояние от его регулярного контекста, тем сильнее воздействие. Однако чрезмерная изоциренность в выборе средства и его слишком смелая необычность могут смазать эффект, особенно при неподготовленности слушателя.

Усиление экспрессивности иногда происходит с помощью «неправильностей», отклонений от литературной нормы. На это в свое время обращал внимание Ш. Балли. Подлинная экспрессия воз-

никает, в основном, в речи при организации сообщения. Это категория, прежде всего, коммуникативного плана. Допустимо ли вообще говорить о более или менее стабильных экспрессемах, об экспрессивном фонде, если экспрессия одномоментна? Ее достижение было бы чрезвычайно осложнено, если бы не было заготовок, полуфабрикатов для ее воплощения. Поэтому уже в языковой системе имеются средства, предназначенные для обеспечения выразительности высказывания. Секрет экспрессивной «носкости», «неизнашиваемости», прежде всего, в бережном отношении к экспрессемам, в том, что к ним прибегают нечасто. Праздничная одежда лучше сохраняется, не в последнюю очередь потому, что ее носят реже, чем повседневную. Вторым обстоятельством, ограждающим износ выразительного общенародного штампа, является непреходящая небезразличность факта действительности, на котором строится экспрессия. И, в-третьих, это удачность, меткость экспрессивного средства. Реальную экспрессивность надо отличать от кажущейся, бывшей, поблекшей и не идентифицировать живую выразительность с этимологической. Так, *Gänsefüßchen* – кавычки, *Knirps* – складной зонт, *Blindekuh* – жмурки, *Pflastersteine* – глазированные пряники и т. п. могут показаться экспрессивными только иностранцу, немец же употребляет эти слова, полностью отвлекаясь от первоначальной образности, не ощущая ее. Несколько иначе обстоит дело с шутливыми названиями обиходных явлений, когда субъективный оценочный момент ощутим и употребление их вызвано соображениями иронии, издевки: *Nato-plane* – плащ болонья, *Pferdeschwanz* – прическа или русские: «прощай, молодость» (о мужских ботах), шляпка «арбузная корка».

Экспрессия может строиться и на нейтральной почве, без участия лексических экспрессем. Удачно найденное, метко сказанное слово, будучи само по себе совершенно обычным, ничем не приметным, уже выделяется среди других. Нет слов и языковых форм, которые не могли бы стать материалом экспрессии. Сентенции, остроты, оригинальные мысли уже экспрессивны благодаря одному своему содержанию. Обычность их оформления, неотмеченность участвующих в их выражении лексических средств не препятствует общей экспрессивизации высказываемого. Нечто подобное часто встречается в обиходной речи, банальность которой оказывается благодатной почвой контраста для любой мало-мальски своеобразной или содержательно «весомой мысли».

Языковое искусство присуще не только писателям, но и любому говорящему, который располагает громадным фондом готовых, полуготовых и доступных ему потенциальных речевых выразительных средств. Нападки стилистов на серость и штампованность обиходного языка известны, однако во многом они несправедливы, так как одномоментные шедевры речевых произведений остаются незафиксированными, неучтенными.

Назначение любого экспрессивного средства – усиленное воздействие на информируемого. Эффект достигается за счет либо содержательной стороны, либо чисто внешней, оформительской. Подчеркнуто внешний эффект строится на таких моментах специфической формы, которые непосредственно не обусловлены содержанием. При этом такие факторы, как оправданность, уместность, эстетическая целесообразность уже перестают учитываться. Любая несурезица в таком случае тоже становится одним из проявлений экспрессии. Главная задача прибегающего к средствам «асемантической экспрессивизации» – это ошарашить, учудить. Создается некоторая загадочность выражения, что стимулирует восприятие, будит интерес, пытливость мысли или просто ошеломляет. Бессмыслица бывает провоцирующая, в ней начинают подозревать скрытый смысл, и этим она завоевывает интерес слушающего. Усиление воздействия при этом не диктуется содержанием, а происходит оглушительно, без особого обоснования, поражая необычностью, непонятностью, зашифрованностью, новизной формы. Это достигается немотивированностью идиом, экзотичностью диалектизма или иностранного заимствования, некоторым искажением общепринятой формы слова (смещение ударения, перестановка слогов *Nokixel-Lexikon*), бессмысленной игрой словообразовательными элементами. Сравним русские: верблюга, ишачага, сеструха, коша, чебуреша, молокошко, хулигаша. Пустить пыль в глаза можно заведомо незнакомым профессионализмом, термином, жаргонизмом. Неважно, что его смысл не дойдет до собеседника, главное – поразить, подействовать. Не в последнюю очередь здесь может играть роль некоторая самореклама, забота о собственном престиже, вызов серости надоевшего, вечно одинакового, скучного языка. Даже дети имеют вкус к особым словам, являющимся необычным скоплением звуков, интересным своей новизной и бессмысленностью. Сравним: всевозможные (чаще рифмованные) считалки, дразнилки и т. п.

Алогизмы на службе экспрессии – особая тема, заслуживающая самостоятельного рассмотрения (см. Х. Шпитцбардт, М. В. Никитин). Чем немотивированнее иносказательное выражение, тем оно эффектнее. Чем невероятнее и непонятнее образ, тем он сильнее действует. Современные жаргонизмы и хлесткие словечки в значительной части не мотивированы чуть ли не от «рождения» (а не утратили мотивированность в ходе употребления, как это было типично раньше): *steiler Zahn* – об очень привлекательной девушке, *eins zwitschern* – выпить (вина), *Zickendraht* – о неприятном, несимпатичном человеке, *Hirsch* – о молодом человеке, *filmen* – выпендриваться. Сравним русские: не фонтан, сечь, махнутья, отмочить, свистнуть, улыбнуться.

Демотивированность слова, а вместе с ней и определенного свойства привлекательность возникает в результате заимствования: *Sticks* – сигареты, *hip* – здорово, очень хороший, *mit Aweck* – с подъемом, шиком; неожиданного переноса имени (слишком смелого тропа): *Niete* – о никчемном, ничего не умеющем делать; *Feuerstuhl* – мотоцикл, велосипед; изменения формы слова (сокращения: *Unität* – *Universität*, *Philo* – *Philosophie*, *Philologie*; *Mari*–*Marihuana*); контаминации: *Philosauf* (из *Philosoph* плюс *saufen*); словообразовательной инновации: *Auße* – разрешение на увольнение (солд.), согласие родителей отпустить сына (дочь) погулять (молодежный жаргон); неомотивации: *pflaumen* – язвить; превращения компонента идиомы в самостоятельное слово: *Korb* – отказ < *jmdm. einen Korb geben*, *Bock* – ошибка < *einen Bock schießen* [5].

Особая роль при образовании демотивированных лексем принадлежит дериватам от собственных имен (ср. жаргонизмы: *Otto-Otto!* Давай, давай! *Was hast Du denn da für einen Otto gebaut!* – Что ты натворил / *Lollo* – пуловер, женская грудь) [6].

Если верно положение о том, что всякий исторический момент развития общества характеризуется, несмотря на разнообразие принятых в данное время форм художественного осмысления мира, в первую очередь какой-то одной, наиболее типичной экспрессивной доминантой (Д. С. Лихачев), то ее наличие можно видеть и в языке. В недалеком прошлом были популярны всевозможные наглядные образы, обогатившие язык метафорами, пословицами, разного вида «картинными» образованиями. В настоящее время наблюдается некоторая пресыщенность этой отражательностью, этим постоянным воспроизведением в системе изобразительных средств все тех же вещей, которые часто встречаются в обиходе и достаточно надоедают своей обычностью, знакомостью. Появляется своеобразная реакция против тривиальности, стремление создать что-то совершенно новое, необычное. Тяга к беспредметности и абстракции в искусстве (не впервые появившаяся и в наш век) приводит к попыткам создать нечто объективно как бы не существующее. Аналогично и в языке. В нем понизился интерес к образным фразеологизмам, предпочитают экспрессымы, лишённые всяких ассоциативных связей. Немотивированность, «безродность» образований входит в моду. Становятся популярными искусственные слова, аббревиатуры, заимствования. Они особенно «новы» и максимально свободны от нежелательных побочных представлений. Неясность внутренней формы может мешать только в момент ввода слова в обращение.

Одним из резервов экспрессивизации является установка на смещение истинных измерений – на «димензиональные нарушения». Истинность и точность изображения не боятся некоторого отступления от правды, небольшого нарушения действительной картины, будь то преувеличение, преуменьшение или какое-то иное нарушение измерения. В искусстве и литературе этот прием известен и широко используется. Ф. М. Достоевский, А. М. Горький и другие говорили о действенности подачи правды сквозь ложь. Это один из путей активизации восприятия, одно из проявлений эффекта отчуждения. Не лишен этих возможностей и языковой механизм экспрессии. Не в последнюю очередь в связи с ее описанием следует упомянуть гиперболы, литоты, алогизмы и парадоксы.

Особой, безусловно, утонченной формой экспрессии является такая, которая строится на усложненных формах языкового кода, требующих уже известного мастерства.

Примечания

1. Девкин В. Д. Немецкая разговорная речь. Синтаксис и лексика. М.: Междунар. отношения, 1979.
2. Скребнев Ю. М. Введение в коллоквиалистику. Саратов: СГУ, 1985.
3. Антропова Л. И. Современная разговорная речь в Германии. Магнитогорск: МГТУ им. А. И. Носова, 2005.
4. Лаптева О. А. Русский разговорный синтаксис. М.: Просвещение, 1976.
5. Brugmann K. Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Straßburg: Trübner, 1893.
6. Küpper H. Die Lebensbedingungen der deutschen Umgangssprache. Vom Stil der deutschen Umgangssprache. Hamburg: Ciaassen, 1964.

Notes

1. Devkin V. D. Nemeckaya razgovornaya rech'. Sintaksis i leksika [German speaking. Syntax and vocabulary]. M. Mezhdunar. otnosheniya. 1979.
2. Skrebnev Yu. M. Vvedenie v kollokvialistiku [Introduction to colloquiality]. Saratov. SSU. 1985.
3. Antropova L. I. Sovremennaya razgovornaya rech' v Germanii [Modern spoken language in Germany]. Magnitogorsk. MSTU n.a. A. I. Nosov. 2005.
4. Lapteva O. A. Russkij razgovornyj sintaksis [Russian colloquial syntax]. M. Prosveshcheniye. 1976.
5. Brugmann K. Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Straßburg: Trübner, 1893.
6. Küpper H. Die Lebensbedingungen der deutschen Umgangssprache. Vom Stil der deutschen Umgangssprache. Hamburg: Ciaassen, 1964

В. Г. Белинский о творчестве писателей третьего ряда

В эстетике «третьей культуры» большое значение имела так называемая «серобумажная», «примитивная», «наивная» литература, представляющая собой творчество поэтов и писателей-самоучек. Автор рассматривает критические статьи и рецензии В. Г. Белинского, посвященные произведениям «серобумажных» писателей, изданных в 1830–1840-х гг. Критик в своих текстах часто иронически относится к творчеству Милькеева, Славина, Кузьмичёва, Зотова, Воскресенского, Класеена, Сигова и др. Автор статьи показывает, что Белинский-критик оказывал большое влияние на формирование читательского мнения и непосредственно на творчество писателей, на литературный процесс.

The aesthetics of a “third culture” was of great importance so-called “serobumazhnaya”, “primitive”, “naïve” literature, which is the work of poets and writers of self-taught. The author examines the critical articles and reviews VG Belinsky devoted to the works of “serobumazhny” writers, published in 1830–1840-s godah. A critic in their lyrics often ironically refers to the creation of Milkeeva, Slavin, Kuzmicheva, Zotov, the Resurrection, Klaseena, Sigova etc.. The author shows that the critic Belinsky had a major impact on the formation of the reader's opinion and work directly with the writers on the literary process.

Ключевые слова: проза 1830–1840-х гг., В. Г. Белинский, «серобумажная» литература, литературная критика 1830–1840-х гг.

Keywords: prose 1830–1840-ies, Belinsky, “serobumazhnaya” literature, literary criticism 1830–1840-ies.

Городская культурная среда породила многие явления, которые стали общенациональными: лубочные книги и картинки, ярмарочные увеселения, выкрики и призывы продавцов – все это вошло в понятие «третья культура». В эстетике «третьей культуры» большое значение имела так называемая «серобумажная», «примитивная», «наивная» литература, представляющая собой творчество поэтов и писателей-самоучек [1].

Сложность анализа феноменов «третьей культуры» усугубляется разницей подходов, выработанных различными гуманитарными дисциплинами: искусствоведением, культурологией, литературоведением. Понятия «наивное», «примитивное» имеют давнюю историю, на протяжении которой значение их менялось и корректировалось. Исследования наивной словесности, «непрофессиональной» литературы до сих пор, как правило, проводились на ограниченном материале творчества одного автора (или группы авторов) [2]. Поэты-самоучки, писатели-самоучки, примитивная поэзия, наивная поэзия – все эти понятия можно объединить термином «непрофессиональная литература».

Интересна данная проблема в теоретическом плане, так как именно определение статуса «маргинальных» областей словесности позволяет определить структуру и границы литературного поля. С другой стороны, наивное творчество и/или примитивизм оказываются теми элементами поэтики и литературного поведения многих «магистральных», канонизированных историко-литературных личностей, что позволяет весьма существенно скорректировать устоявшиеся представления об их творчестве и отдельных произведениях. К изучению творчества «непрофессиональных писателей» обращались многие исследователи, краеведы, литературоведы [3].

Русская история знает множество имен поэтов-самоучек, работавших в разные эпохи. Возникнув как маргинальные, произведения/тексты «непрофессиональной литературы» начинали функционировать в истории отечественного литературно-художественного процесса. В XVIII и XIX вв. «народная» или «непрофессиональная литература» была представлена многочисленными писателями из «среднего класса». Эти писатели не только переделывали известные сюжеты, но и создавали оригинальные произведения из жизни различных слоев общества. Изучение феномена «третьей культуры» невозможно без изучения быта городских сословий [4]. Как писал Ю. М. Лотман, «быт – это обычное протекание жизни в ее реально-практических формах; быт – это вещи, которые окружают нас, наши привычки и каждодневное поведение. <...> Мы замечаем особенности чужого быта, но свой быт для нас неуловим – мы склонны его считать “просто жизнью”, естественной нормой практического бытия. <...> Обращаясь к истории быта, мы легко различаем в ней глубинные формы, связь которых с идеями, с интеллектуальным, нравственным, духовным развитием эпохи самоочевидна» [5].

Естественно, что маргинальная литература взаимодействовала внутри особой группы подобных произведений, а также имела непосредственную связь с «высокой» литературой. Критики традиционно рассматривали ее в контексте истории профессиональной литературы. Критические взгляды самих писателей и критиков-современников являются ценными фактами для изучения историко-литературного процесса в целом.

В свое время много статей и рецензий этому явлению в русской литературе посвятил великий критик В. Г. Белинский. Он не определял это явление как примитивную литературу и не называл этих писателей самоучками, хотя считал их малообразованными. Белинский-критик оказывал большое влияние на формирование читательского мнения и непосредственно на творчество писателей, на литературный процесс. Критик рассматривал литературные явления в единстве их эстетических, философских, политических, этических и других сторон, поэтому он соединял в своих статьях два начала – художественно-публицистическое и научное.

Определяя место малохудожественной литературы в обществе того времени, В. Г. Белинский писал, что «у нас литература имеет совсем другое значение, чем в старой Европе. Там она – выражение мысли, служащей источником жизни для общества в каждую эпоху его исторического развития. У нас литература – приятное и полезное, невинное и благородное препровождение времени и для писателя, и для читателя. Исключения из этого правила так редки, что не стоит упоминать о них. Наши писатели (и то далеко не все) только одною ступенью выше обыкновенных изобретателей и приобретателей; наши читатели (и то далеко не все) только одною ступенью выше людей, которые в преферансе и сплетнях видят самое естественное препровождение времени. Оттого у нас все писатели, и хорошие, и худые, равно читаются и почитаются, равно имеют ограниченный круг нравственного влияния и равно скоро забываются. Исключение остается только за писателями, которые уж слишком по плечу обществу и слишком хорошо угодили его вкусу, удовлетворили его потребностям; таковы, например, гг. Марлинский и Бенедиктов, которых и теперь еще очень любят даже в столицах, а в провинции знают наизусть» [6]. В этой рецензии критик точно увидел особенности писателей третьего ряда в России 1830-х гг. и, в то же время, подметил своеобразие читательского спроса на литературу как на развлечение. Далее он также отмечает низкий уровень грамотности некоторых писателей, хотя женщины-писательницы, по его мнению, были более образованными, чем писатели мужчины этой группы. Точная характеристика таких писателей заключена в том, что «большая часть пишущих в России мужчин попали в писатели нечаянно и без всякого приготовления, а потому и не знают даже первых оснований грамматики своего родного языка, да и принадлежат к такому кругу понятий, из которого совсем не следовало бы показываться в печати. В доказательство справедливости наших слов указываем на длинную вереницу сочинителей, вроде гг. Милькеева, Славина, Кузьмичёва, Зотова, Воскресенского, Класеена, Сигова, Антипы Огородника, Тимофеева, Заржевской, Бурачка, Мартынова, Кропоткина, Скосырева, Жданова, Шелехова, Куражковского, Ильина и многих иных, которых перечесть не достанет ни терпения, ни времени, ни места в статье» [7].

Плодовитость писателей «профессиональной» и «непрофессиональной» литературы и довольно интенсивное издание журналов и альманахов в первой трети XIX в. давало возможность критикам строить свои полемические статьи и рецензии на обзорах произведений этих писателей. Критики не обходили вниманием литературные факты, которые, на первый взгляд, не могли иметь принципиального значения. Так в статьях и обзорах современной литературы В. Г. Белинский давал критические оценки произведениям различных жанров, разных уровней художественности. В рецензии «Регентство Бирона. Повесть. Соч. Константина Масальского. С.-Петербург. В тип. К. Вингебера. 1834. 2 ч. I-69; II-163» критик высказывал свое резко критическое мнение по поводу низкопробных произведений: «Многие порицают с негодованием резкость в литературных суждениях и почитают ее уголовным преступлением против законов общежития и вежливости. “Разве, – говорят они, – вы образумите этим какого-нибудь пустоголового рифмача или дюжинного романиста? Какая же польза от ваших бранчивых выходок?” Но, милостивые государи, разве это не польза, если какой-нибудь степной помещик, прочтя мою рецензию, не купит глупой книги, в ней освидетельствованной, а назначенные на нее деньги употребит на покупку какого-нибудь дельного сочинения! притом, если оцениваемая книга есть первое произведение юноши, обольщенного ложным призраком славы или угоревшего от приятельских похвал и высокого мнения о своих дарованиях, то разве не может случиться, что откровенный отзыв откроет ему глаза и обратит его деятельность к учению или занятию каким-нибудь полезным делом? На сильные болезни нужны и сильные лекарства. Щадить посредственность, бездарность невежество или барышничество в литературе значит способствовать к их усилению. Вы скажете: но какое зло делают эти невинные чада безделья или бесталанности? О, большое! Уверю вас. Во-первых, они выманивают деньги у добродушных покупателей и тем препятствуют расходу хороших книг, которые могли бы способствовать

или к распространению в обществе полезных сведений, или к развитию чувства изящного; потом, они портят вкус у людей, жадных до чтения, но лишенных образованности; наконец, каждое из сих сочинений рождает несколько других; следовательно, они причиняют зло положительное и зло большое, ибо препятствуют распространению просвещения» [8]. Называя таких писателей «пустоголовыми рифмачами или дюжинными романистами», В. Г. Белинский высказал мнение о том, на какую аудиторию направлены эти произведения. Среди едких нападок критик довольно точно определял круг читателей, которым были интересны сочинения этих писателей. Так разбирая романы Р. Зотова, В. Г. Белинский писал, что «все они нашли себе свой круг читателей, вместе с романами гг. Воскресенского и Федота Кузьмичева. Что ж – доброе дело! Надо же и этому кругу читателей иметь свою библиотеку. Принадлежит совсем не к тому кругу “публики”, для которого трудится так усердно и с такою ревностью г. Р. Зотов, мы не в состоянии разобрать несравненных “черт” его романов. “Бородинского ядра” мы даже никак не могли осилить чтением; напряжем внимание, прочтем страницу, но лишь примемся за другую, как и забудем, что прочли в первой. Не полагаясь на свой вкус, мы давали читать роман г. Р. Зотова одному из людей, принадлежащих к тому кругу, в котором роман г. Р. Зотова увенчался таким блестящим успехом, – и что ж? Говорит: “Какая хорошая книжка; нет ли у вас ещё такой? Почитал бы...” Видно, новый исторический... Или нет, полуисторический роман г. Р. Зотова хорош, подумали мы, если свои хвалят его...» [9].

В. Г. Белинский не раз восклицал, когда обозревал новые произведения, предназначенные для невзыскательного читателя: «Имейте, наконец, хоть маленькое сострадание к бедной русской литературе, которая имеет уже у себя гг. Алипановых, Сиговых, Кузьмичёвых...» [10]. В рецензии на поэму Р. Зотова критик писал, что «г-н Р. Зотов решительно грозит сделаться один всем тем, чем каждый порознь были и суть гг. Орлов, Сигов, Кузьмичёв, Славин и проч.» [11]. Такое указание подтверждает, что «непрофессиональные» писатели брались за стихи и прозу, некоторые ради «славы писателя», некоторые – ради денег. Поражает разнообразие жанров «серобумажных» писателей, которые «специализировались» не только на клишированных сюжетных текстах, но и на определенных жанрах, хотя многие из них, в частности Ф. Кузьмичёв, писали и прозу, и стихи, и пьесы. Белинский отмечал популярность Ф. Кузьмичёва у низовых читателей. Критик ставил его в один ряд с А. А. Орловым, И. Н. Глухарёвым, Д. И. Сиговым, Н. И. Зряховым и другими литераторами, издававшими свои книги для распространения на Толкучем или на Смоленском рынках. Он писал: «В самом деле, если бы эти добрые люди не покупали таких книг и не читали их во здравие, то что бы осталось делать на белом свете книгопродавцам Никольской улицы и толкучего рынка... Что бы осталось делать на белом свете таким авторам, каковы гг. Орлов, Сигов, Кузьмичев, Свечин, Чуровский, автор “Ольги Милославской”, “Графини Рославлевой” и т. д.? Итак, пишите, переводите и продавайте, почтеннейшие!» [12]

Белинский, будучи убежденным «западником» с демократическими установками, не принимал идеологические и эстетические «взгляды» «серобумажных» писателей, критик показывал полное несоответствие устаревших и глубоко реакционных взглядов литературы «для народа» Ф. Кузьмичёва тем задачам, которые стоят перед современной литературой и критикой. Он прямо формулирует приговор дидактическим поучениям писателей этого ряда, а также с неукоснительной логикой подводит читателя к необходимым выводам. Так, почти все современные рецензенты писали о витиеватости слога произведений Орлова, Сигова, Кузьмичёва, Славина, они «в простоте словечка не скажут».

В одной из рецензий В. Г. Белинский делает разбор романа Егора Классена «Провинциальная жизнь (Ольский). Описательный роман XIX века», который пользовался успехом у читателя «серобумажной» литературы. Критик приводил пример эпиграфа к первой главе этого романа и со свойственной ему иронией писал: «Хорош эпиграф при первой главе этого романа:

Писать характеры людей
Есть два манера:
Пером Гомера
И ядом змей.
Так пишут мужи славы.
Где ж славы взять,
Когда писать
Придется для забавы?

—
Так поэт на зуб гнилой
Пробует орехи;
Но раскусит лишь пустой –
Полный, для потехи,
Смелет он на жернову
И поет про скорлупу.

Этот эпиграф, смастеренный, очевидно, самим сочинителем, может служить образчиком и вывескою слога, мыслей, понятий и чувств, которыми отличается роман. Это больше, чем просто бездарность: явное отсутствие здравого смысла. Не только г. Воскресенский, но даже гг. Кузьмичев и Славин – гении первой величины в сравнении с г. Классеном» [13]. В этом сравнении Белинский косвенно дает понять, что произведения названных писателей можно считать «довольно сносными» по сравнению с Классеном.

Специфика непрофессиональной литературы в том, что ею занимались люди разных профессий и интересов, у них не было специального образования для того, чтобы сочинять. Они самостоятельно, сами по себе научились писать прозу и стихи.

Критик очень часто отмечал «литературный спор» между Москвой и Петербургом, хотя «серобумажные» писатели публиковались в обеих столицах. Их произведения не отличались особой художественностью и разнообразием жанров. В статье «Юродивый мальчик в железном зеленом клубке» Белинский писал: «В конце книжки находятся стихи, которые, без всякого сомнения, сочинены самим ассессором и кавалером Афанасием Анаевским, и потому в них не видно никаких нехороших признаков. “Я (говорит оный ассессор и кавалер) пропою вам песнь, которая сочинена для Ломоносова в следующем содержании:

Божественной лирой
Кто всех пленял,
Тот голос пред порфирой
Не изменял.
Не сам ли Ломоносов
Царям певал
И точно как философ
На камень стал.
За труд, им посвященный,
Прилична честь.
И в дар ему священный
Споем мы песнь,
Поем любовь и красоты,
И век златый.
Собрав из книг его цветы,
Зришь правоты.
Дан им урок, чтоб бога чтить,
Хвалить, любить
Царя хранить, всех веселить
И дар излить”.

И всё это напечатано на русском языке в 1844 году от рождества Христова, г. ассессор и кавалер Афанасий Анаевский – просто гений! Он победил и Федота Кузьмичева, сына природы, который берет мысли из-под черепа, и г. Классена, именующего себя бездарным и паровую затычку, и г. Милькеева, упоительно воспевшего в громкой оде русскую сивуху, и г. Бранта, автора “Жизни, как она есть”, и всех бывших и будущих сочинителей в этом роде! Хвала ему! В его лице Петербург победил Москву с ее Орловыми, Кузьмичевыми, Классенами и со всею ее литературою и журналистикою в настоящее время!» [14]

В жанровых предпочтениях «серобумажных» писателей сложно найти какую-либо закономерность. Так, в рецензии на сборник стихов «Цветы музыки. Сочинение Александра Градцева» В. Г. Белинский довольно иронически рассматривает тенденцию того времени: появление многочисленных поэтических опытов писателей-самоучек. Он писал, что «несмотря на неблагоприятное время для поэзии, несмотря на то, что теперь почти совсем не читают стихов, – новые поэты не перестают являться, неожиданные, непрощенные, а новые стихотворения так и плодятся, словно грибы после дождя. Давно ли вышли стихотворения г. Бачарова; давно ли восхищались мы поэмою г. Молчанова “Повесть Ангелина” – и вот являются “Цветы музыки” г. Градцева... Но это ещё не всё: сколько надежд впереди, сладостных надежд! Сын природы, Федот Кузьмичёв, приготовил “Поэму в 14 песнях” и – почему же не надеяться! – может быть, скоро потянутся, одно за другим, собрания стихотворений поэтов и “Библиотеки для чтения” и покойной “Галатеи” – гг. Кропоткина, Щеткина, Степанова, Зотова, Чужбинского, Третьякова, Чернецкого, Скачкова, Сколова, Волкова, г-ж Шаховой, Пажерной и иных... Прекрасные стихотворения гг. Сушкова, Бахтурина, Быстроглазова давно уже изданы и, сделав свое дело, т. е. доставив публике большое удовольствие, покоятся в кладовых – сих Елисейских полях умерших стихов и прозы...» [15]

В. Г. Белинский, будучи взыскательным критиком, хорошо осознавал и представлял ситуацию с литературными тенденциями в России 1830–1840-х гг.: появление высокохудожественных образцов сопровождалось и «массовым» потоком низкопробной литературы. За всей его критичностью по отношению к «серобумажным» писателям он понимал неизбежность такой тенденции. Его критические «стрелы» были направлены на исправление читательских вкусов и ограждение от псевдолитературы. Однако надо заметить, что проблема «серобумажной» литературы 1830–1840-х гг. не исчерпывается резко критическими статьями В. Г. Белинского, Н. Полевого, Кс. Полевого, в дальнейшем к этой проблеме обращались В. Ф. Одоевский, Н. А. Добролюбов и др.

Примечания

1. См.: Поздеев В. А. Фольклор и литература в контексте «третьей культуры» М., 2002. С. 87–143.
2. См.: Поздеев В. А. Примитивная поэзия и фольклор: аспекты взаимодействия // Вестник Вятского государственного педагогического университета. Сер. филологическая. Вып. 3. 1998. С. 15–21; Он же. Художественное творчество городских низов XIX – начала XX века // Традиционная культура. 2001. № 2(4). С. 105–111.
3. Поздеев В. А. Газетно-журнальная периодика XIX – начала XX веков и формирование «третьей культуры» // Актуальные проблемы гуманитарных и экономических наук: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Киров, 2004. С. 188–191.
4. История быта и культуры в дореволюционной историографии и культурологии освещалась, в основном, с бытописательной стороны, это известные работы И. Е. Забелина, Н. И. Костомарова, Н. Чечулина, А. Терещенко и др. В послереволюционное время к этому аспекту обратились Б. А. Романов, А. М. Сахаров, А. К. Леонтьев, Л. С. Семенова, Б. И. Краснобаев, М. Г. Рабинович и др.
5. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 1994. С. 10.
6. Белинский В. Г. Сочинения Зенеиды Р-вой. Санкт-Петербург. 1843. Четыре части // Белинский В. Г. ПСС. М., 1955. Т. 7. С. 650.
7. Там же. Т. 7. С. 650.
8. Белинский В. Г. Регентство Бирона. Повесть. Соч. Константина Масальского. С.-Петербург. В тип. К. Вингебера. 1834. 2 ч. I–69; II–163 // Белинский ПСС. М., 1953. Т. 1. С. 124–125.
9. Белинский В. Г. Бородинское ядро и березинская переправа. Исторический роман. Любовь танцовщицы, или Генеральная репетиция Лодоиски при Наполеоне. Повесть. Санкт-Петербург. 1844 // Белинский В. Г. ПСС. М., 1955. Т. 8. С. 514–515.
10. Белинский В. Г. Опыт библиографического обозрения, или Очерк последнего полугодия русской литературы, с октября 1841 по апрель 1842 // Белинский В. Г. Полное собр. соч. М., 1955. Т. VI. С. 193–194.
11. Белинский В. Г. Последний Хеак. Поэма В. Зотова. СПб. В тип. Императ. Академии Наук. 1842. В 8-ю д.л. 66 стр. // Белинский В. Г. ПСС. М., 1955. Т. VI. С. 395.
12. Белинский В. Г. Пещера смерти в дремучем лесу. Сочинения г-жи Радклиф. Английское сочинение. Перевод с французского. Издание третье. Москва, в типографии Лазаревых Института восточных языков 1835. 192 (12) (С плохую картинкою, а под нею – безграмотною надписью) // Белинский В. Г. ПСС. М., 1953. Т. I. С. 189–190.
13. Белинский В. Г. Провинциальная жизнь (Ольский). Описательный роман XIX века. Сочинение Егора Классена // Белинский В. Г. ПСС. Т. VII. С. 637–638.
14. Белинский В. Г. Юродивый мальчик в железном клобуке. Сочинение асессора и кавалера Афанасия Анаевского. Издание первое (?). Санкт-Петербург. В тип. Карла Фейерштейна. 1844. В 16-ю д.л. 24 стр. // Белинский В. Г. ПСС. Т. VIII. С. 162
15. Белинский В. Г. Цветы музы. Сочинение Александра Градцева. Санкт-Петербург. В тип. Карла Фейерштейна. 1842. В тип. А. Иогансона. В 8-ю д. л. 73 стр. // Белинский В. Г. ПСС. Т. VI. С. 606–607.

Notes

1. See Pozdeev V. A. Folklore and Literature in the context of a “third culture” M., 2002. S. 87–143.
2. See Pozdeev V. A. Primitive poetry and folklore: aspects of interaction // Bulletin of the Vyatka State Pedagogical University. Series Philological. 3. Issue 1998-S.15-21; He. Artistic creation of the urban poor HIIH- early twentieth century // Traditional culture. 2001. № 2 (4). S. 105–111.
3. Pozdeev V. A. Newspaper and magazine periodicals XIX early twentieth centuries, and the formation of a “third culture” // Actual problems of the humanities and economic sciences: Mat. All-Russian scientific-practical conference. Kirov, 2004. S. 188–191.
4. The history of the life and culture in pre-revolutionary historiography and cultural studies covered mainly with bytopisatelnoy hand, it is known works I. E. Zabelin, N. I. Kostomarov, N. Chechulina, A. Tereschenko and others. In this post-revolutionary period B. A. Romanov aspect addressed, A. M. Saharov, A. K. Leontev, L. S. Semenova, B. I. Krasnobaev, M. G. Rabinovich etc.
5. Lotman Y. M. Conversations about Russian culture. Life and traditions of the Russian nobility (XYIII – the beginning of the nineteenth century). SPb., 1994. P. 10.
6. Belinsky V. G. Works Zeneidy F-ing. Saint Petersburg. 1843. Four pieces // VG Belinsky MSS. Moscow, 1955. T. 7. S. 650.
7. Ibid. T. 7. S. 650.

8. Belinsky V. G. regency Biron. Story. Vol. Constantine Masalsky. St. Petersburg. In type. K. Vingebera. 1834. 2 h. I-69; II-163 // Belinsky V. G. MSS. 1953. Vol.1. S. 124–125.
9. Belinsky V. G. Borodino core and Berezinskaya crossing. Historical novel. -Love Dancer or Dress rehearsal Lodoiski under Napoleon. Story. St. Petersburg. 1844 // Belinsky V. G. MSS. M., 1955. T. 8. S. 514–515.
10. Belinsky V. G. Experience bibliographic review, an essay or a last half of Russian literature, from October 1841 to April 1842 // Belinsky V. G. Full cit. Op. M., 1955. T. VI. Pp 193–194.
11. Belinsky V. G. Last Heak. Poem V. Zotova. St. Petersburg. In type. Imperato. Academy of Sciences. 1842. The 8th DL 66 pp. // Belinsky V. G. MSS. M., 1955. T. VI. S. 395.
12. Belinsky V. G. The cave of death in the primeval forest. Works of Mrs. Radcliffe. English essay. Translated from the French. Third Edition. Moscow, in the printing Lazarev Institute of Oriental Languages 1835. 192 (12) (with a bad picture and under it – the inscription bezgratmonoyu) // Belinsky V. G. MSS. M., 1953. S. I. T. 189–190.
13. Belinsky V. G. Provincial Life (Ola). Descriptive novel of the XIX century. Sochenenie Yegor Klassen // Belinsky V. G. MSS. T.VII. Pp 637–638.
14. Belinsky V. G. Yurodivy boy in the iron hood. Essay Assessor and Knight Athanasius Anaevskogo. First Edition (?). St. Petersburg. In type. Charles Feyershteyna. 1844. In the 16th DL 24 pages // Belinsky V. G. MSS. T.VIII. S. 162
15. Belinsky V. G. Flowers muse. Writer Alexander Gradtseva .. St. Petersburg. In type. Charles Feyershteyna. In 1842 type. A. Iogansona. The 8th d.l.73 page. // Belinsky V. G. MSS. T.VI. S. 606–607.

УДК 82-311.2

Д. А. Клековкин

Традиции Ф. Достоевского в изображении героя А. Грина (рассказ «Маленький заговор»)

В статье предпринимается попытка рассмотреть влияние романа Ф. М. Достоевского «Бесы» на рассказ Александра Грина «Марат».

В частности, рассматривается сходство персонажа романа «Бесы» инженера Алексея Константиновича Кирилова и героя рассказа «Марат» революционера Яна, а также использование Александром Грином методов творчества Достоевского в создании образа этого героя с двойным душевным и умственным сознанием. Можно говорить о «двойничестве» героев Грина и о том, что эта особенность некоторых персонажей произведений писателя была привнесена в его творчество Ф. М. Достоевским. Именно опираясь на прототипы из романов Достоевского, Грин писал о своих революционерах из рассказов раннего дореволюционного периода творчества, называемого еще реалистическим (1908–1917 гг.). В дальнейшем реалистические герои такого типа почти полностью исчезли из произведений Грина, и он окончательно стал писателем-романтиком.

An attempt to consider influence of novel of Ф. М. Dostoevsky “Demons” on the story of Alexander Grina “Marat” is undertaken in the article.

In particular likeness of personage of novel is examined “Demons” of engineer of Kirilova Aleksej Konstantinovic and hero of story of “Marat” of revolutionary Jan, and similarly the use by Alexander Grinom methods of work of Dostoevsky in creation of character of this hero with double heartfelt and mental consciousness. It is possible to talk at the “Dvoistvennost” heroes of Grina and that this feature of some personages of works of writer was introduced in his work of Ф. М. by Dostoevsky. Exactly leaning against prototypes from the novels of Dostoevsky Grin wrote about the revolutionaries from the stories of early pre-revolution period of work named yet realistic. (1908–1917). In future therealistic heroes of such type almost fully disappeared from works of Grina and he became finally.

Ключевые слова: Грин, Достоевский, Геник, Иван Карамазов, Ницше, Евангелие, раздвоенность.

Keywords: Grin, Dostoevsky, Genik, Ivan Karamazov, Nietzsche, Gospel, duality).

Мы намерены обратиться, на наш взгляд, к самому интересному периоду творчества А. Грина, когда он писал свои малоизвестные широкому кругу читателей реалистические рассказы. В ранних реалистических рассказах А. Грина герои не являются однозначно положительными или отрицательными, как персонажи более поздних романтических произведений. Герои мечутся в поисках выхода из тупика нравственных и этических противоречий, куда их завела жизнь. Даже когда нравственный выбор совершен, то у них всегда остаются сомнения в правильности выбранного пути. Душевные муки из-за этих противоречий никогда не покидают их. Раздвоенные герои Грина похожи на персонажей Достоевского с их непредсказуемостью и странным поведе-

нием. Впоследствии Грин отказался от реалистического подхода к изображению героев и окружающей обстановки, став романтиком. Это обстоятельство вызывает сожаление у некоторых исследователей творчества писателей. Так, А. Варламов отмечает: «И что бы ни говорили и ни писали о будущих достижениях Грина-романтика, жаль, он с этого пути свернул. Из Грина вышел бы первоклассный писатель-реалист. Он мог пойти по традиционному пути психологической русской прозы, мог оказаться в ее – как теперь говорят “мейнстриме”, с Куприным, Буниным, Горьким, Андреевым – но не захотел и выбрал путь, где его ждали непонимание, обвинения, насмешки, упреки и даже прямая клевета, что он-де убил капитана английского судна, украл у него рукописи и стал печатать под своим именем (потрясающая рифма к будущей судьбе Шолохова и “Тихого Дона”», а потом и вовсе обвинили в космополитизме [1].

Прототипами героев раннего периода творчества Грина были представители эсеровского революционного подполья, с которыми был связан писатель. «Эсеры в этом смысле сделали из Грина писателя, но не как борца с угнетателями, скорее наоборот, классовую борьбу Грин отвергал» [2].

Тему жизни и смерти писатель раскрывает в рассказах об эсерах. Как сказано в рассказе «Приключения Гинча», «...три темы постоянно привлекают человеческое воображение, сливаясь в одной туманной перспективе, глубина ее блестит светом, полным неопределенной печали: “Смерть, жизнь и любовь”» [3].

Главный герой рассказа «Маленький заговор» – революционер-подпольщик Геник. Это опытный борец с самодержавием, давно выбравший для себя полную опасностей конспиративную жизнь, посвященную освобождению России от тирании путем свержения власти с помощью террора. В своем желании он вполне искренен, не понимая, что насильственное свержение власти с использованием террористических методов не путь ко всеобщей свободе, а путь к смерти. А. Варламов очень точно сказал о таких «борцах с несправедливостью»: «Грин начал со смерти и с тех, кто ей служит. Он изначально уловил в терроре самое важное – не социальный протест и крайнее средство политической борьбы, а подсознательное патологическое нежелание жить, борьбу любви и ненависти к жизни в человеческой душе, поражение одного чувства и победу другого и – как следствие – стремление убивать себя и других. Увидел – и от этого призрака отшатнулся, но успел его запомнить и запечатлеть» [4].

Прозрение Геника начинается не с перемены взглядов путем логических доводов разума, а с проявления любви и жалости к невинной и чистой девушке, случайно ставшей участницей революционных действий, причем, скорее, по своей детской наивности и стремлению к справедливости, чем по твердому убеждению. Она решила на убийство чиновника, исполнив которое и сама неминуемо погибнет. Замкнутый на себе и своей деятельности, прагматичный Геник вдруг начинает чувствовать не только ненависть к угнетателям народа, но и другие, более человеческие эмоции: восхищение и радость при виде молодой цветущей жизни в полном ее расцвете, жалость к ней и категорическое несогласие с ее решением умереть, пожертвовав собой ради «общего дела». «Гостья застенчиво улыбнулась, села, оправляя коричневую юбку тонкими, слегка задрожавшими пальцами, и устремила на Геника пристальные большие глаза, темные, как вечернее небо» [5]. Глядя в эти глаза, герой рассказа вдруг обнаружил, что смысл его существования не в утверждении идей революции, не в служении всему человечеству, а в любви к отдельно взятым людям, в том числе к этой милой и доброй девушке.

Сомнения Геника напоминают размышления Ивана Карамазова. Герой Достоевского не захотел принять всеобщее счастье и гармонию в обмен на «слезу ребенка». Это решение далось ему непросто – оно было рождено в муках: «Пока еще время, спешу оградить тебя. А потому от высшей гармонии совершенно отказываюсь. Не стоит она слезинки хотя бы одного только того замученного ребенка, который бил себя кулачком в грудь и молился в зловонной конуре своей неискупленными слезками своими к “боженьке”! Не стоит потому, что слезки его остались неискупленными. Они должны быть искуплены, иначе не может быть и гармонии. Но чем, чем ты искупишь их? Разве это возможно? Неужто тем, что они будут отомщены? Но зачем мне их отомщение, зачем мне ад для мучителей, что тут ад может поправить, когда те уже замучены? И какая же гармония, если ад: я простить хочу и обнять хочу, я не хочу, чтобы страдали больше. И если страдания детей пошли на пополнение той суммы страданий, которая необходима была для покупки истины, то я утверждаю заранее, что вся истина не стоит такой цены» [6].

Вообразив, что не принимает «мира божьего», думая, что бунтует против него, он показал на деле себя истинным христианином, не готовым проливать кровь и слезы ради грядущего счастья человечества. Трагическая ошибка его, из-за которой он столько мучился, была в том, что происходит все в мире не по заранее составленному богом плану, где определено, кому быть жертвой, кому палачом, кому праведным, а в вечном противостоянии добра и зла, сил божественных и дьявольских. И победить господь может только ценой жертв и объединенных долгих

усилий добрых и верующих людей. Карамазов думает, что бог мог бы сделать путь к счастливому миру без насилия и боли легче для людей, что «слеза ребенка» может не пролиться, что бог специально испытывает нас, «унавоживая» нами путь к вечной гармонии и процветанию. Это главное заблуждение Ивана Карамазова. Говоря о своем неприятии «высшей гармонии», герой Достоевского, сам не зная того, выступает не против «божьего мира», а против утопических теорий «борцов за идею», которые готовы ради воплощения в жизнь своих несбыточных планов пролить не одну, а много слез и загубить много жизней.

К подобным же идеям приходит и герой Грина. Своим товарищам он говорит: «...Но ей семнадцать лет... Я не знаю, как вы смотрите на это... но молодость... то есть, я хочу сказать, что она еще совсем не жила... Рассуждая хорошенько, жалко, потому что ведь это совсем еще юный человек... Ну... и как-то неловко... Конечно, она сама просилась и все такое... Но я не согласен... Будь это человек постарше... взрослый, даже пожилой. Определенно-закостенелых убеждений... Человек, который жил и жизнь знает, – и другое дело... Да будет его святая воля... А эти глаза, широко раскрытые на пороге жизни, – как убить их? Я ведь думал... Я долго и сильно думал... Я пришел к тому, что грешно... Ей-богу. Ну хорошо, ее повесят, где же логика? Посадят другого фон-Бухеля, более осторожного человека... А ее уже не будет. Эта маленькая зеленая жизнь исчезнет, и никто не возвратит ее. Изобьют, изувечат, изломают душу, наполнят ужасом... А потом на эту детскую шею веревку и – фюить. А что, если в последнее мгновение она нас недобрым словом помянет?» [7]

Но одни из них не поняли его, другие настолько очерствели духом, что не захотели прислушаться. «Маслов слушал и понимал Геника – но не соглашался; Чернецкий понимал – но не верил; Шустер просто недоумевал, бессознательно хватаясь за отдельные слова и фразы, внутренне усмехаясь чему-то неясному и плоскому» [8].

Голос Геника остался «гласом вопиющего в пустыне». Никто не захотел поверить и понять, что евангельская истина о том, что первая заповедь любви к людям, а не к абстрактным идеям является главной нравственной нормой. «Возлюби ближнего твоего, как самого себя» [9].

В романе Достоевского Ивану Карамазову противостоит старец Зосима, который его отлично понял и высказал все тайное, что было в душе Карамазова. Они вступают в напряженный диалог: «Неужели вы действительно такого убеждения о последствиях иссякновения у людей веры в бессмертие души их? – спросил вдруг старец Ивана Федоровича.

– Да, я это утверждал. Нет добродетели, если нет бессмертия.

– Блаженны вы, коли так веруете, или уже очень несчастны!

– Почему несчастен? – улыбнулся Иван Федорович.

– Потому что по всей вероятности не веруете сами ни в бессмертие вашей души, ни даже в то, что написали о церкви и о церковном вопросе.

– Может быть, вы правы!.. Но все же я и не совсем шутил... – вдруг странно признался, впрочем, быстро покраснев, Иван Федорович.

– Не совсем шутили, это истинно. Идея эта еще не решена в вашем сердце и мучает его. Но и мученик любит иногда забавляться своим отчаянием, как бы тоже от отчаяния. Пока с отчаяния и вы забавляетесь – и журнальными статьями, и светскими спорами, сами не веруя своей диалектике и с болью сердца усмехаясь ей про себя... В вас этот вопрос не решен и в этом ваше великое горе, ибо настоятельно требует разрешения...

– А может ли быть он во мне решен? Решен в сторону положительную? – продолжал странно спрашивать Иван Федорович, все с какою-то необъяснимо улыбкой смотря на старца.

– Если не может решиться в положительную, то никогда не решится и в отрицательную, сами знаете это свойство вашего сердца; и в этом вся мука его. Но благодарите творца, что дал вам сердце высшее, способное такою мукой мучиться, “горняя мудрствовать и горних искати, наше бо жительство на небесах есть”. Дай вам бог, чтобы решение сердца вашего постигло вас еще на земле, и да благословит бог пути ваши!» [10]

Героя, подобного старцу Зосиме, нет в окружении Геника. Противоречие между служением революции и любовью к ближнему осталось в нем не разрешенным и привело к гибели. Он выступил словом, а не делом против своих бывших товарищей по оружию, потому что еще продолжал верить в те социалистические утопии, которые подчинили себе его мозг. Но и не смог смириться со смертью прекрасной незащитной девушки, только начинающей жить. Жить раздираемым трагическими сомнениями Геник не смог и ушел, оставив Любу в холодных и равнодушных руках борцов за «всеобщее счастье», приняв решение покончить с собой. «Он сунул руку в карман, ощутив странное удовлетворение, когда сталь револьвера коснулась вздрагивающей ладони, и подумал, что в случае “решки” оставалось бы только перевернуть монету орлом вверх. Он широко размахнулся, решительно стиснул зубы и бросил монету в спокойную темноту ночи» [11].

Как жаль, что не прозвучал для него умиротворенный и мудрый голос старца «Зосимы», отвечающий маловерным: «Чем, чем возвратить веру? Впрочем, я верила, лишь когда был маленьким ребенком, механически, ни о чем не думая... Чем же, чем это доказать, я теперь пришла повергнуться пред вами и просить вас об этом. Ведь если я упущу и теперешний случай – то мне во всю жизнь никто уж не ответит. Чем же доказать, чем убедиться? О, мне несчастье! Я стою и кругом вижу, что всем все равно, почти всем, никто об этом теперь не заботится, а я одна только переносить этого не могу. Это убийственно, убийственно!

– Без сомнения, убийственно. Но доказать тут нельзя ничего, убедиться же возможно.

– Как? Чем?

– Опытом деятельной любви. Постарайтесь любить ваших ближних деятельно и неустанно. По мере того, как будете преуспевать в любви, будете убеждаться и в бытии Бога, и в бессмертии души вашей. Если же дойдете до полного самоотвержения в любви к ближнему, тогда уж несомненно уверуете, и никакое сомнение даже и не возможет зайти в вашу душу. Это испытано, это точно» [12].

Герой Грина не услышал голоса божественной правды, который спас бы его от безысходной тоски и даже смерти, помог бы обрести одно из самых главных благ в жизни человека – душевное спокойствие, ясность и определенность в своих мятущихся мыслях и чувствах. Ведь для героя Грина, как и для героя Достоевского, познать мир и самого себя, обрести уверенность в своих действиях является необходимым условием жизни и даже спасением от смерти. По мнению Ю. Карякина, «у Достоевского познание и происходит как бы на самой границе бытия-небытия, на самой границе между жизнью и смертью, и точность, честность, мужество, красота и совестливость этого познания оказываются условием самого бытия, самой жизни, условием спасения ее – ввиду смерти» [13].

В. Кантор отметил важную особенность развития характера Карамазова: «Старец не уверен, что сам Иван сумеет обуздать свою природную гордыню, свое высокомерие, ведущее к неуважению других, и поэтому несчастен, что сознает свое бессилие в борьбе с собой, свое глубоко запрятанное нежелание придерживаться выдвинутых им самим же моральных норм» [14].

Можно отметить сходство нравственного состояния героев Достоевского и Грина, потому что ни один из них не может успокоиться душевно, – решить для себя противоречие между двумя идеями, которые терзают их сердца и умы. У героя Грина это конфликт между прагматикой социалистических учений и чувством евангельской безрассудочной любви к своему ближнему.

У героя Достоевского это невозможность принять будущую общечеловеческую гармонию и счастье, зная, что на пути к ним была пролита «слеза ребенка». Писатель показывает главную черту Ивана Карамазова: двойственность души и глубокого ума, расколотого надвое мыслью о неприятии «мира божьего» и стремление верить богу и любить «ближнего своего». Иван не в силах полюбить по-настоящему людей со всеми их страстями и пороками. Он слишком гордый и высокомерный и не может примириться с человеком, обидевшим «ребенка», а уж тем более полюбить его. О такой гордости, переходящей в пренебрежение к людям, сказано у Ницше: «Кто захотел бы все понять у людей, должен был бы ко всему прикоснуться. Но для этого у меня слишком чистые руки» [15].

Карамазов не может побороть в себе тайное презрение ко всем окружающим – и потому несчастен. Это противоречие между высокомерием и любовью не разрешается в нем ни в одну из сторон: «В борьбе со скверной “карамазовщиной” Иван не ожидает, что во внешнем мире есть нечто, способное ему помочь. Правда и добро, по Достоевскому, суть категории, находящиеся вне корысти мира. И “народная правда”, заключающаяся в идее и образе Христа, не может подавить правды личности, а может ей только помочь, считал Достоевский. Мучения одинокого ума приводят героя к безумию. Но в этих мучениях есть и просветляющая сила» [16].

Такая же буря в душе творится у Геника. Трагическая неразрешенность двойственности ума и сердца – вот что взял для своего героя Грин у Карамазова. Но в отличие от Карамазова, который в тайне от всех высокомерен и презрителен к ближним, Геник более добр, чувствителен и полон любви и сострадания к тем, кто его окружает. Спокойствие и нарочитая грубоватость, стремление отрешиться от всех внешних проявлений своей горячей природы ради идеи – всего лишь маска, под которой скрывается внутренне не защищенный, глубоко ранимый человек. Поэтому простое, но очевидное откровение, что нельзя губить «маленькую зеленую жизнь» даже во имя самой высшей цели, поражает героя Грина так же внезапно и убийственно, как и пуля. Если герой «Братьев Карамазовых» может прожить с раздвоением души, не умирая и даже находя время для самоанализа и философствования, то Геник, как характер с более сильной волей и чувствами, не может смириться с постоянной сердечной болью и погибает.

О героях Достоевского и Грина можно сказать, что они вступили в «область трагедии», о которой так верно написал Л. Шестов: «Есть область человеческого духа, которая не видела еще

добровольцев: туда люди идут лишь поневоле. Это и есть область трагедии. Человек, побывавший там, начинает иначе думать, иначе чувствовать, иначе желать. Все, что дорого и близко всем людям, становится для него ненужным и чуждым. Он еще, правда, связан до некоторой степени со своей прежней жизнью. В нем сохранились еще кой-какие верования, к которым его приучили с детства, в нем еще отчасти живы старые опасения и надежды. Может быть, не раз в нем просыпается мучительное сознание ужаса своего положения и стремление вернуться к своему спокойному прошлому. Но “прошлого не вернешь”. Корабли сожжены, все пути назад заказаны – нужно идти вперед к неизвестному и вечно страшному будущему. И человек идет, почти уже не справляясь о том, что его ждет» [17].

Достоевский и Грин небезучастны к судьбам своих героев, воссоздавая драматизм их положения и сопереживая им. Писатели протестуют против характерного для западной философии духа имморализма и хотят показать, где добро и где зло, помочь читателям сделать выбор, достойный нравственного и верующего человека. Аксиологические координаты творчества русских писателей очень точно обозначил Б. Вышеславцев: «Мне кажется только, что в обожании беззаконной стихии ни у Пушкина, ни, тем более конечно, у Толстого и Достоевского – нет никакого имморализма. Достоевский в своей знаменитой речи понял Пушкина как глубочайшего моралиста, и он, пожалуй, прав. Стихия может быть и беззаконной, и преступной, и вдохновенно героической, и в ней все смешано, но дух великого поэта, витающего над нею и творящий из нее образы, никогда не смешивает добра и зла, прекрасно различает их, хотя равно прекрасно изображает и добро, и зло, и их стихийное смешение. В этом особенность русской души, в этом отличие Достоевского от Ницше. Западный дух, если влюбиться в стихийность, непременно станет “по ту сторону добра и зла”. Так было со времен Цезаря Борджия и Бенвенуто Челлини» [18].

Иван и Геник тоже люди «русской души». Героями Достоевского и Грина в обоих произведениях движет не разум, а чувства. Эту тенденцию в поведении персонажей Достоевского отметил И. Вышеславцев: «В романах Достоевского всегда происходит нагромождение событий, которые завершаются сценами высшего напряжения. Они странны, хаотичны, иррациональны, стихийны. Герои действуют наперекор рассудку, не отдавая себе отчета, потеряв власть над событиями; подпочвенные течения в душе влекут к поступкам. В конце концов действуют не сами люди, а неведомые им скрытые стихийные силы. Не сами – это чрезвычайно важно: они одержимы какими-то неистовыми силами, иногда им самим непонятными, одержимы бесами крупными и мелкими. Часто это бес уязвленной гордости, необъятного самолюбия, бес господства и раболепия, бес предательства и бес разрушения святынь и надругательства... Но это не сам человек: его самость как будто куда-то ушла» [19].

Таким образом, Грин, создав образ главного героя в рассказе «Маленький заговор», опирался на традиции Достоевского, показавшего сложный и противоречивый характер Ивана Карамазова.

Примечания

1. Варламов А. Александр Грин. М.: Мол. гвардия, 2005. С. 30.
2. Варламов А. Указ. соч. С. 34–35.
3. Грин А. С. Маленький заговор // Грин А. С. Собр. соч.: в 6 т. Т. 2. М.: Правда, 1980. С. 70.
4. Варламов А. Указ. соч. С. 35.
5. Грин А. С. Указ. соч. Т. 2. С. 422.
6. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф. М. Собр. соч.: в 15 т. Т. 9. М.: Наука, 1991. С. 275.
7. Грин А. С. Указ. соч. Т. 2. С. 435.
8. Грин А. С. Указ. соч. Т. 2. С. 434.
9. Библия. Евангелие от Матфея. М.: Рос. библ. о-во, 2010. С. 1504.
10. Достоевский Ф. М. Указ. соч. Т. 9. С. 81.
11. Грин А. С. Указ. соч. Т. 2. С. 453.
12. Достоевский Ф. М. Указ. соч. Т. 9. С. 64.
13. Карякин Ю. Ф. Не опоздать. Беседы. Интервью. Публицистика разных лет. СПб., 2012. С. 57.
14. Кантор В. «Судить божью тварь». Пророческий пафос Достоевского. Очерки. М.: РОССПЭН, 2010. С. 140.
15. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. М.: Астрель, 2010. С. 242.
16. Карякин Ю. Ф. Указ. соч. С. 176.
17. Шестов Л. Сочинения. М.: Раритет, 1995. С. 178.
18. Вышеславцев Б. П. Русская стихия у Достоевского. СПб.: Раритет, 2011. С. 603.
19. Вышеславцев Б. П. Указ. соч. С. 597.

Notes

1. Varlamov A. Aleksandr Grin [Alexander Green]. M. Mol. guardiya. 2005. P. 30.
2. Varlamov A. Op. cit. Pp. 34–35.
3. Green A. S. Malen'kij zagovor [Little plan] // Green A. S. Collected works: in 6 vol. Vol. 2. M. Pravda. 1980. P. 70.

4. Varlamov A. Op. cit. P. 35.
5. Green A. S. Op. cit. Vol. 2. P. 422.
6. Dostoyevsky F. M. Brat'ya Karamazovy [Brothers Karamazovs] / Dostoevsky F. M. Sobr. soch.: v 15 t. – Collected Works: in 15 vol. Vol. 9. M. Nauka. 1991. P. 275.
7. Green A. S. Op. cit. Vol. 2. P. 435.
8. Green A. S. Op. cit. Vol. 2. P. 434.
9. Bibliya. Evangelie ot Matfeya – The Bible. The Gospel of Matthew. M. Ros. Bibl. ob-vo. 2010. P. 1504.
10. Dostoevsky F. M. Op. cit. Vol. 9. P. 81.
11. Green A. S. Op. cit. Vol. 2. P. 453.
12. Dostoevsky F. M. Op. cit. Vol. 9. P. 64.
13. Karyakin Yu. F. Ne opozdat'. Besedy. Interv'yu. Publicistika raznyh let [Not to be late. Conversation. Interview. Journalism of different years]. St. Petersburg. 2012. P. 57.
14. Kantor V. "Sudit' bozh'yu tvar'". Prorocheskij pafos Dostoevskogo. Oчерki ["To Judge God's creature". Prophetic pathos of Dostoevsky. Essays]. M. ROSSPEN. 2010. P. 140.
15. Nietzsche F. Tak govoril Zaratustra [Thus spoke Zarathustra]. M. Astrel. 2010. P. 242.
16. Karyakin Y. F. Op. cit. P. 176.
17. Shestov L. Sochineniya [Works]. M. Raritet. 1995. P. 178.
18. Vysheslavtsev B. P. Russkaya stihiya u Dostoevskogo [Russian element in Dostoevsky]. SPb. Raritet. 2011. P. 603.
19. Vysheslavtsev B. P. Op. cit. P. 597.

УДК 821.161.1:159.923.2

Жэнь Фэй

Об одном невербальном способе выражения эмоций в произведениях А. П. Чехова

В статье рассматриваются глаголы, обозначающие смех как средство выражения невербальной реакции персонажа на какой-либо факт или какую-либо коммуникативную ситуацию. Работа выполнена на материале произведений А. П. Чехова. Автор рассматривает различные аспекты характеристики смеха в лингвистической литературе. Показывает, что смех существует в нескольких разновидностях, выступая как форма коммуникативного поведения человека. Отмечается, что в произведениях А. П. Чехова смех обозначается обычно глагольной лексикой. Показывается, что А. П. Чехов использует глаголы, обозначающие начальную стадию смеха (*засмеяться, захохотать, рассмеяться*); процесс смеха разной интенсивности (*смеяться, хихикать, хохотать*); смех как проявление насмешки, недоверия (*усмехнуться*). Анализ контекстуального употребления данных глаголов обнаруживает, что в произведениях А. П. Чехова причиной смеха в абсолютном большинстве случаев является хорошее настроение персонажа или же смех выступает в качестве средства самоиронии, а также насмешки над кем-либо или чем-либо.

In the article the verbs designating laughter as means of expression of nonverbal reaction of the character to any fact or any communicative situation are considered. The article is performed on material of works of A. P. Chekhov. The author considers various aspects of the characteristic of laughter in linguistic literature and shows that the laughter exists in several versions, acting as a form of communicative behavior of the person. It is noted that in works of A.P. Chekhov the laughter is designated usually by verbal lexicon. It is shown that A.P. Chekhov uses the verbs designating an initial stage of laughter (*to laugh, laugh loudly, burst out laughing*); process of laughter of different intensity (*to laugh, giggle, roar with laughter*); the laughter as manifestation of a sneer, mistrust (*to grin*). The analysis of the contextual use of these verbs finds out that in works of A.P. Chekhov the good mood of the character is the reason of laughter in absolute majority of cases, or the laughter acts as means of self-irony, and also a sneer at somebody or something.

Ключевые слова: невербальные средства языка, коммуникативная ситуация, эмоция, смех, глагольная лексика, произведения А. П. Чехова.

Keywords: nonverbal means of language, communicative situation, emotion, laughter, verbal lexicon, works of A. P. Chekhov.

В настоящей статье рассматривается такое невербальное средство выражения эмоций, как смех. Работа выполнена на материале произведений А. П. Чехова [1].

Смех – это эмоциональная реакция человека на происходящее. Приведем толкование слова **смех** в «Словаре русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевна (1981–1984). Далее толкования лексических единиц, связанных с обозначением смеха, будут даваться по указанному изданию [2].

Ср.: **Смех...** 1. Характерные прерывистые горловые звуки, вызываемые короткими выдыхательными движениями при проявлении веселья, радости, удовольствия и т. п. *Заливаться смехом. Не удержаться от смеха. Взрыв смеха.* [Маслова] *закатилась громким и таким заразительным смехом, что несколько детей тоже расхохотались* (Л. Толстой, Воскресение). || Веселье, шутки или насмешки, ирония. – *Хорошо жить умеет тот, кто любит смех* (М. Горький, Рассказ о герое). *К отлучению Толстого [от церкви] публика отнеслась со смехом.* (А. Чехов, Письмо Н. П. Кондакову, 2 марта 1901 г.) | мн. ч. (смéхи, -ов). *Прост. устар. – Тебе, Фленушка, смехи да шутки. А у меня сердце на части разрывается* (П. Мельников-Печерский, В лесах). *Как могу я изобразить – игры и смехи всех этих чиновных дам* (Ф. Достоевский, Двойник). 2. в знач. сказ. Разг. Смешно. [Блестов:] *Один все хмурится, другому же все смех* (А. Грибоедов, Притворная неверность). *Смех на какого-то Кузю печального: Держит коня перед носом сусального; Конь загляденье, и лаком кусок... Где тебе вытерпеть? Ешь, паренек!* (Н. Некрасов, Дядюшка Яков). 3. в знач. нареч. **смéхом.** *Прост. Шутя, несерьезно. То ли делом, то ли смехом Рассуждает паренек: – Ну, прощай. Пора, брат, ехать. Кто куда, а я – на ток* (А. Твардовский, Страна Муравия).

Проблематика смеха, его роль в коммуникации рассматривается в целом ряде работ [3]. Н. С. Куприянова, например, в статье «Отражение в языковой картине мира обыденных представлений об объекте смеха» рассматривает смех как универсальной концепт. Цель статьи – «выявление ассоциативно-вербальных признаков концепта смех, фиксирующих в языковом сознании русских обыденные представления об объекте смеха» [4]. В результате ассоциативных экспериментов Н. С. Куприянова пришла к следующему выводу: «Оценочность, антропоцентричность и эгоцентричность – основные когнитивные признаки смеха, проявляющиеся в ассоциативных полях, содержащих информацию об объекте смеха. В русском языковом сознании зафиксированы две максимально устойчивые формулы: **смеяться над собой и смешной человек** (т. е. смешной не я). Следовательно, в русском менталитете закреплено свойство критично относиться к себе (смеяться над собой – значит оценивать, высмеивать собственные недостатки, демонстрируя тем самым силу), однако не считать себя при этом смешным (нелепым, ни с чем несообразным, а значит слабым)» [5].

И. Н. Лаврикова выдвигает в центр анализа вопросы контроля над смехом. На основе анализа существующих концепций смеха автор выделяет его разновидности. Смех рассматривается как вид общественного жеста; полезная цель; исправление; мера общественной выучки; лекарство против тщеславия; отдохновение; отдых от жизни; охранитель жизни; кара; показатель пустого усилия; обезоруживание; вид сумасшествия; вид устрашения [6].

Н. Д. Миловская, рассуждая о лингвистическом аспекте проблемы смеха и комического в философских исследованиях, отмечает: «Для лингвистов наибольшей интерес представляет... различие между комическим, которое слово выражает, и комическим, которое слово создает» [7]. Автор подчеркивает, что «языковой (лингвистический, вербальный) комизм помимо нацеленности только на остроумную критику или остроумное подшучивание над существующим... миропорядком обнаруживает явно ощутимую интенцию доставить реципиенту эстетическое удовольствие семиотической природы, получаемое при успешном декодировании использованных при этом свежих и оригинальных языковых средств» [8].

Н. Н. Кириллова анализирует смех как коммуникативное поведение на материале произведений М. Пруста. Она показывает, что «смех является не просто реакцией, но типичным для многих «обитателей» этого пространства [речь идет о пространстве героев М. Пруста. – *Жэнь Фэй*] аспектом их коммуникативного поведения, перерастающего в коммуникативную стратегию» [9].

В произведениях А. П. Чехова существительное **смех** практически не используется. Оно отмечено лишь в одном контексте. Ср.: *Впереди гулко раздавались голоса. Уклеевские девушки давно ушли вперед, но задержались тут в роще: вероятно, подбирали грибы. – Эй, девки-и! – кричал Елизаров. – Эй, красотки! В ответ слышался смех* (А. Чехов 1985, В овраге. С. 310). Существительное **смех** обозначает здесь реакцию девушек на донесшееся до них обращение «красотки». Это беззаботный смех как свидетельство хорошего радостного настроения.

В абсолютном большинстве случаев А. П. Чехов использует для обозначения смеха глаголы: **смеяться, засмеяться, рассмеяться, усмехнуться, хохотать, захохотать, захихикать**. Рассмотрим особенности употребления А. П. Чеховым каждого из этих глаголов.

Глагол **смеяться**. В словаре данный глагол имеет следующее толкование.

Смеяться... 1. Издавать смех. [*Сережа*] *от души смеялся своим звонким, отчетливым и чрезвычайно увлекательным смехом* (Л. Толстой, Детство). *Все стали смеяться так сильно, так заразительно, что некоторые прохожие, и не зная причины веселия, тоже смеялись* (М. Пришвин, Кашеева цепь). || Выражать веселость (о глазах, лице и т. п.). *Глаза ее весело смеялись, и все лицо дышало удовольствием* (А. Чехов, Шампанское). *Лицо матери смеялось* (Ф. Гладков, Повесть о

детстве). **2.** над кем-чем и (устар.) кому-чему. Насмехаться, издеваться над кем-, чем-л. Не смейся чужой беде, своя на гряде (Пословица). – Ах, как, должно быть, ты тогда надо мной смеялась и как я стоил твоей насмешки! (Ф. Достоевский, Униженные и оскорбленные). – Вы смеетесь надо мной? – спросил он с удивлением. Так неестественно казалось ему смеяться над бедностью (И. Гончаров, Обрыв). **3.** Разг. Говорить несерьезно, шутить. [Клементьев:] Я приехал, чтобы опять поговорить с вами. [Надя:] Да вы смеетесь! (Н. Чернышевский, Мастерица варить кашу). Козлов опешил: «Что она – смеется? Или всерьез?» (А. Яшин, Алена Фомина).

В контекстах с глаголом **смеяться** причиной смеха является психологическое и эмоциональное состояние человека. Причины этого состояния могут быть следующими.

Радостное настроение. Ср.: Сад у Шелестовых был большой, на четырех десятинах... Много было и цветов. Никитин и Манюся молча бегали по аллеям, **смеялись**, задавали изредка друг другу отрывистые вопросы, на которые не отвечали, а над садом светил полумесяц и на земле из темной травы, слабо освещенной этим полумесяцем, тянулись сонные тюльпаны и ирисы, точно прося, чтобы и с ними объяснились в любви (А. Чехов 1983, Учитель словесности. С. 18).

Необходимость снятия внутреннего напряжения. Ср.: Держа Юлию за талию, он крепко поцеловал ее в щеку, потом в губы, в полной уверенности, что доставляет ей большое удовольствие. Юлия оправилась от страха и смущения и стала **смеяться**. Он поцеловал ее еще раз и сказал, надевая свой смешной картуз: – Вот и всё, что может дать вам инвалид (А. Чехов 1987, Три года. С. 118).

Самоирония, насмешка над самим собой или окружающими. Ср.: Приехал он к Котловичу, как говорил, для того, чтобы отдохнуть на лоне природы от семейной жизни. За обедом, за ужином, на прогулках он говорил нам про свою жену, про мать, про кредиторов, судебных приставов и **смеялся над ними; смеялся над собой** и уверял, что благодаря этой способности братья взаимно он приобрел много приятных знакомств. **Смеялся он не переставая, и мы тоже смеялись** (А. Чехов 1983, Ариадна. С. 91).

Смех как осознание собственной силы. Ср.: Аксинья, едва вышла за глухого, как **обнаружила необыкновенную деловитость** и уже знала, кому можно отпустить в долг, кому нельзя, держала при себе ключи, не доверяя их даже мужу, щелкала на счетах, заглядывала лошадям в зубы, как мужик, и **всё смеялась или покрикивала**; и, что бы она ни делала, ни говорила, старик только умилялся и бормотал:– Ай да невестушка! Ай да красавица, матушка... (А. Чехов 1985, В овраге. С. 293).

Глагол **засмеяться**. Во всех высказываниях из произведений А. П. Чехова семантика глагола **засмеяться** одна и та же – «начать смеяться». Герои А. П. Чехова начинают смеяться по нескольким причинам.

• **От испытываемого по какому-либо случаю удовольствия.** Ср.: Потом, когда меня отдали в гимназию, я до обеда учился, а от обеда до вечера должен был сидеть всё в том же амбаре, и так до 22 лет, пока я не познакомился в университете с Ярцевым, который убедил меня уйти из отцовского дома. Этот Ярцев сделал мне много добра. Знаешь что, – сказал Лаптев и **засмеялся от удовольствия**, – давай поедим сейчас с визитом к Ярцеву. Это благороднейший человек! Как он будет тронут! (А. Чехов 1987, Три года. С. 97). Пройдя девять верст и потом ложась спать, он **не чувствовал ни малейшей усталости**, а напротив, ему казалось, что он с удовольствием прошел бы еще верст двадцать. «Недурственно...» – **вспомнил он**, засыпая, и **засмеялся** (А. Чехов 1985, Июньч. С. 232). – А тут, ваше преосвященство, ваша мамаша без вас приехали, – доложил келейник, когда преосвященный входил к себе. – Маменька? Когда она приехала? – Перед всенощной. Справлялись сначала, где вы, а потом поехали в женский монастырь. – Это, значит, я ее в церкви видел давеча! О господи! И преосвященный **засмеялся от радости** (А. Чехов 1983, Архиерей. С. 282).

• **В силу ироничного отношения к себе или к общему положению дел.** Ср.: Надя слышала это и в прошлом году и, кажется, в позапрошлом и знала, что Саша иначе рассуждать не может, и это прежде смешило ее, теперь же почему-то ей стало досадно. – Всё это старо и давно надоело, – сказала она и встала. – Вы бы придумали что-нибудь поновее. Он **засмеялся** и тоже встал, и оба пошли к дому (А. Чехов 1985, Невеста. С. 332). – Так вот и давайте заводите другие порядки! – живо сказал член управы. – Я уже имел честь докладывать: передайте медицинскую часть в ведение земства. — Да, передайте земству деньги, а оно украдет, – **засмеялся** белокурый доктор. – Это как водится, – согласился член управы и тоже **засмеялся** (А. Чехов 1985, Палата № 6. С. 125).

«Он в самом деле красив», – подумала она, взглянув на Ханова. А дорога все хуже и хуже... Въехали в лес. Тут уж сворачивать негде, колеи глубокие, и в них льется и журчит вода. И колючие ветви бьют по лицу. – Какова дорога? – спросил Ханов и **засмеялся** (А. Чехов 1983, На подводе. С. 198).

• **Причина начала смеха – коллективное чувство по поводу происходящего.** Ср.: Андрей Андреич играл; все слушали молча. На столе тихо кипел самовар, и только один Саша пил чай. Потом, когда пробило двенадцать, лопнула вдруг струна на скрипке; **все засмеялись**, засуетились и стали прощаться (А. Чехов 1985, Невеста. С. 334).

Рассказывал он обстоятельно, не спеша; прошло три минуты, потом пять, десять, а он всё продолжал, и никто не мог понять, о чем это он рассказывает, и лицо его становилось всё более равнодушным, и глаза потускнели. – Киш, рассказывайте поскорее, – не выдержала Юлия Сергеевна, – а то ведь это мучительно! – Перестаньте, Киш! – крикнул на него Костя. **Засмеялись** все, и сам Киш (А. Чехов 1987, Три года. С. 112).

Глагол **рассмеяться**. В отличие от глаголов **смеяться** и **засмеяться**, в семантике которых отсутствует указание на интенсивность смеха, глагол **рассмеяться** делает акцент именно на интенсивности смеха. **Рассмеяться** – это «начать сильно смеяться». Причины смеха и здесь самоирония или хорошее настроение персонажа.

Ср.: – Душа у праведного белая и гладкая, как мел, а у грешного, как пемза. Душа у праведного – олифа светлая, а у грешного – смола газовая. Трудиться надо, скорбеть надо, болеть надо, – продолжал он, – а который человек не трудится и не скорбит, тому не будет царства небесного. Горе, горе сытым, горе сильным, горе богатым, горе заимодавцам! Не видать им царствия небесного. Тля ест траву, ржа – железо... – А лжа – душу, – продолжила сестра и **рассмеялась** (А. Чехов 1983, Моя жизнь. С. 162).

Надя уже сильно тосковала и каждый день думала о матери и о бабушке, думала о Саше... поехала домой и на пути остановилась в Москве, чтобы повидаться с Сашей. Он был всё такой же, как и прошлым летом: бородатый, со всклокоченной головой, всё в том же сюртуке и парусиновых брюках, всё с теми же большими, прекрасными глазами; но вид у него был нездоровый, замученный, он и постарел, и похудел, и всё покашливал. И почему-то показался он Наде серым, провинциальным. – Боже мой, Надя приехала! – сказал он и **весело рассмеялся**. – Родная моя, голубушка! (А. Чехов 1985, Невеста. С. 345).

Глагол **усмехнуться** имеет следующее значение: «Улыбнуться (обычно с иронией, насмешкой, недоверием и т. п.). При употреблении данного глагола акцент делается на насмешке, недоверии к кому-либо».

Ср.: Сделайте же для них ненужным грубый животный труд, дайте им почувствовать себя на свободе, и тогда увидите, какая, в сущности, насмешка эти книжки и аптечки. Раз человек сознает свое истинное призвание, то удовлетворять его могут только религия, науки, искусства, а не эти пустяки. – Освободить от труда! – **усмехнулась** Лидя. – Разве это возможно? – Да. Возьмите на себя долю их труда. (А. Чехов 1985, Дом с мезонином. С. 183). В деревне жить не желаю, и никто не имеет права меня заставить. Говорят, жена. Ты, говорят, обязан в избе с женой жить. А почему такое? Я к ней не нанимался. – Скажите, Степан, вы женились по любви? – спросила Маша. – Какая у нас в деревне любовь? – ответил Степан и **усмехнулся**. – Собственно, сударыня, ежели вам угодно знать, я женат во второй раз. (А. Чехов 1985, Моя жизнь. С. 151).

Глагол **хохотать**, то есть «...громко смеяться», обозначает силу смеха. Ср.: Он не выплатил еще своего варшавского долга и был удручен тяжелым стыдом, был напряжен и потому старался **хохотать** громче и рассказывать смешнее. Его анекдоты и рассказы казались теперь бесконечными и были мучительны и для Андрея Ефимыча, и для него самого (А. Чехов 1985, Палата № 6. С. 134). Пели в сеньях певчие, играла музыка, и в это же время на дворе бабы величали, все в один голос, – и была какая-то ужасная, дикая смесь звуков, от которой кружилась голова. Костыль вертелся на стуле и толкал соседей локтями, мешал говорить, и то плакал, то **хохотал** (А. Чехов 1985, В овраге. С. 302).

Глагол **захохотать** – «начать хохотать». Ср.: Юлия со свечой вышла к ней. Позади горничной стоял доктор, в нижнем белье и пальто, и тоже со свечой. – Звонок у нас испортился, – говорил он, зевая спрснонок. – Давно бы починить надо. Юлия распечатала телеграмму и прочла: «Пьем ваше здоровье. Ярцев, Кочевой». – Ах, какие дураки! – сказала она и **захохотала**; на душе у нее стало легко и весело (А. Чехов 1987, Три года. С. 121). Иван Дмитрич, лежа на кровати и приподнявшись на локоть, с тревогой прислушивался к чужому голосу и вдруг узнал доктора. Он весь затрясся от гнева, вскочил и с красным, злым лицом, с глазами навывкате, выбежал на середину палаты. – Доктор пришел! – крикнул он и **захохотал**. – Наконец-то! Господа, поздравляю, доктор удостоивает нас своим визитом! (А. Чехов 1985, Палата № 6. С. 113)

Хихикать – «негромко или исподтишка смеяться». **Захихикать** – «начать хихикать». – Я, ваше превосходительство... Очень приятно-с! Друг, можно сказать, детства и вдруг вышли в такие вельможы-с! Хи-хи-с. – Ну, полно! – поморщился толстый. – Для чего этот тон? Мы с тобой друзья детства – и к чему тут это чинопочитание! – Помилуйте... Что вы-с... – **захихикал** тонкий, еще более съезживаясь. – Милостивое внимание вашего превосходительства... вроде как бы живительной влаги... (А. Чехов 1985, Толстый и тонкий. С. 42).

Характеризуя лексику со значением смеха, остановимся также на существительном **улыбка** и глаголах **улыбаться** и **улыбнуться**. В словаре эти слова имеют следующие толкования. Ср.: **Улыбка** – «движение мышц лица (губ, глаз), показывающее расположение к смеху, выражающее привет, удовольствие, насмешку и т. п. Презрительная улыбка. Улыбка радости...».

Улыбаться – «1. Улыбкой выражать какие-либо чувства. *Приветливо улыбаться. Лукаво улыбаться... // кому-чему.* Улыбкой выражать свое расположение, сочувствие, доброе отношение к кому-, чему-либо. *Встречаясь, они улыбались друг другу* (М. Горький. Жизнь Клим Самгина). // Выражать улыбку, складываться в улыбку *Карие глаза квартального улыбались* (К. Коровин. А. П. Чехов). 2. *Перен., кому.* Благоприятствовать, способствовать успеху, сулить удачу, счастье. *Тот, кому улыбалось счастье, уходил, уходил из Джаира с некоторым состоянием.* Обручев. Золотоискатели в пустыне. 3. *перен., кому (обычно с отрицанием «не»).* Разг. Соответствовать чьему-либо желанию, быть для кого-то особенно привлекательным, заманчивым. *Кити писала с вод, что ничто ей так не улыбается, как провести лето с Долли в Ергушове* (Л. Толстой, Анна Каренина).

Улыбнуться – «сов. к улыбаться. 2. (1 и 2 л. не употреб.). *перен. Разг.* Не достаться кому-либо, не стать предметом обладания (о чем-либо не осуществившемся вопреки ожиданиям). *Путевка улыбнулась».*

И. А. Стернин пишет: «Интересно, что *смеяться* – это общеславянский корень, он имеет соответствия и в индоевропейском: лат. *smietis* – смеяться, санскр. *smayatu* – улыбаться, англ. *smile* – улыбаться; но в русском языке этот корень дал *смеяться*, а не *улыбаться*. *Улыбаться* – особенное, собственно русское образование от *лыбать* – *улыбаться, усмехаться*» [10].

В произведениях А. П. Чехова улыбку передают движения губ и глаза, Она выражает радость, насмешку, неловкость, застенчивость. Герои А. П. Чехова улыбаются из-за хорошего настроения, из вежливости, учтивости и т. д. Проиллюстрируем примерами, как именно и по какой причине улыбаются у А. П. Чехова участники коммуникации. Ср.: *А надо сказать, что в то время к Косоротову только что вернулась его жена, особа сварливая и легкомысленная, которую звали Анной. Надеюсь, что когда я получу Анну второй степени, то его сиятельство не будет иметь повода сказать мне то же самое. Он улыбался своими маленькими глазками* (А. Чехов 1983, Анна на шее. С. 77). *Старушка пожила, слава богу... Сколько ей?– Да без года семьдесят, Максим Николаич. – Что ж? Пожила старушка. Пора и честь знать. – Оно, конечно, справедливо изволили заметить, Максим Николаич, – сказал Яков, улыбаясь из вежливости, – и чувствительно вас благодарим за вашу приятность, но позвольте вам выразиться, всякому насекомому жить хочется* (А. Чехов 1983, Скрипка Ротшильда. С. 7). *Вы начинаете говорить с ней о чем-нибудь, а она уже пристально смотрит вам в лицо и вдруг перебивает: «Позвольте, позвольте, Петров, третьего дня вы говорили совсем противоположное!» Или же она насмешливо улыбается и говорит: «Однако, я замечаю, вы начинаете проповедовать принципы третьего отделения. Поздравляю вас* (А. Чехов 1983, Учитель словесности. С. 13). *И в воображении Ани все эти силы сливались в одно и в виде одного страшного громадного белого медведя надвигались на слабых и виноватых, таких, как ее отец, и она боялась сказать что-нибудь против, и натянуто улыбалась, и выражала притворное удовольствие, когда ее грубо ласкали и оскверняли объятиями, наводившими на нее ужас* (А. Чехов 1983, Анна на шее. С. 80).– *Надеюсь, милая, и после свадьбы вы останетесь всё таким же розаном. Офицеры, директор и все учителя улыбнулись из приличия, и я тоже почувствовал на своем лице приятную неискреннюю улыбку* (А. Чехов 1985, Учитель словесности. С. 20). *Червяков кашлянул, подался туловищем вперед и зашептал генералу на ухо: – Извините, ваше-ство, я вас обрызгал... я нечаянно... – Ничего, ничего... – Ради бога, извините. Я ведь... я не желал! – Ах, сидите, пожалуйста! Дайте слушать! Червяков сконфузился, глупо улыбнулся и начал глядеть на сцену. Глядел он, но уж блаженства больше не чувствовал* (А. Чехов 1985, Смерть чиновника. С. 38). *Даже самый здоровый человек не может не беспокоиться, если у него, например, под окном ходит разбойник. Меня часто лечат, – продолжала она, глядя себе в колени, и улыбнулась застенчиво, – я, конечно, очень благодарна и не отрицаю пользы лечения, но мне хотелось бы поговорить не с доктором, а с близким человеком, с другом, который бы понял меня, убедил бы меня, что я права или неправа* (А. Чехов 1985, Случай из практики. С. 255).

Если обобщить наблюдения над употреблением А. П. Чеховым глаголов со значением смеха и примыкающих к ним глаголов, обозначающих улыбку, то можно сделать следующие выводы. Писатель использует различные по семантике глаголы, обозначающие смех. Это лексические единицы, указывающие на начальную стадию смеха разной интенсивности (*засмеяться, захохотать, захихикать, рассмеяться*); характеризующие процесс смеха разной интенсивности (*смеяться, хохотать, хихикать*); выражающие недоверие, насмешку (*усмехнуться*). Причины смеха являются самыми обычными: хорошее настроение персонажей, выражение радости и удовольствия по какому-либо поводу, а также самоирония или насмешка над кем-либо или чем-либо. Глаголы *улыбаться* и *улыбнуться* дополняют общую картину, расширяя круг невербальных средств общения в разнообразных коммуникативных ситуациях.

В нашем материале, насчитывающем 1076 примеров высказываний, включающих языковые единицы, обозначающие невербальные средства коммуникации в рамках различных комму-

никативных ситуаций, глаголы, обозначающие различные формы и стадии смеха, а также улыбку, составляют весьма незначительную часть – около ста случаев употребления. Этот факт заслуживает особого внимания, поскольку А. П. Чехов считается писателем, для которого типичны юмор, ирония, насмешка, сатира, который умеет подмечать смешное в разнообразных жизненных ситуациях. Проведенный нами анализ лексики, обозначающей смех в рассказах и повестях А. П. Чехова, показывает, что для писателя нетипично прямое обозначение смеха, что комический эффект в его произведениях создается иными средствами. Важно, однако, подчеркнуть, что смех в его типичном проявлении и прямом обозначении выступает в произведениях А. П. Чехова как коммуникативно значимый компонент речевой ситуации, описание которого важно для описания целостного образа литературного персонажа [11].

Примечания

1. В тексте статьи цитаты из произведений А. П. Чехова приводятся по изданиям: Чехов А. П. Сочинения: в 2 т. М., 1983; Чехов А. П. Повести и рассказы. М., 1985; Чехов А. П. Повести пьесы. М., 1987. С. 64–147.
2. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевна. М.: Рус. яз., 1981–1984.
3. Кириллова Н. Н. Смех как коммуникативное поведение (на материале произведений М. Пруста) // Проблемы изучения языка и речи / Вестник НГЛУ им. Н. А. Добролюбова. 2009. № 4. С. 216–226; Куприянова Н. С. Отражение в языковой картине мира обыденных представлений об объекте смеха // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. 2009. № 11 (15). С. 38–44; Лаврикова И. Н. Власть: между смехом и страхом // Вестник ЮУрГУ. Сер. «Социально-гуманитарные науки». 2010. № 8 (184). С. 124–127; Миловская Н. Д. Лингвистический аспект проблемы смеха и комического в философских исследованиях // Личность. Культура. Общество. 2010. Т. XII. № 4 (59–60). С. 353–359.
4. Куприянова Н. С. Указ. соч. С. 38.
5. Там же. С. 44.
6. Лаврикова И. Н. Указ. соч. С. 124–125.
7. Миловская Н. Д. Указ. соч. С. 359.
8. Там же.
9. Кириллова Н. Н. Указ. соч. С. 217.
10. Стернин И. А. Особенности русской улыбки // Теоретические и прикладные проблемы языкознания. Избранные работы. Воронеж, 2008. С. 149.
11. Чернова С. В. Художественный образ: к определению понятия // Вестник ВятГГУ. 2014. № 6. С. 109–116; Чернова С. В. Семантика слова образ в русском языке // Язык. Текст. Дискурс: науч. альманах Ставропольского отделения РАЛК / под ред. Г. Н. Манаенко. Вып. 12. Ч. 2. Ставрополь 2014. С. 187–196.

Notes

1. In the text quotations from the works of Anton Chekhov are according to the publications: A. P. Chekhov Sochineniya: v 2 t. [Works: in 2 vol]. M. 1983; A. P. Chekhov Povesti i rasskazy [Novels and stories]. M. 1985; Chekhov A. P. Povesti p'esy [Novels and plays]. M. 1987. Pp. 64–147.
2. Slovar' russkogo yazyka: v 4 t. – Dictionary of Russian language: in 4 vol. / ed. by A. P. Evgen'evna. M. Rus. yaz. 1981–1984.
3. Kirillova N. N. Smeh kak kommunikativnoe povedenie na materiale proizvedeniyam M. Prusta [Laugh as a communicative behavior on the material of works by M. Proust] / Problemy izucheniya yazyka i rechi – Problems of studying of language and speech / Herald of NSLU n.a. N. A. Dobrolyubov. 2009, No. 4, pp. 216–226; Kupriyanova N. S. Otrazhenie v yazykovoj kartine mira obydennyh predstavlenij ob ob'ekte smekha [Reflection of ordinary representations about the object of laughter in the linguistic world] // Izvestiya PGPU im. V. G. Belinskogo – News of PSPU n.a. V. G. Belinsky. 2009, No. 11 (15), pp. 38–44; Lavrikova I. N. Vlast': mezhdru smekhom i strahom [Power: between laughter and fear] // Vestnik YUUrGU. Ser. «Social'no-gumanitarnye nauki» – Herald of UUSU. Ser. "Social Sciences and Humanities". 2010, № 8 (184), pp. 124–127; Milovskaya N. D. Lingvisticheskij aspekt problemy smekha i komicheskogo v filosofskih issledovaniyah [Linguistic aspect of the problem of laughter and the comic in the philosophical studies] // Lichnost'. Kul'tura. Obschestvo – Personality. Culture. Society. 2010, vol. XII. No. 4 (59–60), pp. 353–359.
4. Kupriyanova N. S. Op. cit. P. 38.
5. Ibid. P. 44.
6. Lavrikova I. N. Op. cit. Pp. 124–125.
7. Milovskaya N. D. Op. cit. P. 359.
8. Ibid.
9. Kirillova N. N. Op. cit. P. 217.
10. Sternin I. A. Osobennosti russkoj ulybki [Peculiarities of the Russian smile] // Teoreticheskie i prikladnye problemy yazykoznaniya. Izbrannye raboty – Theoretical and applied problems of linguistics. Selected works. Voronezh. 2008. P. 149.
11. Chernova S. V. Hudozhestvennyj obraz: k opredeleniyu ponyatiya [Art image: to the definition] // Vestnik Vyat-GGU – Herald of the intersection of languages and cultures. No. 6, 2014, pp. 109–116; Chernova S. V. Semantika slova obraz v russkom yazyke [Semantics of the word image in the Russian language] // YAzyk. Tekst. Diskurs: nauch. al'manah Stavropol'skogo otdeleniya RALK – Language. Text. Discourse: scientific. almanac of the Stavropol branch of the Russian cognitive linguists Association / ed. by G. N. Manayenko. Is. 12. Part 2. Stavropol. 2014. Pp. 187–196.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БЕКIMБЕТОВА Наиля Маратовна – преподаватель кафедры английского языка в сфере медицины и биоинженерии, Казанский (Приволжский) федеральный университет. 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18.

E-mail: rtrielt@mail.ru

БОРОДИНА Елена Васильевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории и археологии УрО РАН; доцент кафедры истории России, Уральский федеральный университет. 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19.

E-mail: sosnovi-bor@yandex.ru

ЕВТУШЕВСКАЯ Анастасия Евгеньевна – аспирант кафедры английской филологии, Ивановский государственный университет. 153025, г. Иваново, ул. Ермака, 39.

E-mail: Anastasia_EE89@mail.ru

Жень Фэй – аспирант кафедры русского языка, ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26.

E-mail: kafirus@vshu.kirov.ru

ЗАМАЛЮТДИНОВА Эльмира Рафаилевна – доцент кафедры иностранных языков, Казанский государственный энергетический университет. 420066, г. Казань, ул. Красносельская, 51.

E-mail: zam-ehlmira@yandex.ru

ИВАНОВ Константин Сергеевич – аспирант, Тюменская государственная академия культуры, искусств и социальных технологий; научный сотрудник, Муниципальное автономное учреждение культуры «Ишимский историко-художественный музей». 627750, г. Ишим, ул. Ленина, 62.

E-mail: vagai87@yandex.ru

ИСМАГИЛОВА Алия Ринатовна – ассистент кафедры английского языка в сфере медицины и биоинженерии, Казанский (Приволжский) федеральный университет. 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18.

E-mail: ismalisha@mail.ru

КАЛИНИНА Людмила Викторовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка, ВятГГУ. 610004, г. Киров, ул. Красноармейская, 26.

E-mail: grifon.kalinina@yandex.ru

КИСЕЛЕВ Михаил Александрович – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт истории и археологии УрО РАН. 620990, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16.

E-mail: strateg-mk@rambler.ru

КЛЕКОВКИН Дмитрий Анатольевич – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы, ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: d-klekovkin@mail.ru

КОЧЕМАСОВА Динара Радиковна – доцент кафедры английского языка в сфере медицины и биоинженерии, Казанский (Приволжский) федеральный университет. 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18.

E-mail: jobdinara@mail.ru

КОЧНОВА Ксения Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории и культуры, Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия. 603107, г. Н. Новгород, проспект Гагарина, 97.

E-mail: kochnova08@list.ru

ЛЕБЕДЕВ Антон Валерьевич – кандидат культурологии, доцент кафедры английского языка для профессиональной коммуникации, Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва. 430005, г. Саранск, ул. Большевикская, 68.

E-mail: toshaleb@mail.ru

МОЗГИНА Кристина Алексеевна – аспирант, ассистент кафедры иностранного языка как второй специальности, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. 150000, Ярославль, Республиканская улица, 108.
E-mail: Usaharik.Art@yandex.ru

ПИЛИПЕНКО Елена Александровна – кандидат физико-математических наук, доцент, докторант кафедры философии и методологии науки, Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского. 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83.
E-mail: e.pilipenko@bk.ru

РАХИНСКИЙ Дмитрий Владимирович – кандидат философских наук, доцент кафедры профессиональной коммуникации и сервиса, Юридический институт Красноярского государственного аграрного университета. 660017, г. Красноярск, пр. Мира, 90.
E-mail: siridar@mail.ru

РАХМАТУЛЛИНА Диана Эдуардовна – доцент кафедры иностранных языков, Казанский государственный энергетический университет. 420066, г. Казань, ул. Красносельская, 51.
E-mail: dinush77@mail.ru

СЛОБОДЯНЮК Галина Евгеньевна – старший преподаватель кафедры всеобщей истории, археологии и этнологии, Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко. MD-3300, г. Тирасполь, ул. 25 Октября, 128.
E-mail: slobodyanyuk-1979@mail.ru

СОКОЛОВА Анастасия Сергеевна – соискатель кафедры философии и политологии, Башкирский государственный университет. 450076, г. Уфа, ул. 3. Валиди, 32.
E-mail: goldfish23@yandex.ru

ТРУШКОВА Ирина Юрьевна – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой археологии, этнологии и культурной антропологии, ВятГГУ. 610004, г. Киров, ул. Красноармейская, 26.
E-mail: kaf_arh@vshu.kirov.ru

Тун Хуэй – аспирант кафедры русского языка, ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26.
E-mail: 13934452428@163.com

ФАСХУТДИНОВА Галия Рауфовна – старший преподаватель кафедры иностранных языков в профессиональной коммуникации, Казанский национальный исследовательский технологический университет. 420015, г. Казань, ул. Карла Маркса, 68.
E-mail: galiya82m@mail.ru

ЧАНЧИНА Анна Валериевна – кандидат филологических наук, директор редакционно-издательского центра «Полиграф», Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина (Мининский университет). 603950, г. Н. Новгород, ул. Ульянова, 1.
E-mail: avch1@list.ru

Чжан Хун – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы, ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26.
E-mail: ruslit@vshu.kirov.ru

ШАКИН Сергей Александрович – старший преподаватель кафедры философии и культурологии, Вятский государственный университет. 610002, г. Киров, ул. Московская, 39.
E-mail: darthsergiiio@gmail.com

ШАШИН Захар Сергеевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии, Вятский государственный университет. 610002, г. Киров, ул. Московская, 39.
E-mail: za.shashin@gmail.com

INFORMATION ABOUT AUTHORS

BEKIMBETOVA Naila Maratovna – lecturer of the Department of English in the field of medicine and bioengineering, Kazan (Volga region) Federal University. 18 Kremlevskaya str., 420008, Kazan.
E-mail: rtrielt@mail.ru

BORODINA Elena Vasil'evna – Candidate of Historical Sciences, senior researcher of the Institute of History and Archaeology of Ural branch of RAS, Associate Professor of Russian history, Ural Federal University. 19 Mira str., 620002, Ekaterinburg.
E-mail: sosnovi-bor@yandex.ru

EVTUSHEVSKAYA Anastasia Evgenyevna – postgraduate student of the Department of English Philology of Ivanovo State University. 39 Ermak str., 153025, Ivanovo.
E-mail: Anastasia_EE89@mail.ru

Ren Fei – graduate student of the Department of Russian language of VyatSHU. 26 Krasnoarmeyskaya str., 610004, Kirov.
E-mail: kafrus@vshu.kirov.ru

ZAMALETDINOVA Elmira Rafailevna – Associate Professor of the Department "Foreign languages", Kazan State Power Engineering University. 51 Krasnoselskaya str., 420066, Kazan.
E-mail: zam-ehlmira@yandex.ru

IVANOV Konstantin Sergeevich – postgraduate student of Tyumen State Academy of culture, arts and social technologies; scientific officer, Municipal Autonomous Institution of culture "Ishim Museum of history and art". 62 Lenin str., 627750, Ishim.
E-mail: vagai87@yandex.ru

ISMAGILOVA Aliya Rinatovna – Assistant Professor of the Department of English in the field of medicine and bioengineering, Kazan (Volga region) Federal University. 18 Kremlevskaya str., 420008, Kazan.
E-mail: ismalisha@mail.ru

KALININA Ludmila Victorovna – Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Russian language of VyatSHU. 26 Krasnoarmeyskaya str., 610004, Kirov.
E-mail: grifon.kalinina@yandex.ru

KISELEV Mikhail Aleksandrovich – Candidate of Historical Sciences, researcher of the Institute of History and Archaeology of Ural branch of RAS. 16 S. Kovalevskaya str., 620990, Yekaterinburg.
E-mail: strateg-mk@rambler.ru

KLEKOVKIN Dmitry Anatolievich – postgraduate of the Department of Russian and Foreign Literature of the Faculty of Philology of the Vyatka State Humanities University (VyatSHU). 26 Krasnoarmeyskaya str., 610002 Kirov.
E-mail: d-klekovkin@mail.ru

KOCHEMASOVA Dinara Radikovna – Associate Professor of English in the field of medicine and bioengineering, Kazan (Volga region) Federal University. 18 Kremlevskaya str., 420008, Kazan.
E-mail: jobdinara@mail.ru

KOCHNOVA Ksenia Aleksandrovna – Candidate of Philological Sciences, Professor of History and Culture of the Nizhny Novgorod State Agricultural Academy. 97 Gagarin Ave., 603107, N. Novgorod.
E-mail: kochnova08@list.ru

LEBEDEV Anton Valerievich – Candidate in cultural studies, Associate Professor of the Department of English for professional communication, Mordovia State University n.a. N. P. Ogarev. 68 Bolshevistskaya str., 430005 Saransk.
E-mail: toshaleb@mail.ru

MOZGINA Kristina Alekseevna – postgraduate student, assistant of the Department of foreign language as second speciality of the Yaroslavl State Pedagogical University n.a. K. D. Ushinsky. 108 Re-publikanskaya str., 150000, Yaroslavl.
E-mail: Usaharik.Art@yandex.ru

PILIPENKO Elena Aleksandrovna – Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor, doctoral student, Department of Philosophy and Methodology of Science, Saratov State University named after N. G. Chernyshevsky, 83 Astrakhanskaya St., 410012 Saratov, Russian Federation.
E-mail: e.pilipenko@bk.ru

RAKHINSKIY Dmitry Vladimirovich – Candidate of Philosophical sciences, Associate Professor of the Department of professional communication and service, Law Institute of Krasnoyarsk State Agrarian University. 90 Mira Ave, 660017 Krasnoyarsk, Krasnoyarsk region, Russian Federation.
E-mail: siridar@mail.ru

RAKHMATULLINA Diana Eduardovna – Associate Professor of the Department "Foreign languages", Kazan State Power Engineering University. 51 Krasnoselskaya str., 420066, Kazan.
E-mail: dinush77@mail.ru;

SLOBODYANYUK Galina Evgen'evna – senior lecturer of the Department of General History, Archeology and Ethnology, Dnestr State University n.a. T. G. Shevchenko. 128 25 October str., MD-3300, Tiraspol.
E-mail: slobodyanyuk-1979@mail.ru

SOKOLOVA Anastasia Sergeevna – competitor of the Department of Philosophy and Political science, Bashkir State University. 32 Z. Validi str., Ufa.
E-mail: goldfish23@yandex.ru

TRUSHKOVA Irina Yur'evna – Doctor of Historical Sciences, Professor, head of the Department of Archeology, Ethnology and Cultural Anthropology of VyatSHU. 26 Krasnoarmeyskaya str., 610004, Kirov.
E-mail: kaf_arh@vshu.kirov.ru

Tong Hui – graduate student of the Department of Russian language of VyatSHU. 26 Krasnoarmeyskaya str., 610004, Kirov.
E-mail: 13934452428@163.com

FASKHUTDINOVA Galiya Raufovna – senior lecturer of the Department of foreign languages in professional communication, Kazan National Research Technological University. 68 Karl Marx str., 420015, Kazan.
E-mail: galiya82m@mail.ru

CHANCHINA Anna Valerievna – Candidate of Philological Sciences, Director of the Editorial centre "Polygraph", Nizhny Novgorod State Pedagogical University n.a. K. Minin (Minin University). 1 Ulyanov str., 603950, N. Novgorod.
E-mail: avch1@list.ru

Zhang Hong – graduate student of the Department of Russian and Foreign Literature of VyatSHU. 26 Krasnoarmeyskaya str., 610004, Kirov.
E-mail: ruslit@vshu.kirov.ru

SHAKIN Sergey Aleksandrovich – senior lecturer of the Department of Philosophy and Cultural studies of Vyatka State University. 39 Moskovskaya str., 610002, Kirov.
E-mail: darthsergiio@gmail.com

SHASHIN Zakhar Sergeevich – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of Philosophy and Cultural science of Vyatka State University. 39 Moskovskaya str., 610002, Kirov.
E-mail: za.shashin@gmail.com

Вестник
Вятского государственного гуманитарного университета
Научный журнал № 3 (2016)

Подписано в печать 11.03.2016 г.
Формат 60x84 ¹/₈. Бумага офсетная. Гарнитура Cambria.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,5. Тираж 1000. Заказ № 048.

Издательство
Вятского государственного гуманитарного университета,
610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26
(8332) 208-964

Отпечатано в полиграфическом цехе
издательства ООО «Радуга-ПРЕСС»
610002, г. Киров, ул. Ленина, 83
(8332) 262-390